

ЖУРНАЛЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА И ПРОЦЕССА,

издаваемый при Русской Группѣ Международнаго Союза Криминалистовъ,

при ближайшемъ участіи: М. Н. Гернета, А. А. Жижиленко, Е. М. Кулишера, П. И. Люблинскаго, В. Д. Набокова, Н. Н. Полянскаго и М. П. Чубинскаго,

выходитъ четыре раза въ годъ.

1913 годъ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1913.

Содержаніе:

Иванъ Яковлевичъ Фойницкій.

† 19 Сентября 1913 года.

Судебная реформа Императора Александра II была эпохой не только въ исторіи русскаго законодательства: она вызвала къ жизни русскую науку права. До 60-хъ годовъ можно назвать только отдѣльныя имена писателей, преимущественно комментаторовъ или же абстрактныхъ теоретиковъ, излагавшихъ мертвыя схемы, списанныя съ Запада; можно назвать отдѣльныя ученыя работы, нынѣ основательно позабытыя, въ родѣ „Общихъ началъ" Баршева. Со введенія Судебныхъ Уставовъ наступаетъ подъемъ русской юридической мысли. Юридическое образованіе сразу дѣлаетъ крупные шаги впередъ. Открываются новыя каѳедры. Возникаютъ юридическія общества. Выходятъ юридическіе журналы. И начинается расцвѣтъ историко-догматическаго направленія въ правѣ—въ наукѣ уголовнаго права въ особенности. Имена Спасовича, Неклюдова, Таганцева, Кистяковскаго связаны съ этой „золотой" эпохой. Съ ней же связано имя и покойнаго И. Я. Фойницкаго, и нужно сказать, что, по обширности разработанной научной области, по богатству сдѣланнаго имъ вклада, по разнообразію данныхъ имъ изслѣдованій, онъ не знаетъ себѣ соперниковъ. Фойницкій былъ настоящимъ европейскимъ ученымъ, обладающимъ огромнымъ образованіемъ, способностью работать настойчиво и упорно. Трудъ его жизни является исключительнымъ

даже въ количественномъ отношеніи. Правда, продуктивность его, съ наступленіемъ нынѣшняго вѣка, изсякла. Непомѣрная работа первыхъ годовъ и напряженіе послѣдующихъ трехъ десятилѣтій истощили силы Фойницкаго, и за послѣднія 10—15 лѣтъ онъ уже перестал писать, ограничиваясь переизданіемъ (съ нѣкоторой переработкой редакціи) своихъ курсовъ. Но и сдѣланнаго имъ за тридцать лѣтъ вполнѣ достаточно для того, чтобы навсегда упрочить въ русской наукѣ память о немъ, какъ о первоклассномъ писателѣ-юристѣ, какъ объ одномъ изъ высшихъ и крупнѣйшихъ авторитетовъ въ уголовномъ правѣ.

Если примѣнить къ научному наслѣдію Фойницкаго количественную мѣрку, то придется сказать, что онъ былъ преимущественно догматикомъ, въ поле зрѣнія котораго главнымъ образомъ вошли особенная часть уголовнаго права и уголовный процессъ. Особенностью этого догматика было: примѣненіе въ очень широкомъ масштабѣ историческаго и сравнительнаго метода. Первое крупное произведеніе Фойницкаго озаглавлено „Мошенничество по русскому праву. Сравнительное изслѣдованіе". И дѣйствительно: наряду съ подробнѣйшей догматической разработкой нашего дѣйствующаго права, мы находимъ въ немъ и превосходный историческій очеркъ русскаго законодательства по вопросу о мошенничествѣ, до сихъ поръ сохранившій, въ глазахъ современныхъ криминалистовъ, свое значеніе, — находимъ и большіе экскурсы въ область западно-европейскаго права и доктрины. Эта книга написана двадцатичетырехлѣтнимъ юношей, и, читая ее, прямо изумляешься огромной массѣ усвоенныхъ авторомъ свѣдѣній, зрѣлости его мысли, остроумію и глубинѣ многихъ его построеній. Въ печати было уже указано, что иныя изъ этихъ построеній на тридцать лѣтъ опередили современные взгляды. Они сыграли большую роль и въ нашей судебной практикѣ, и

позднѣйшая полемика — въ особенности недружелюбная и даже рѣзкая со стороны покойнаго Сергѣевскаго—не подорвала ихъ. Отразились они и на новомъ уголовномъ уложеніи, въ выработкѣ котораго Фойницкій принялъ ближайшее участіе, при чемъ весь седьмой томъ объяснительной записки, посвященный преступленіямъ имущественнымъ, написанъ именно имъ. Тѣмъ же вопросамъ исторіи и догмы посвящены многочисленныя изслѣдованія, собранныя впослѣдствіи въ двухъ большихъ томахъ, озаглавленныхъ: „На досугѣ“. „Укрывательство вещей, добытыхъ преступленіемъ“, „Общегерманское законодательство печати“, „Міровая эволюція (моменты исторіи) законодательства печати“, “Реформа русскаго законодательства по вопросу о лишеніи правъ“—во всѣхъ этихъ работахъ читатель найдетъ и рядъ историческихъ данныхъ, и внимательный догматическій анализъ, и цѣнныя уголовно-политическія замѣчанія. Но, конечно, на первомъ планѣ въ работахъ этой категоріи стоятъ два капитальныхъ труда: „Курсъ уголовнаго права. Часть особенная“,—появившійся въ 1890 г. и выдержавшій до 1912 года восемь изданій, и „Курсъ уголовнаго судопроизводства“, первый томъ котораго, впослѣдствіи совершенно переработанный, вышелъ въ свѣтъ въ 1884 году (второй—въ 1897 г.; въ 1896 г. вышло второе изданіе перваго тома, а въ 1899 г.—второе изданіе второго тома). И тотъ и другой трудъ были первыми опытами систематической разработки соотвѣтствующихъ дисциплинъ русскаго уголовнаго права. Оба „Курса“ до настоящаго времени сохранили свое совершенно исключительное значеніе классическихъ работъ, необходимыхъ для каждаго юриста, какъ теоретика, такъ и практика. Какъ всякая догматическая работа, они находятся въ тѣсной связи съ дѣйствующимъ законодательствомъ, и перемѣны въ этомъ законодательствѣ должны, конечно, отразиться на нихъ, лишая тѣ или другіе отдѣлы актуаль-

наго значенія. Но при нихъ всегда останется богатство и глубина общихъ теоретическихъ взглядовъ, а изученіе цѣлаго ряда институтовъ совершенно невозможно безъ справки съ „Курсами“, гдѣ они получили полное, отчетливое и зачастую окончательное освѣщеніе.

Таковъ—въ наиболѣе схематическомъ изображеніи—Фойницкій, какъ историкъ и догматикъ права. Но едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что на путь историко-догматическій Фойницкаго влекли главнымъ образомъ требованія университетскаго преподаванія. По своимъ личнымъ вкусамъ, по складу своей научной индивидуальности, Фойницкій былъ прежде всего и главнымъ образомъ уголовнымъ политикомъ. Генезисъ преступности и способы борьбы съ нею—вотъ, что прежде всего его интересовало. Онъ первый въ русской литературѣ заговорилъ о необходимости изученія „факторовъ“ преступности—индивидуальныхъ, соціальныхъ, космическихъ, и съ полнымъ правомъ могъ сказать впослѣдствіи, въ предисловіи къ „Ученію о наказаніи“, что „однородныя мысли легли въ основаніе новѣйшихъ и весьма важныхъ направленій въ области философской разработки уголовно-юридическихъ явленій“. Появившаяся въ 1873 г. статья „Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій“ носитъ подзаголовокъ „Опытъ соціальнаго діагноза преступленія“. Она представляетъ собою мастерскою рукою написанный этюдъ, снабженный множествомъ интересныхъ статистическихъ таблицъ, и заканчивается выводомъ, что „раціональное разрѣшеніе борьбы съ преступленіемъ мы получаемъ только въ томъ случаѣ, когда ею будутъ практикуемы мѣры, направленныя къ развитію народнаго благосостоянія путемъ общественной культуры, а къ наказанію государство будетъ обращаться, какъ къ самой крайней и къ самой нежелательной въ ряду ихъ мѣрѣ“. „Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ“, вышедшее въ 1889 г., было

подготовлено рядомъ предшествовавшихъ монографій, въ томъ числѣ докторской диссертаціей Фойницкаго „Ссылка на Западѣ“ (1881 г.) и чрезвычайно цѣнными статьями о ссылкѣ (1879—1880 г.) и о желательныхъ основахъ тюремной реформы (1872 г.). Убѣжденный противникъ ссылки, Фойницкій хорошо понималъ всю безплодность сахалинскихъ экспериментовъ и еще двадцать лѣтъ тому назадъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ, рисующихъ ссылку съ мрачной стороны, указывающихъ на дезорганизацію экономическаго и нравственнаго состоянія ссыльныхъ, на невозможность удовлетворительнаго ихъ устройства, на непригодность ихъ, какъ колонизаціонныхъ элементовъ. Страницы, посвященныя вопросу о смертной казни, не будутъ забыты въ исторіи аболиціонизма. И въ ученіи о наказаніи и въ процессуальныхъ своихъ работахъ Фойницкій былъ представителемъ гуманнаго и прогрессивнаго направленія. Всякія попытки реставраціи отжившихъ институтовъ старины встрѣчали съ его стороны горячее возраженіе. Сторонникъ суда присяжныхъ, онъ видѣлъ въ немъ лучшую гарантію справедливости въ отправленіи правосудія и указывалъ, что успѣхъ присяжныхъ опредѣляется тремя главными факторами: общественною культурою, законностью въ жизни и правдою въ законѣ. „Институтъ, отъ такихъ условій зависящій,—говоритъ онъ—есть залогъ прогресса, свободы и благосостоянія народнаго“.

Въ этихъ торопливо набросанныхъ строкахъ пусть не ищутъ и попытки выяснить по существу содержаніе научнаго наслѣдія, оставленнаго Фойницкимъ. Мы не коснулись и другихъ сторонъ его плодотворной дѣятельности—въ юридическомъ обществѣ, въ городской думѣ, въ русской группѣ международнаго союза криминалистовъ, которую онъ основалъ. Эта оцѣнка — дѣло будущаго. Мы хотѣли только въ наиболѣе общихъ чертахъ отмѣтить значеніе Фойницкаго

въ нашей уголовно-юридической литературѣ и дать понятіе о размѣрахъ понесенной ею — въ лицѣ почившаго — невознаградимой потери.

Условное освобожденіе и неопредѣленные приговоры въ Сѣв. Америкѣ.

П. И. Люблинскаго.

(*Окончаніе*).

IV.

Дѣйствіе неопредѣленныхъ приговоровъ на практикѣ должно стать особымъ предметомъ научнаго изученія. Однако неопредѣленные приговоры въ своемъ дѣйствіи переплетаются съ другими факторами: режимомъ заключенія, организаціей патроната, соціальными факторами преступности и пр. Обособить вліяніе однихъ факторовъ отъ другихъ весьма трудно. Если бы мы пожелали статистически установить результаты примѣненія неопредѣленныхъ приговоровъ, то для этого намъ пришлось бы установить по отдѣльнымъ штатамъ данныя о ростѣ преступности и тюремнаго населенія до и послѣ введенія неопредѣленныхъ приговоровъ, установить среднюю продолжительность заключенія до и послѣ, вычислить процентъ рецидивистовъ среди лицъ, отбывавшихъ срочное заключеніе и заключеніе по неопредѣленному приговору, и т. д. Но такими статистическими данными мы не располагаемъ. Изъ статистическихъ отчетовъ отдѣльныхъ тюремъ или тюремныхъ управленій, а еще чаще изъ анкетъ, предпринимаемыхъ отдѣльными научными обществами или отдѣльными изслѣдователями, мы можемъ все же собрать нѣкоторыя свѣдѣнія, освѣщающія интересующую насъ проблему. Эти свѣдѣнія мы даемъ, по возможности, въ суммированномъ видѣ, хотя иногда они добыты частично изъ различныхъ источниковъ.

Лучше всего обстоитъ дѣло съ исчисленіемъ количества лицъ, успѣшно отбывшихъ періодъ испытанія при условномъ освобо-

жденіи, и лицъ, нарушившихъ условія этого освобожденія. Эта статистика касается только одного изъ элементовъ неопредѣленныхъ приговоровъ—условнаго освобожденія, но она имѣетъ большое показательное значеніе для всей системы. При неопредѣленныхъ приговорахъ срокъ испытанія бываетъ обыкновенно довольно продолжительнымъ, и имѣются значительные шансы того, что лицо, отбывшее успѣшно періодъ испытанія, въ будущемъ будетъ вести честную жизнь.

При разсмотрѣніи результатовъ условнаго освобожденія я приведу лишь статистическія данныя о штатахъ, знающихъ уже сравнительно давно неопредѣленные приговоры, и притомъ за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ сразу.

Данныя о результатахъ условнаго освобожденія по штатамъ.

Штаты, примѣняющіе условн. освоб. въ связи съ неопред. приговорами [1]).				
Названіе штата и время изданія закона.	За какой періодъ.	Число условно-освобожденныхъ.	Число нарушившихъ условія.	Процентъ неуспѣха.
Нью-Іоркъ (1900)	1900—1911	4.726	728	15,4
Массачуветсъ (1886)	1908—1909	925	179	19,6
Индіана (1897)	1897—1909	5.053	1.226	26,2
Иллинойсъ (1899)	1899—1908	5.700	1.556	27
Огайо (1891)	1891—1911	2.180	295	14
Коннектикутъ (1901)	1905—1911	122	24	20
Канзасъ (1903)	1903—1911	965	113	12
Пеннсильванія (1909)	1909—1911	978	28	3
Идаго (1907)	1912	40	5	12,5

[1]) Таблица эта составлена на основаніи свѣдѣній, собранныхъ изъ American Journal of criminal law, Proceedings of American Prison Association и отчетовъ различныхъ штатовъ (Нью-Іорка, Пеннсильваніи, Массачузетса и др.).

Штаты, знающіе условное освобожденіе безъ неопредѣленныхъ приговоровъ.				
Названіе штата и время изданія закона.	За какой періодъ.	Число условно-освобожденныхъ.	Число нарушившихъ условія.	Процентъ неуспѣха.
Миннесота (1894)	1894—1910	1.151	268	23
Калифорнія (1893)	1893—1910	682	70	10
Висконсинъ (1907).	1907—1910	400	12	3
Нью-Джерси (1905)	1905—1910	1.370	35	2,5
Техасъ (1911)	1911	49	3	6
Федеральный законъ (1910). .	1910—1911	2.314	1	—

Мы видимъ, такимъ образомъ, что цифра неуспѣха колеблется по штатамъ отъ 2 до 27%, при этомъ она выше въ штатахъ, имѣющихъ уже болѣе долгій опытъ примѣненія условнаго освобожденія, что объясняется болѣе долгимъ періодомъ наблюденія за поведеніемъ освобожденныхъ. Насколько можно судить по свѣдѣніямъ отдѣльныхъ штатовъ, вообще предоставляется условное освобожденіе съ извѣстной осторожностью. Такъ, въ Нью-Іоркѣ за время 1900 — 1911 г. изъ 9.572 представленныхъ просьбъ было удовлетворено лишь 3.988. Въ практикѣ примѣненія федеральнаго закона 1910 г. за первый годъ, условное освобожденіе было предоставлено въ 234 случаяхъ, отклонено въ 440.

Однако, данныя, относящіяся ко всему штату въ цѣломъ, еще не могутъ быть характерными. Здѣсь въ одну группу соединены лица, освобождаемыя изъ разныхъ учрежденій, изъ реформаторій и государственныхъ тюремъ. Между тѣмъ успѣхъ условнаго освобожденія во многомъ опредѣляется достоинствами, внутреннимъ режимомъ и организаціей надзора въ томъ или иномъ каратель-

номъ учрежденіи. Между отдѣльными реформаторіями и тюрьмами существуетъ даже своеобразная конкуренція относительно процента лицъ, успѣшно отбывшихъ срокъ испытанія. Въ виду этого полезнымъ будетъ дать сравнительное обозрѣніе статистическихъ данныхъ о процентѣ успѣшныхъ освобожденій не только по штатамъ, но и по отдѣльнымъ карательнымъ учрежденіямъ различнаго типа. Данныя для приводимыхъ ниже таблицъ, составленныхъ нами, мы заимствуемъ изъ анкеты, произведенной A. W. Butler'омъ [1]) предъ вашингтонскимъ тюремнымъ конгрессомъ и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ. Она обнимаетъ почти всѣ карательныя учрежденія (кромѣ трехъ—четырехъ, не доставившихъ свѣдѣнія), примѣняющія систему неопредѣленныхъ приговоровъ.

I. Данныя о результатахъ условнаго освобожденія для реформаторій [2]).

Названіе реформаторіи и штата.	Число условно освобожденныхъ	За какой періодъ.	Число окончательно освобожден.	Число нарушившихъ условія.	Умерло.	Состоитъ еще подъ наблюденіемъ.	Процентъ нарушивш. условія.
Pontiac (Иллинойсъ)	5700	1892—1908	3679	1556	67	262	27
Buena Vista (Колорадо) . . .	421	1907—1908	114	21	3	283	18
Iowa (Іова)	60	1907—1908	32	12	2	14	20
Concord (Массачузетсъ) . . .	600	1908	48	101	—	446	17
Ionia (Мичиганъ)	1161	1905—1909	651	260	19	231	22
St. Cloud (Миннесота)	765	1902—1909	343	321	5	78	43
Rahway (Нью-Джерси)	1453	1901—1909	687	300	32	383	21
Elmira (Нью-Іоркъ)	12.659	1875—1908	85	993	—	—	85
Napanoch (Нью-Іоркъ)	669	1906—1909	321	193	3	152	29
Bedford (Нью-Іоркъ)	440	1901—1908	247	113	5	75	25
Mansfield (Огайо)	3515	1896—1909	2090	873	24	512	25
Huntington (Пеннсильванія) .	1713	1900—1907	1451	237	25	—	15
Green Bay (Висконсинъ) . . .	369	1898—1909	260	60	17	36	16
Indiana (Индіана)	3099	1897—1909	1878	854	58	339	27

[1]) См. его статью „Released prisoner" въ Сборникѣ Penal and Reformatory Institutions, N. Y. 1910, а также докладъ Вашингтонскому конгрессу въ Bulletin du congres de Washington 1910 г.

[2]) Мы опускаемъ въ таблицахъ свѣдѣнія о тѣхъ, которые переве-

II. Данныя объ условномъ освобожденіи для государственныхъ тюремъ и пенитенціаріевъ.

Названіе тюрьмы и штата.	Общее число условно освобожденныхъ	За какой періодъ.	Процентъ нарушив. условія.
Canon City (Колорадо)	948	1907—1909	13
Wethersfield (Коннектикутъ)	71	1903—1907	18
Joliet (Иллинойсъ)	3988	1895—1908	35
Menard (Иллинойсъ)	407	1909	21
Lansing (Канзасъ)	840	1899—1909	19
Charlestown (Массачузетсъ)	151	1908	4
Sherborn (Массачузетсъ)	174	1908	41
Jackson (Мичиганъ)	369	1904—1908	24
Stillwater (Миннесота)	934	1892—1908	20
Auburn (Нью-Іоркъ), Sing-Sing „, Clinton „	2313	1908	17
Salem (Орегонъ)	53	1906—1909	26
Walla-Walla (Вашингтонъ)	115	1908	1
Indiana State Prison (Индіана)	1794	1897—1909	24

Изъ приведенныхъ данныхъ мы видимъ, что средній процентъ сильно варьируетъ въ различныхъ штатахъ въ зависимости отъ мѣстныхъ и юридическихъ условій освобожденія. Чѣмъ лучше организованъ надзоръ, тѣмъ процентъ констатируемыхъ нарушеній — caeteris paribus — выше. Характеръ и количество условій, предъявляемыхъ условно-освобождаемому, также вліяютъ

дены были въ тюрьмы другого штата или помилованы, въ виду чего въ суммированіи цифръ могутъ встрѣчаться и пробѣлы.

на результатъ. Большое вліяніе оказываетъ политика совѣтовъ по освобожденію, которые могутъ болѣе или менѣе строго относиться къ отдѣльнымъ отступленіямъ отъ поставленныхъ условій. Въ однихъ штатахъ совѣты очень сдержанно относятся къ условному освобожденію, примѣняя его рѣдко, въ другихъ эта мѣра является нормальнымъ способомъ освобожденія, и процентъ нарушенія условій, конечно, возрастаетъ. Въ однихъ штатахъ срокъ надзора продолжительнѣе, чѣмъ въ другихъ, и это, конечно, сказывается на числѣ нарушеній. Учесть эти условія сравнительно—статистически почти невозможно при современномъ состояніи американской статистики. Мы можемъ лишь общимъ образомъ опредѣлить средній успѣхъ условнаго освобожденія.

Большинство изслѣдователей этого вопроса и офиціальныхъ учрежденій опредѣляетъ этотъ процентъ въ 80—85% [1]). Принявъ эту цифру, мы должны будемъ признать, что въ общемъ условное освобожденіе, въ связи съ неопредѣленными приговорами, приноситъ хорошіе результаты въ смыслѣ предупрежденія преступности. Изъ каждыхъ пяти освобождаемыхъ только одинъ возвращается къ преступной дѣятельности или, по крайней мѣрѣ, оказывается неспособнымъ къ правильной жизни на свободѣ, четверо остальныхъ получаютъ большой шансъ возвращенія къ честному труду и реабилитаціи въ правахъ. При колоссальности цифръ рецидива во всѣхъ странахъ Европы [2]), успѣхъ условнаго освобожденія въ Америкѣ является несомнѣннымъ.

---

[1]) Committee on parole and indeterminate sentence при Американскомъ Институтѣ Уголовнаго Права опредѣляетъ его въ 85—90% (см. отчетъ комитета въ Amer. Journal, 1913 p. 550). Нью-Іоркскій parole board—въ 83% (Ibid. p. 560). W. Venn, начальникъ тюремнаго управленія въ Мичиганѣ—въ 86% (для этого штата) Report on the proceedings of the American Prison Association 1911 p. 265; отчеты агентовъ по условному освобожденію въ Пеннсильваніи опредѣляютъ процентъ успѣха въ 86% (Parole work in Pennsylvania, см. Journal of Prison Discipline, 1913 p. 28).

[2]) См. данныя о рецидивѣ въ книгѣ М. Гернета Уголовное Право 1913, стр. 56—58.

Статистика успѣшности условнаго освобожденія еще не характеризуетъ самой системы неопредѣленныхъ приговоровъ. Интересно разслѣдовать, какъ часто суды пользуются правомъ постановлять неопредѣленные приговоры и какой объемъ усмотрѣнія предоставляется судьями совѣтамъ по условному освобожденію.

Разсматривая различныя законодательныя системы неопредѣленныхъ приговоровъ, мы видѣли, что при присужденіи виновныхъ къ заключенію въ государственныя тюрьмы или пенитенціаріи судейскому усмотрѣнію оставляется извѣстная область. Въ однихъ штатахъ съ этою цѣлью предоставляютъ судьѣ выборъ между назначеніемъ опредѣленнаго и неопредѣленнаго приговора; въ другихъ—суду предоставляютъ устанавливать по своему усмотрѣнію максимумъ и минимумъ въ предѣлахъ законныхъ максимума и минимума. Характерными являются данныя о томъ, какъ судъ пользуется этими своими полномочіями.

Статистика штата Орегонъ, знающаго факультативные неопредѣленные приговоры, показываетъ, что за время съ 1905 г. по 1910 г. было осуждено 1041 лицо, къ которымъ могли бы быть примѣнены неопредѣленные приговоры, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности осуждено было на неопредѣленный срокъ всего 118 человѣкъ [1]). Въ штатѣ Нью-Іоркѣ въ періодъ 1889—1901 гг., т. е. за 12 лѣтъ дѣйствія факультативныхъ неопредѣленныхъ приговоровъ было присуждено къ неопредѣленному заключенію въ государственныя тюрьмы всего 115 чел., тогда какъ вообще къ государственной тюрьмѣ было приговорено болѣе 13.000 чел. И въ настоящее время, съ введеніемъ обязательности неопредѣленныхъ приговоровъ для отдѣльныхъ категорій осужденныхъ (см. выше), число отбываемыхъ опредѣленные сроки заключенія выше числа отбываемыхъ неопредѣленные сроки. Такъ въ 1909 г. содержалось въ тюрьмахъ штата Нью-Іоркъ [2]):

---

[1]) American Journal, 1912, p. 561.

[2]) См. Annual Report of the Prison Commission for the year, News-York, 1909.

Названіе тюрьмы.	Число срочныхъ.	Число неопредѣл. приговоренныхъ.
Обурнская	694	588
Клинтонская	889	357
Сингъ-Сингъ	520	1.272
Женская тюрьма въ Обурнѣ . . .	24	95

Въ Пеннсильваніи въ 1910 г. изъ 1407 осужденныхъ только 576 были осуждены по неопредѣленнымъ приговорамъ [1]).

Въ штатѣ Коннектикутъ за пять лѣтъ (1905—1911) дѣйствію неопредѣленныхъ приговоровъ было подвергнуто всего 122 человѣка. Въ штатѣ Вiйомингъ за три года (1909—1912)—всего 42 [2]). При такихъ условіяхъ едва ли можно говорить о вытѣсненіи неопредѣленными приговорами приговоровъ срочныхъ. Судьи крайне осторожно оснosятся къ новой формѣ приговоровъ, и только категорическое предписаніе закона заставляетъ ихъ болѣе часто примѣнять эту систему.

Но даже и при обязательномъ назначеніи неопредѣленныхъ приговоровъ въ рукахъ судей имѣется возможность на практикѣ почти совершенно парализовать всякое значеніе неопредѣленныхъ приговоровъ, посредствомъ осуществленія права опредѣлять максимумъ и минимумъ. Приведу нѣсколько иллюстрацій, заимствуемыхъ изъ практики тѣхъ штатовъ, въ которыхъ ведется статистика постановляемыхъ судами приговоровъ.

Такъ въ штатѣ Пеннсильванія, гдѣ по закону 1911 г. опредѣленіе максимума и минимума заключенія зависитъ отъ суда, постановляющаго приговоръ, мы встрѣчаемъ за 1911 г. слѣдующіе приговоры:

---

[1]) The Journal of prison discipline, 1913.

[2]) Amer. Journal of Crim. Law. v. III. № 4.

Три приговора съ максим. въ 20 л. и миним. въ 19 л.
Одинъ пригов. » » » 20 » » » » 19 » 6 м.
» » » » » 20 » » » » 19 » 11 »
» » » » » 20 » » » « 19 » 11 » 25 д. (!)
» » » » » 28 » » » » 26 » и 6 м.
» » » » » 28 » » » » 27 »

Во всѣхъ этихъ случаяхъ возможное сокращеніе наказанія несмотря на крайнюю продолжительность его, не превышаетъ одного года, между тѣмъ какъ по самымъ строгимъ законамъ объ условномъ осужденіи оно не бываетъ меньше $^1/_4$ максимума.

Если взять приговоры съ максимумомъ въ 15 лѣтъ, то мы найдемъ минимумъ—9 мѣс., 1 годъ, 3 года, 4 года, 5 лѣтъ, 12 лѣтъ.

Наибольшимъ максимальнымъ срокомъ среди приговоровъ 1911 года является приговоръ на 80 лѣтъ (съ минимумомъ въ 10 лѣтъ), вынесенный за пятую судимость. Не трудно видѣть, что судейское усмотрѣніе, при нежеланіи пользоваться неопредѣленностью приговоровъ, можетъ совершенно парализовать ихъ дѣйствіе. Это сознается и пенологами Пеннсильваніи, которые отстаиваютъ внесеніе поправки въ законъ, по которой минимальный срокъ долженъ быть по крайней мѣрѣ въ половину меньше максимальнаго [1]).

Аналогичный примѣръ мы видимъ и въ другомъ штатѣ Массачузетсѣ. Въ отчетѣ тюремной комиссіи за 1909 г. [2]) мы встрѣчаемъ статистическія данныя о продолжительности приговоровъ лицъ, приговоренныхъ къ государственной тюрьмѣ. Здѣсь также минимумъ и максимумъ устанавливаются судомъ, но такъ, чтобы первый былъ не ниже $2^1/_2$ лѣтъ, а второй—не болѣе максимальнаго срока, указаннаго въ законѣ. Результатъ выражается въ слѣдующихъ данныхъ. Было приговорено въ 1909 г. на сроки

---

1) The commutation of sentence. The Journal of prison discipline and philanthropy, publ. by Pennsylvania Prison Society. March 1913. p. 31—33

2) Ninth Annal Report of Prison Commissioners of Massachusets for the year 1909. Boston 1910. p. 27.

отъ	$2\frac{1}{2}$	до	3	лѣтъ	10
»	$2\frac{1}{2}$	»	$3\frac{1}{2}$	»	12
»	$2\frac{1}{2}$	»	4	»	9
»	$2\frac{1}{2}$	»	3	»	1
»	3	»	$3\frac{1}{2}$	»	1
»	3	»	4	»	16
»	3	»	5	»	23
»	3	»	6	»	1
»	$3\frac{1}{4}$	»	$6\frac{1}{2}$	»	1
»	$3\frac{1}{2}$	»	4	»	1
»	$3\frac{1}{2}$	»	5	»	2
»	$3\frac{1}{2}$	»	7	»	1
»	4	»	$4\frac{1}{2}$	»	1
»	4	»	5	»	13
»	4	»	6	»	16
»	4	»	7	»	3
»	4	»	8	»	1
»	$4\frac{1}{2}$	»	$5\frac{1}{2}$	»	2
»	5	»	$5\frac{1}{2}$	»	1
»	5	»	6	»	7
»	5	»	7	»	12
»	5	»	8	»	2
»	5	»	10	»	4
отъ	$5\frac{1}{2}$	до	8	лѣтъ	1
»	6	»	7	»	1
»	7	»	8	»	5
»	6	»	10	»	2
»	7	»	8	»	2
»	7	»	9	»	2
»	7	»	10	»	5
»	$7\frac{1}{2}$	»	9	»	1
»	8	»	9	»	1
»	8	»	10	»	9
»	8	»	12	»	2
»	10	»	12	»	5
»	10	»	14	»	1
»	10	»	15	»	3
»	12	»	15	»	4
»	13	»	15	»	1
»	15	»	20	»	2
»	16	»	20	»	2
»	25	»	30	»	1
пожизненно					8
Итого					198

Изъ приведеннаго видно, что по широтѣ предоставляемаго совѣту по условному освобожденію усмотрѣнія приговоры распологаются такимъ образомъ:

Усмотрѣніе предоставлено въ предѣлахъ:

1 мѣсяца	2
$\frac{1}{2}$ года	15
1 года	52
$1\frac{1}{2}$ года	12
2 лѣтъ	72

$2^1/_2$ лѣтъ	1
3 лѣтъ	16
$3^1/_2$ лѣтъ	1
4 лѣтъ	8
5 лѣтъ	10

Статистика Нью-Іорка за 1909 г. относительно Өбурнской тюрьмы [1]) показываетъ, что изъ общаго числа 1282 заключенныхъ, содержавшихся въ тюрьмѣ, 694 были приговорены судами на неопредѣленные сроки и 588—на опредѣленные. Для второй категоріи среднимъ минимальнымъ срокомъ было 3,3 года, а среднимъ максимальнымъ—5,5 года. Пробѣгая таблицу продолжительности отдѣльныхъ приговоровъ, мы очень рѣдко встрѣчаемъ такіе неопредѣленные приговоры, гдѣ усмотрѣнію совѣта по условному освобожденію предоставлялась бы широкая область. Въ качествѣ примѣра такихъ приговоровъ укажу лишь на приговоры отъ 7 до 16 лѣтъ, отъ 9—20 лѣтъ, отъ 10—25 л. (по 1 случаю). Зато часто встрѣчаются фиктивно-неопредѣленные приговоры, вродѣ слѣдующихъ: отъ 1 года до 1 г. и 15 дней, 1 г.—1 г. 1 мѣс., 2 г.—2 г. 2 мѣс., 1 г. 2 мѣс.—1 г. 3 мѣс., 1 г. 7 мѣс.—1 г. 9 мѣс., 4 г. 6 мѣс.—4 г. 9 мѣс., $4^1/_2$—5 л., $5^1/_2$—6 л. и даже встрѣчается такой приговоръ—$19^1/_2$—20 лѣтъ.

Въ тюрьмѣ Сингъ-Сингъ того же штата при 1.272 заключенныхъ на неопредѣленные сроки среднимъ минимумомъ было 4 г. 2 мѣс. 11 дней, а среднимъ максимумомъ 5 л. 10 мѣс. 26 дней. Средняя продолжительность усмотрѣнія при освобожденіи такимъ образомъ равна 1 г. 8 мѣс. Среди приговоровъ встрѣчаются такіе, какъ 19 лѣтъ 5 мѣс.—19 лѣтъ 6 мѣс., 13 лѣтъ и 5 мѣс.—13 лѣтъ 6 мѣс. и т. д., а съ другой стороны—10—40 лѣтъ, 40 лѣтъ—пожизненно, 8—17 лѣтъ, 5—20 лѣтъ и т. д.

---

[1]) State of New York. Annual Report of the Superientendent of State Prisons for the year 1909. N. Y. 1910. p. 177 s. Тамъ же см. аналогичный отчетъ о другихъ тюрьмахъ.

Въ общемъ можно составить слѣдующую таблицу средней продолжительности приговоровъ для различныхъ тюремъ Нью-Іорка:

Названіе тюрьмы.	Средняя продолжительность срочныхъ приговоровъ.	Средняя продолжительность неопредѣл. приговоровъ.	
		средній минимумъ	средній максимумъ
Sing-Sing	8 л. 8 м. 20 д.	4 г. 2 м. 11 д.	5 л. 10 м. 26 д.
Auburn	6,879 года	3,332 года	5,557 года
Clinton	9 л. 4 м. 22 д.	—	—
Women Prison	6,7 года	3 года	5,57 года

Эти данныя показываютъ, что судьи, въ общемъ, прибѣгаютъ къ неопредѣленнымъ приговорамъ въ болѣе легкихъ случаяхъ. Даже максимальный срокъ при неопредѣленныхъ приговорахъ ниже средняго срока при приговорахъ опредѣленныхъ. При этомъ слѣдуетъ указать, что случаи осужденія за убійство (при которомъ допустимы только опредѣленные приговоры) почти не приняты въ разсчетъ, такъ какъ они караются здѣсь смертною казнью или пожизненнымъ заключеніемъ, которое не было принято при исчисленіи средней продолжительности опредѣленныхъ приговоровъ. Максимумъ и минимумъ при неопредѣленныхъ приговорахъ устанавливается самими судьями. Изъ того факта, что средняя продолжительность назначаемаго судьями относительно-неопредѣленнаго срока почти въ два раза ниже срока при опредѣленныхъ приговорахъ, можно сдѣлать заключеніе, что судьи избираютъ для того менѣе закоренѣлыхъ и болѣе заслуживающихъ снисхожденія преступниковъ.

Приведенныхъ примѣровъ, я думаю, достаточно, чтобы вывести заключеніе о томъ, что при гибкости судейскаго усмотрѣнія возможно въ однихъ случаяхъ дѣлать неопредѣленные при-

говоры только номинально неопредѣленными (на самомъ же дѣлѣ гораздо болѣе точными, чѣмъ при какой-либо иной системѣ), а въ другихъ—открывать широчайшую область усмотрѣнія тюремной администраціи. Вопросъ объ установленіи раціональныхъ ограниченій судейскаго усмотрѣнія въ этой области составляетъ одинъ изъ очередныхъ вопросовъ американской уголовной политики въ вопросѣ о неопредѣленныхъ приговорахъ.

V.

Несмотря на сравнительно быстрое распространеніе неопредѣленныхъ приговоровъ по отдѣльнымъ штатамъ Сѣверной Америки, имъ пришлось выдержать энергичную борьбу, исходившую отъ сторонниковъ старой теоріи. И до настоящаго времени борьба эта не можетъ считаться вполнѣ законченной. Время отъ времени раздаются голоса противъ новой системы. Для странъ, еще не знающихъ неопредѣленныхъ приговоровъ, представитъ интересъ, думается мнѣ, ознакомленіе не только съ практикой новой системы, но и съ ея теоретическими предпосылками, а также тѣми возраженіями, которыя ей приходилось преодолѣвать. Посвящая особую главу этому вопросу, я долженъ оговориться, что я не буду выводить теоретическаго спора о неопредѣленныхъ приговорахъ за рамки американской литературы, хотя въ настоящее время въ различныхъ странахъ Европы накопилось не мало критическаго и теоретическаго матеріала по этому вопросу.

Первымъ авторомъ, развившимъ теорію неопредѣленныхъ приговоровъ, былъ иниціаторъ ихъ, Броквей. Я позволю себѣ привести отрывокъ изъ его доклада, читаннаго на конгрессѣ въ Цинциннати въ 1870 г., относящійся къ неопредѣленнымъ приговорамъ и выражающій въ сжатой формѣ то, что затѣмъ было повторяемо послѣдователями Броквея болѣе подробно [1].

---

1) The Ideal of the prison system см. Appendix to the book Z. R. Brockway, Fifty years of prison service, 1912 p. 399—402.

„Преступники, помѣщаемые въ тюрьму, естественно питаютъ вражду къ законамъ и къ ихъ охранителямъ, и это чувство составляетъ первое и весьма сильное препятствіе къ исправленію. Но найти противъ этого надлежащее средство и измѣнить отношеніе осужденныхъ къ закону нельзя до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать опредѣленные приговоры, устанавливаемые судомъ. Постановленный судомъ приговоръ можетъ казаться осужденному или слишкомъ легкимъ и пустячнымъ, или слишкомъ долгимъ и тиранническимъ, или справедливо соотвѣтствующимъ его преступленію. Если приговоръ будетъ слишкомъ снисходительнымъ, преступники тѣмъ самымъ будутъ побуждаться къ тому, чтобы стать болѣе смѣлыми и заслужить приговоръ болѣе строгій. Если срокъ, установленный приговоромъ, является слишкомъ длиннымъ, то преступники сначала почувствуютъ даже нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что ихъ считаютъ важными преступниками, но затѣмъ, начавъ отбывать наказаніе, они постепенно проникаются местью ко всему, такъ или иначе связанному съ ихъ арестомъ, судомъ и содержаніемъ въ тюрьмѣ, и, наконецъ, впадаютъ въ апатію и отчаяніе. И наконецъ, если случайно будетъ постановленъ приговоръ, совпадающій со взглядами осужденнаго преступника, соотвѣтствующій его внутреннему чувству, то все же и тогда получается опасный результатъ: преступникъ будетъ жить подъ дѣйствіемъ ложной идеи о томъ, что онъ искупаетъ наказаніемъ свою вину; подобно другимъ онъ считаетъ проходящіе дни, а по освобожденіи онъ возвращается въ общество, считая себя расквитавшимся съ обществомъ.

„Другой важной причиной преступности является ежегодное освобожденіе въ каждомъ штатѣ сотенъ преступниковъ, еще не исправившихся, что всегда можетъ происходить при теперешней системѣ приговоровъ. Никто, будь онъ судьей, юристомъ или простымъ человѣкомъ, не въ состояніи опредѣлить заранѣе времени, когда человѣкъ сможетъ быть исправленъ, а возвращеніе всѣхъ привилегій гражданства тѣмъ, которые показали себя опасными и дурными совершеніемъ преступленія, до тѣхъ поръ,

пока они не исцѣлены и не исправлены, составляетъ оскорбленіе общества. Должна быть сохранена такая минимальная продолжительность наказанія, которая способна защитить народъ отъ опаснаго вліянія такихъ лицъ, и это явится для самихъ преступниковъ болѣе сильной сдержкой, чѣмъ всѣ жестокости инквизиціи. Поэтому-то и слѣдуетъ отстаивать неопредѣленные приговоры. Подъ неопредѣленными приговорами я разумѣю такіе, по которымъ всѣ лица, осужденныя компетентными судами за преступленія и проступки, будутъ признаны подопечными государства (wards of the state) и будутъ отдаваемы подъ охрану совѣта попечителей до тѣхъ поръ, пока, по мнѣнію этихъ послѣднихъ, они не смогутъ быть возвращены въ общество въ согласіи съ обычными мѣрами предосторожности и ихъ собственнымъ благополучіемъ. Такой совѣтъ будетъ вѣдать всѣми предупредительными и исправительными средствами, которыми располагаетъ штатъ, а также будетъ имѣть право освобождать заключенныхъ въ самый ранній моментъ послѣ того, какъ достигнуто исправленіе“.

Далѣе Броквей перечисляетъ 15 доводовъ въ пользу неопредѣленныхъ приговоровъ. Неопредѣленные приговоры,—по мнѣнію Броквея,—

1) дополняютъ право силы правомъ любви, какъ въ государственномъ управленіи, такъ и въ сознаніи народа, предоставляя государству его надлежащее мѣсто—не начальника (governor), а опекуна (guardian); 2) обезпечиваютъ сильную сдержку преступности и оказываютъ продолжительное воздѣйствіе на преступника, что предупреждаетъ преступность, тогда какъ даже суровыми опредѣленными приговорами этого достичь нельзя; 3) дѣлаютъ возможнымъ детенированіе и правильное обученіе массы начинающихъ преступниковъ еще до того, какъ характеръ ихъ станетъ закоренѣлымъ и они станутъ членами преступной профессіи; при существующей системѣ это невозможно, такъ какъ общественное мнѣніе враждебно настроено ко всякому сколько-нибудь рѣшительному воздѣйствію, если только преступникъ не признанъ крайне испорченнымъ и не учинилъ серьезныхъ преступленій; 4) утилизируютъ въ цѣляхъ исправленія то, что въ настоящее время является величайшимъ препятствіемъ для исправленія, — душевныя склонности преступниковъ, именно любовь къ свободѣ или желаніе быть освобожденнымъ; 5) устраняютъ случайность и тѣмъ

смягчаютъ чувство вражды, питаемое обыкновенно противъ закона и его служителей; ставятъ личный интересъ заключеннаго въ соотвѣтствіе съ повиновеніемъ правиламъ режима, и тѣмъ самымъ упрощаютъ и облегчаютъ дисциплинарныя воздѣйствія на него; 6) концентрируютъ способность хитрости, столь обычной среди преступниковъ, на лицахъ, заботящихся объ ихъ исправленіи, и обезпечивая дѣйствительное и активное взаимодѣйствіе тѣхъ и другихъ, тѣмъ самымъ вызываютъ къ жизни ту черту характера, которую слѣдуетъ вызвать прежде всего и которая при обыкновенныхъ условіяхъ проявляется очень трудно; 7) когда притворство и стратегія оказываются безплодными, а то безспорно должно случиться при наличности хорошаго персонала тюрьмы, неопредѣленные приговоры обезпечиваютъ искреннее стремленіе заключенныхъ въ направленіи цѣлей, преслѣдуемыхъ администраціей, безъ чего самое исправленіе было бы невозможно; 8) перемѣщаютъ отвѣтственность за то, что заключенные будутъ содержаться достаточно долго съ должностныхъ лицъ, избираемыхъ народомъ, которыя (по общему правилу) не имѣютъ ни времени, ни средствъ узнать, что является наилучшимъ для даннаго случая, на одного отвѣтственнаго руководителя извѣстнаго обществу и легко контролируемаго; 9) не устраняя неизбѣжно власти суда опредѣлять сроки наказанія, эта система обезпечиваетъ помощь опытныхъ лицъ при разсмотрѣніи вопроса о времени освобожденія тогда какъ старая система не даетъ этой возможности; 10) эта система откладываетъ моментъ опредѣленія срока заключенія со времени судебнаго разбирательства, полнаго возбужденія, предразсудковъ и несвободнаго отъ вліянія общественнаго негодованія, и даетъ возможность спокойно и правильно судить о характерѣ заключеннаго; 11) она дѣлаетъ возможнымъ быстрое исправленіе ошибокъ и несправедливостей, жертвами которыхъ часто становятся первичные преступники или тѣ, которые только одинъ или два раза въ жизни поддались болѣзненной склонности совершенія преступленія; 12) она обезпечиваетъ возвращеніе исправленныхъ преступниковъ въ общество въ надлежащій моментъ и лучшимъ образомъ регулируетъ степень необходимой сдержки и ея продолжительность; 13) она сохраняетъ на любой срокъ такой надзоръ за преступникомъ, который защищаетъ какъ общество, такъ и самого преступника отъ несдержанныхъ порывовъ, отъ преслѣдованій со стороны потерпѣвшаго или враждебнаго ему человѣка, отъ бѣдности и большой нужды; при возможности найти и развить новые способы сдержки и новыя силы, контроль этотъ постепенно ослабѣваетъ, пока не наступаетъ, наконецъ, окончательное освобожденіе; 14) законодательные органы могутъ, не нарушая конституцій, издать законы, санкціонирующіе эту мѣру; среди юристовъ также ростетъ убѣжденіе, что единственно здравымъ основаніемъ для уголовнаго законодательства являются исправленіе и предупрежденіе; 15) болѣе, чѣмъ двадцатилѣтній личный опытъ Броквея, соединенный съ самымъ внимательнымъ изученіемъ вопроса о реформированіи преступниковъ, рѣшительно приводитъ его къ убѣжденію, что безъ неопредѣленныхъ приговоровъ не можетъ существовать система реформаторій и что такіе приговоры безусловно необходимы для идеальной и истинной тюремной системы.

Изложенныя въ докладѣ идеи Броквей затѣмъ широко популяризировалъ въ рядѣ сообщеній и статей вплоть до Вашингтонскаго конгресса въ 1910 г., на которомъ онъ выступилъ съ рѣчью, посвященной системѣ реформаторій и неопредѣленныхъ приговоровъ [1]). Съ самаго начала и до настоящаго времени Броквей оставался сторонникомъ безусловно неопредѣленныхъ приговоровъ, безъ максимума. Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ въ Америкѣ многихъ послѣдователей. Но ни одно законодательство, какъ мы видѣли, не восприняло этой идеи въ чистомъ видѣ.

Горячимъ сторонникомъ неопредѣленныхъ приговоровъ, много способствовавшимъ развитію теоріи ихъ и укрѣпленію ихъ на практикѣ, является сынъ иниціатора международныхъ тюремныхъ конгрессовъ F. H. Wines. Въ качествѣ редактора отдѣла уголовной статистики при народной переписи 1890 г., д-ръ Wines произвелъ громадную работу сравненія по различнымъ штатамъ указанныхъ въ законѣ и примѣняемыхъ на практикѣ наказаній за отдѣльныя преступленія, и пришелъ къ убѣжденію въ полной произвольности опредѣленія продолжительности наказаній въ законѣ или въ судебномъ приговорѣ [2]). Работа его показала американскому обществу, что тотъ или иной размѣръ наказанія вызывается не какими-либо опредѣленными требованіями возмездія, а случайностью или прихотью законодателя и судьи, и тѣмъ

---

[1]) Уже послѣ конгресса въ Цинциннати въ 1871 г. Броквей занялся непрестанной пропагандой своихъ идей. Такъ непосредственно послѣ съѣзда онъ дѣлалъ докладъ законодательнымъ собраніямъ штатовъ Индіана, Иллинойсъ и Мичиганъ, говорилъ въ клубахъ и церквяхъ, позднѣе поддерживалъ свою идею на конгрессахъ американской тюремной ассоціаціи. Изложеніе основъ его теоріи, кромѣ указаннаго доклада, см. въ книгѣ Fifty years of prison service, An autobiography, 1913, а также въ изданіи Prison Reform aud Criminal Law статью „American Reformatory system" p. 88—108. Рѣчь Броквея на Вашингтонскомъ конгрессѣ напечатана въ Proceedings of the American Prison Association for the year 1910. Indianapolis, 1911, p. 162.

[2]) Eleventh Census of United States. Prisoners in Institutions; 1890. Затѣмъ работа эта была перепечатана въ Сборникѣ Prison Reform and Criminal law. N. Y, 1910, p. 108—122.

самымъ сильно поколебала довѣріе къ системѣ опредѣленныхъ приговоровъ. Выводы F. Wines затѣмъ неоднократно приводились, какъ рѣшительные аргументы въ пользу новой системы". Чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1895 г., Уайнсъ выпускаетъ свой классическій трудъ „Punishment and Reformation", въ 1910 г. вышедшій вторымъ изданіемъ. Въ немъ сопоставляется мрачное прошлое уголовнаго права съ новыми идеями, выработавшимися въ американской практикѣ. Значительное мѣсто удѣлено и неопредѣленнымъ приговорамъ. Онъ считаетъ неопредѣленные приговоры необходимымъ средствомъ исправительнаго воздѣйствія. „Нельзя найти лучшаго средства для обезпеченія желательнаго содѣйствія со стороны самого заключеннаго, чѣмъ поставленіе этого освобожденія въ зависимость отъ его собственнаго подчиненія и усилій. Тенденціей неопредѣленныхъ приговоровъ является перемѣна тюремной атмосферы. Когда противодѣйствіе заключеннаго по отношенію къ дисциплинѣ реформаторій сломлено, онъ начинаетъ смотрѣть на нее какъ на убѣжище надежды, а не отчаянія. Рано или поздно онъ начнетъ видѣть въ начальникѣ реформаторіи друга, главнымъ желаніемъ котораго является поднять заключеннаго изъ того униженія, въ которомъ тотъ очутился". Однако, неопредѣленные приговоры могутъ быть примѣняемы только при системѣ реформаторій. Примѣненіе ихъ по отношенію къ тюрьмамъ, лишеннымъ опытнаго исправительнаго (reformative) режима, составляетъ ошибку. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уайнсъ считаетъ неправильнымъ установленіе полной неопредѣленности. Она, быть можетъ, и согласна съ отвлеченными положеніями, но на практикѣ привела бы къ нежелательнымъ результатамъ: 1) она не представляется, прежде всего, необходимой, такъ какъ максимумъ достаточенъ для исправленія; 2) общество и суды отказываются передавать хотя бы и осужденныхъ гражданъ на безконтрольное распоряженіе неограниченной власти, въ особенности при несерьезности преступленія и молодости преступника; 3) она могла бы вызвать реакцію, которая побудила бы противниковъ этой системы требовать возврата къ опредѣленнымъ приговорамъ.

Въ своемъ докладѣ Вашингтонскому конгрессу F. H. Wines объясняетъ подробнѣе, въ какомъ отношеніи неопредѣленные приговоры вліяютъ на самый тюремный режимъ [1]):

„При дѣйствіи неопредѣленныхъ приговоровъ сама тюрьма испытываетъ прогрессирующую трансформацію. Съ того момента, какъ тюремная администрація ставитъ своимъ лозунгомъ исправленіе, а не покараніе, она вся проникается новымъ духомъ. Власти избираютъ лучшихъ и наиболѣе способныхъ для цѣлей исправленія людей, людей образованныхъ, проникнутыхъ задачами своего высокаго служенія и отличающихся нравственными качествами, благородными побужденіями и преданностью своему призванію. Эти должностныя лица становятся все болѣе и болѣе сильными, и ихъ отвращеніе ко всему жестокому, гадкому и позорному возвышаетъ уровень требованій тюрьмы. Если имъ не удается исправленіе, то, значитъ, они неправильно выбрали свое призваніе. На нихъ падаетъ новая отвѣтственность и они прямо идутъ ей навстрѣчу. Они охотно примутъ всякую новую идею, которая облегчитъ имъ ихъ трудную задачу".

Горячимъ сторонникомъ неопредѣленныхъ приговоровъ является предсѣдатель Нью-Іоркской тюремной ассоціаціи E. Smith. Въ своемъ докладѣ Вашингтонскому конгрессу [2]) онъ указываетъ на слѣдующія преимущества этой формы: 1) она дѣятельно стремится къ исправленію осужденнаго, наиболѣе сильно возбуждая его энергію и побуждая его пользоваться всѣми средствами, предоставленными въ его распоряженіе для исправленія и для того, чтобы стать достойнымъ вернуться въ общество; 2) она устраняетъ неравенство и несправедливость старой карательной системы, замѣняя ее логической и правильной системой равенства всѣхъ заключенныхъ, благодаря которой всѣ заключенные имѣютъ одинаковые шансы освобожденія; 3) она радикально измѣняетъ отношеніе государства къ осужден-

---

[1]) Rapport présenté par F. H. Wines. Bulletin de la Commission pénitentiaire 1910.

[2]) Rapport présenté par E. Smith. Bulletin de la Commission pénitentiaire, 1910 livr VI, p. 17.

*

ному, дѣлая изъ перваго не врага второго, а благодѣтеля; при старой системѣ государство является мстителемъ, требующимъ удовлетворенія путемъ причиненія вреда, пропорціональнаго тяжести преступленія; при системѣ неопредѣленныхъ приговоровъ заключенный можетъ придти къ убѣжденію въ томъ, что государство стремится реабилитировать его, приходитъ къ нему на помощь и побуждаетъ всѣми средствами къ тому, чтобы онъ сталъ достойнымъ вернуться въ общество; 4) наконецъ, неопредѣленные приговоры стремятся обезпечить обществу постоянную защиту и уменьшить преступность, устраняя тяготѣющій надъ обществомъ кошмаръ отпуска на свободу неисправившихся. Кромѣ указаннаго доклада, на англійскомъ языкѣ E. Smith опубликовалъ еще одинъ трудъ объ этомъ вопросѣ[1]). Вотъ нѣкоторыя мысли изъ работъ E. Smith о неопредѣленныхъ приговорахъ:

„Неопредѣленные приговоры радикально измѣняютъ отношеніе государства къ преступнику и тѣмъ самымъ стремятся измѣнить и отношеніе преступниковъ къ государству. При современной карательной системѣ осужденный недовѣрчиво относится къ государству, такъ какъ оно ради мести причиняетъ ему страданія и постоянно расточаетъ угрозы на будущее время. При идеѣ реформированія покараніе отходитъ на второй планъ и государство выступаетъ по отношенію къ осужденному какъ благодѣтельная сила, стремящаяся къ его реабилитированію и къ тому, чтобы сдѣлать его достойнымъ жизни на свободѣ“.

„Освобожденіе изъ тюрьмы преступника неисправившимся является казнью не только для общества, но оно представляетъ еще большее проклятіе для самого преступника, порабощеннаго злыми стремленіями и страстями, лишеннаго силы воли и неспособнаго сопротивляться искушеніямъ. Въ то время, когда онъ нуждается въ руководствѣ сильной руки, его выпускаютъ на свободу, предоставляя дѣйствію злыхъ силъ, влекущихъ его въ глубину преступности. Нѣтъ болѣе роковой участи для неисправившагося

[1]) См. Prison reform and Criminal law. 1910. Criminal law in the United States. p. p. 65—74.

преступника, чѣмъ свобода. Неопредѣленные приговоры защищаютъ преступника отъ его худшаго врага—его самого, стремятся пробудить въ немъ надежду, развить характеръ, влить въ него силу, возвысить его личность и перевоспитать его, и вслѣдствіе этого они воплощаютъ въ себѣ истинный духъ ученія Спасителя".

„Продолжительность, необходимая для исправленія въ реформаторіи, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать освобождаемаго пригоднымъ для жизни на свободѣ, можетъ быть опредѣлена лишь фактическимъ изученіемъ каждаго отдѣльнаго случая; она зависитъ отъ характера и темперамента лица, а не отъ рода учиненнаго имъ преступленія. Понятно, что она не можетъ быть измѣряема срокомъ, назначаемымъ заранѣе. Осужденный сопротивляется реформирующимъ вліяніямъ, отвергаетъ ихъ, между тѣмъ, пока онъ не подчинится имъ и не станетъ активно воспринимать ихъ, нѣтъ надежды на благопріятный исходъ. При опредѣленности заключенія увѣренность, что онъ будетъ освобожденъ во всякомъ случаѣ по истеченіи срока, придаетъ ему силу сопротивленія. Опредѣленные приговоры поэтому стоятъ въ противорѣчіи съ исправленіемъ, они противодѣйствуютъ тому, чтобы сдѣлать заключеннаго пригоднымъ къ свободной жизни".

При аргументаціи въ пользу неопредѣленныхъ приговоровъ не остается безъ примѣненія и аналогія между преступностью и болѣзнью.

„Логическое построеніе карательной системы—пишетъ профессоръ университета Иллинойса, врачъ Лидстонъ [1],—должно по необходимости опираться на неопредѣленные приговоры. Господствующій нынѣ способъ опредѣленія произвольно назначаемой дозы наказанія за преступленіе опредѣленной тяжести является по существу нелѣпымъ. Приговаривая преступника къ опредѣленному числу лѣтъ тюрьмы, мы поступаемъ такъ же, какъ поступилъ бы врачъ, предписывая заключить больного, страдающаго заразительной болѣзнью, въ больницу на извѣстное количество недѣль. Я допускаю, что сравненіе между преступленіемъ и болѣзнью не совсѣмъ точно, но все же параллелизмъ, приведенный выше, правиленъ. Вѣдь при-

[1] Lydston. Diseases of the society. N. Y. 1901, p. 604.

знаютъ же, что и неопредѣленные приговоры болѣе примѣнимы по отношенію къ юнымъ, сравнительно легче исправимымъ преступникамъ, чѣмъ къ преступникамъ взрослымъ, труднѣе поддающимся исправленію".

Лидстонъ признаетъ опасности примѣненія неопредѣленныхъ приговоровъ къ нѣкоторымъ видамъ преступленій. Такъ, прежде всего опасно примѣнять эти приговоры къ убійцамъ. „Убійцы рѣдко принадлежатъ къ классу профессіональныхъ преступниковъ. По освобожденіи они рѣдко совершатъ новое убійство. Укоры совѣсти и малая вѣроятность стеченія исключительныхъ обстоятельствъ являются защитой общества. Однако, если бы убійцы скоро получали бы условное освобожденіе, то это быстрое „излѣченіе" могло бы побуждать другихъ къ болѣе легкому совершенію убійствъ". Точно также Лидстонъ указываетъ на опасность примѣненія ихъ къ лицамъ, совершившимъ присвоенія, мошенничества, подлоги на крупныя суммы. Принадлежа къ болѣе состоятельнымъ классамъ и не имѣя прирожденныхъ преступныхъ склонностей, эти лица легко могли бы получать освобожденіе, а эта легкость не могла бы не оказать деморализующаго вліянія на прочихъ охотниковъ легкой наживы [1]).

Эти соображенія, какъ мы видѣли, оказали свое вліяніе на рядъ американскихъ законодательствъ, введшихъ рядъ ограниченій примѣнимости неопредѣленныхъ приговоровъ въ зависимости отъ рода учиненнаго преступнаго дѣянія.

Разсмотрѣнныя выше мнѣнія высказывались за неопредѣленные приговоры преимущественно примѣнительно къ реформаторіямъ. Весьма цѣнными являются соображенія, высказанныя секретаремъ тюремной ассоціаціи штата Массачузетсъ, Warren Spalding, относительно примѣнимости ихъ и къ государственнымъ тюрьмамъ. Въ виду интереса ихъ привожу болѣе подробную цитату [2]):

„Неопредѣленные приговоры приведутъ въ пенитенціаріи къ нѣ-

---

[1]) Ibid. p. 606.

[2]) Reports prepared for the prison commission. Indeterminate sentence and parole 1899, p. 10—14.

сколько инымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которые достигаются реформаторіей, но важно, чтобы государство примѣняло ихъ къ обоимъ видамъ заключенія. Интересы заключеннаго и интересы государства являются тождественными. Для нихъ обоихъ важно, чтобы заключенный содержался въ такихъ условіяхъ, которыя могли бы приспособляться къ его характеру по мѣрѣ его развитія и обнаруженія, которыя были бы суровыми или легкими, смотря по тому, что требуется, которыя давали бы заключенному стимулы исправленія, позволяли бы держать его до тѣхъ поръ, пока того требуетъ благо общества, и которыя по освобожденіи допускали бы возможность организовать наблюденіе за нимъ.

„Введеніе неопредѣленныхъ приговоровъ приводитъ къ измѣненіямъ въ тюремномъ режимѣ. При опредѣленныхъ приговорахъ тюрьма является органомъ, выполняющимъ приказы суда, предписывающаго только лишить свободы осужденнаго на извѣстный срокъ. Въ цѣляхъ техническихъ здѣсь создаются правила о діэтѣ, одеждѣ, поддержаніи порядка, санитарныхъ требованіяхъ и пр. Главной задачей все же остается держаніе преступника взаперти. Неопредѣленные приговоры обращаютъ вниманіе на будущее преступника. Люди, которые должны быть только лишены свободы на извѣстный срокъ, могутъ разсматриваться какъ извѣстная однородная масса; но люди, относительно каждаго изъ которыхъ слѣдуетъ рѣшить вопросъ о времени пригодности его къ жизни на свободѣ, нуждаются въ индивидуализированномъ режимѣ. Карать преступника легко, но трудно исправлять его. И если человѣкъ можетъ быть освобожденъ только тогда, когда онъ будетъ признанъ пригоднымъ для жизни на свободѣ, государство должно приложить всѣ усилія, чтобы сдѣлать его таковымъ.

„Неопредѣленные приговоры ставятъ заключеннаго въ благопріятное отношеніе къ работѣ. При опредѣленности срока заключенія онъ склоненъ къ сопротивленію. Онъ запасается лишь терпѣніемъ для того, чтобы отбыть положенный ему срокъ заключенія. Онъ видитъ, что государство пытается измѣрить его вину опредѣленнымъ размѣромъ наказанія. Онъ критикуетъ эту оцѣнку.

Онъ не согласенъ съ судомъ относительно тяжести совершеннаго имъ преступленія и назначеннаго ему наказанія. Онъ видитъ, что государство стремится подавить въ немъ дурныя склонности, и оказываетъ этому сопротивленіе. Иное впечатлѣніе оказываетъ на него неопредѣленный приговоръ. Онъ не можетъ не согласиться съ положеніемъ, что потерялъ свое право на свободу вслѣдствіе злоупотребленія этой свободой и что эта свобода можетъ быть ему возвращена только тогда, когда онъ докажетъ, что сможетъ надлежащимъ образомъ ею пользоваться. Онъ сопротивлялся бы подавленію въ немъ дурныхъ побужденій, но онъ все же уважаетъ стремленіе развить въ немъ и добрыя склонности.

„При старой системѣ, даже при попыткахъ исправленія, удавалось достигнуть лишь немногаго, такъ какъ время было опредѣлено. По новой системѣ все зависитъ отъ его собственныхъ усилій—прилежанія, поведенія, устойчивости и пр. Каждая мелочь его жизни находится подъ наблюденіемъ; во всемъ вниманіе сосредоточивается вокругъ вопроса, когда онъ можетъ быть освобожденъ. Законы, дозволяющіе сокращеніе наказанія при хорошемъ поведеніи (godo time laws), испытываютъ способность заключеннаго воздерживаться отъ дурныхъ поступковъ. Но система надзора, распредѣленія на разряды, выдачи марокъ, примѣняемая въ реформаторіяхъ, идетъ дальше. Она учитъ заключеннаго тому, что онъ долженъ дѣлать и отъ чего онъ долженъ воздерживаться.

„Система, основанная на карѣ, приводитъ къ совершенно неестественному образу жизни въ тюрьмѣ. Все здѣсь покоится на силѣ, на принужденіи, какъ бы мягко оно ни примѣнялось. Одна воля властвуетъ надъ всѣми заключенными. Система реформаторій стремится ввести въ тюрьму образъ жизни свободнаго общества. Главнымъ мотивомъ для поведенія является собственный интересъ заключеннаго. Мотивы, которые являются наиболѣе дѣйствительными для того, чтобы удержать хорошихъ людей отъ дурныхъ дѣлъ, здѣсь вызываются для того, чтобы побудить дурныхъ людей поступать хорошо. Вмѣсто офиціальной дисциплины вводится дисциплина внутренняя. Вмѣсто одной господствующей воли до-

пускается дѣйствіе воли каждаго заключеннаго, сдерживающаго самого себя. Здѣсь такъ же, какъ и на свободѣ, хорошіе характеры выигрываютъ, а дурные—проигрываютъ. Не люди держатъ осужденнаго въ тюрьмѣ, онъ держитъ себя самъ и можетъ освободиться изъ тюрьмы самъ, когда пожелаетъ. Быть-можетъ, онъ не сразу поддастся этимъ усиліямъ. Хорошіе мотивы не будутъ еще достаточно сильны въ немъ, чтобы заставить его работать надъ своимъ освобожденіемъ и бороться противъ порочныхъ привычекъ. Но съ теченіемъ времени онъ видитъ, какъ люди, вмѣстѣ съ нимъ вошедшіе въ тюрьму, освобождаются, и онъ начинаетъ понимать, что онъ самъ лишаетъ себя свободы и самъ долженъ работать надъ полученіемъ ея.

„Одной изъ существующихъ чертъ системы неопредѣленныхъ приговоровъ является постепенность освобожденія. Постепенное передвиженіе изъ однихъ разрядовъ въ другіе, предъявленіе все большихъ требованій и все большее и большее устраненіе внѣшнихъ сдержекъ развиваютъ тѣ качества, которыя необходимы для выработки характера. Внезапное и полное освобожденіе послѣ суровой дисциплины въ тюрьмѣ погубило не одного человѣка, который при иной системѣ могъ бы устоять.

„Наконецъ, однимъ изъ большихъ преимуществъ неопредѣленныхъ приговоровъ является та поддержка, которую находитъ освобождаемый по возвращеніи въ общество. Когда человѣкъ выходитъ изъ тюрьмы, отбывъ опредѣленный срокъ наказанія, общество не имѣетъ основаній вѣрить въ его исправленіе. Но освобожденіе при неопредѣленныхъ приговорахъ свидѣтельствуетъ, что авторитетные органы признали заключеннаго пригоднымъ для жизни на свободѣ. Онъ поэтому легко можетъ получить работу и снискать довѣріе. Получаемое имъ условное освобожденіе является пробою, которая должна доказать правильность мнѣнія о его пригодности къ свободной жизни. Хорошее поведеніе въ тюрьмѣ и переходъ изъ однихъ разрядовъ въ другіе еще не служатъ непогрѣшимымъ признакомъ исправленія. И приговоръ попрежнему виситъ надъ нимъ и послѣ освобожденія, пока онъ не возстановитъ своего положенія

въ обществѣ. Это отчасти является пробой характера, которая прежде всего должна быть произведена. Условное помилованіе внушило бы ему мысль о несправедливости сначала постановленнаго приговора и было бы измѣненіемъ судебнаго приговора; условное освобожденіе есть только измѣненіе мѣста отбытія наказанія. Оно составляетъ часть системы. Заключенный, пребывая на свободѣ, все же остается юридически отбывающимъ наказаніе. И это производитъ благопріятное дѣйствіе и на него самого и на общество“.

Освобожденіе при неопредѣленныхъ приговорахъ происходитъ по инымъ основаніямъ, чѣмъ при приговорахъ опредѣленныхъ.

Я позволю себѣ по этому вопросу привести небольшую цитату изъ объяснительной записки комиссіи, составившей федеральный законъ объ условномъ освобожденіи 1910 г. (An act to parole U. S. prisoners, 25 june 1910).

„Вопросъ, подлежащій разрѣшенію той власти, которой предоставляется право условнаго освобожденія, не является такимъ вопросомъ, который можетъ быть рѣшенъ путемъ справки съ книгами о поведеніи и заработанныхъ маркахъ заключеннаго. Рѣшеніе его лежитъ гораздо глубже. Онъ касается состоянія самого заключеннаго и его будущаго положенія въ жизни... Критріемъ для рѣшенія должно быть установленіе разумной вѣроятности того, что интересы общества въ равной мѣрѣ какъ и интересы самого заключеннаго найдутъ свое наилучшее удовлетвореніе путемъ возвращенія заключенному свободы.

„Условное освобожденіе не должно быть никогда смѣшиваемо съ льготами, предоставляемыми заключеннымъ за хорошее поведеніе въ тюрьмѣ. Часто онъ хорошо ведетъ себя изъ эгоистическихъ мотивовъ, оставаясь въ душѣ такимъ же преступникомъ. Совѣтъ по обсужденію долженъ требовать большаго, чѣмъ хорошее поведеніе, для признанія того, что общественные интересы требуютъ освобожденія заключеннаго“.

Интересную работу о дѣйствіи неопредѣленныхъ приговоровъ въ связи съ условнымъ освобожденіемъ произвелъ бывшій

предсѣдатель Американской Тюремной Ассоціаціи A. W. Butler[1]). Онъ собралъ богатые статистическіе матеріалы (отчасти использованные нами выше), на основаніи которыхъ установилъ, что процентъ рецидивистовъ среди подвергавшихся неопредѣленнымъ приговорамъ, едва достигаетъ 25%, что средняя продолжительность наказанія лишеніемъ свободы не сократилась, а увеличилась при неопредѣленныхъ приговорахъ; что эта система оказывается болѣе благопріятной для юныхъ преступниковъ и весьма сурова по отношенію къ преступникамъ закоренѣлымъ; что повсюду, гдѣ эта система примѣняется, она разсматривается какъ лучшее средство исправленія; что примѣненіе ея вызываетъ въ обществѣ свѣжій интересъ къ пенитенціарнымъ проблемамъ и что, разъ будучи принята какимъ-либо штатомъ, она тамъ развивается и совершенствуется безпрерывно.

Однако, еще болѣе интересными чѣмъ соображенія отдѣльныхъ, хотя бы и весьма авторитетныхъ писателей по тюремнымъ вопросамъ, являются отзывы комиссій, образованныхъ при научныхъ обществахъ. Едва ли не первой научной комиссіей по этому вопросу была комиссія, образованная при American Bar Association, собиравшая матеріалы для Брюссельскаго тюремнаго конгресса. Въ своемъ докладѣ отъ 1 марта 1898 г. она вынесла неопредѣленнымъ приговорамъ слѣдующую оцѣнку:

„Этотъ видъ приговоровъ, стоящій подъ надлежащимъ контролемъ и руководствомъ компетентныхъ и гуманныхъ людей, можетъ, какъ то утверждаютъ штаты, принявшіе его, приносить хорошіе результаты, но данныя, имѣвшіяся въ распоряженіи комиссіи, несмотря на ихъ полноту, недостаточны для того, чтобы она могла безусловно высказаться въ ихъ пользу. Въ соединеніи съ условнымъ освобожденіемъ, которое дѣйствуетъ хорошо, если можно вѣрить отчетамъ, эти приговоры могутъ быть признаны разумнымъ методомъ. Но иногда, даже

---

[1]) Released prisoner. См. Penal and Reformatory institutions 1910, p. 301 сл., а также докладъ Вашингтонскому конгрессу.

въ соединеніи съ условнымъ освобожденіемъ, этотъ методъ можетъ привести къ крайней суровости по многимъ причинамъ.

„Судья, разсматривающій дѣло и оцѣнивающій всѣ доказательства и заявленія подсудимаго и жалобщика, долженъ, по мнѣнію комиссіи, назначить максимальный срокъ, свыше котораго осужденный не можетъ быть содержимъ въ заключеніи... Характеръ человѣка очень слабъ. Незначительное нарушеніе какого-либо правила дисциплины можетъ сдѣлать наказаніе значительно болѣе продолжительнымъ, чѣмъ то, которое судья могъ бы назначить какъ справедливое возмездіе за преступленіе“. Въ дальнѣйшемъ комиссія высказывается за то, чтобы предоставить судьѣ самому устанавливать для отдѣльныхъ случаевъ минимумъ и максимумъ въ предѣлахъ легальныхъ рамокъ наказанія и тѣмъ самымъ сокращать слишкомъ рѣзкія колебанія продолжительности, допустимыя по закону [1]).

Черезъ 14 лѣтъ другая научная комиссія, образованная при Американскомъ Институтѣ Уголовнаго Права, уже гораздо болѣе рѣшительно высказывается въ пользу неопредѣленныхъ приговоровъ, намѣчая лишь нѣкоторыя улучшенія въ существующей практикѣ:

„Принципъ и система назначенія приговоровъ на неопредѣленный срокъ лишенія свободы съ условнымъ освобожденіемъ, опредѣляемымъ особымъ административнымъ совѣтомъ, въ предѣлахъ, указанныхъ въ законѣ, являются несомнѣнно замѣтнымъ прогрессомъ въ области карательной системы. Настоятельной и непосредственной задачей будущаго является разработка методовъ введенія и примѣненія этой мѣры.

„Эта система, примѣняемая разумно, не причиняетъ ущерба законодательнымъ или судебнымъ функціямъ и не знаменуетъ отказа отъ какой-либо изъ признанныхъ задачъ наказанія.

„Совѣтъ по досрочному освобожденію долженъ являться освѣдомленнымъ и освѣдомляющимъ органомъ для примѣненія къ отдѣльному преступнику началъ уголовнáго возмездія, а также испра-

---

[1]) Indeterminate sentence and parole. Reports for the prison commission, 1899.

вительнаго и реформирующаго воздѣйствія, предписаннаго рѣшеніемъ суда и стоящаго въ согласіи съ законами страны.

„Эта система примѣнима въ одинаковой мѣрѣ ко всѣмъ классамъ заключенныхъ. Если, съ одной стороны, она допускаетъ, чтобы человѣкъ, характеръ, склонности и поведеніе котораго показываютъ, что онъ является постоянной опасностью для общежитія, содержался подъ стражей въ теченіе максимальнаго времени, предписаннаго закономъ за учиненное имъ преступленіе, то, съ другой стороны, эта система столь же удобна и для того, чтобы не держать человѣка, характеръ и склонности котораго свидѣтельствуютъ о сознаніи имъ своихъ общественныхъ обязанностей, дольше извѣстнаго минимальнаго срока.

„Неопредѣленность срока усиливаетъ моральное воздѣйствіе наказанія на заключеннаго и дѣлаетъ карательное и исправительное вліяніе наказанія болѣе интенсивнымъ.

„Увѣренность заключеннаго въ томъ, что онъ долженъ заслужить свое освобожденіе, что онъ возвращаетъ себѣ свободу своимъ поведеніемъ, представляетъ сильный стимулъ къ реформированію и воспитанію воли достойнаго заключеннаго и тяжкое страданіе для упорнаго врага общества. Неопредѣленность приговора даетъ нужное время и удобный случай восполнить индивидуальные дефекты и недостатки въ образованіи, профессіональной подготовкѣ, дисциплинѣ. При возможности наблюденія заключенныхъ въ теченіе всего времени, она создаетъ весьма цѣнную воспитательную клинику и опытную станцію для примѣненія воспитательныхъ методовъ.

„Условное освобожденіе заключенныхъ, предполагающее частичное ограниченіе свободы и опирающееся на сотрудничество внимательныхъ попечителей, даетъ практическое средство опредѣленія искренности и объема исправленія заключеннаго, охраняя безопасность общества, и дополняетъ работу реформаторіи тѣмъ, что облегчаетъ освобожденному возвратъ въ общественную среду.

„Здѣсь также главнымъ затрудненіемъ является административная организація. Имѣется очень мало попечителей по досроч-

ному условному освобожденію стоящихъ на надлежащей высотѣ. Необходимо собираніе подробной и провѣренной статистики объ условно-освобожденныхъ; необходима выработка надлежащей системы отождествленія условно-освобожденныхъ, выработка особыхъ свидѣтельствъ, которыя они должны имѣть всегда при себѣ впредь до окончательнаго освобожденія".

Доказательствомъ сочувственнаго отношенія къ неопредѣленнымъ приговорамъ самаго населенія можетъ служить фактъ устойчивости законовъ, санкціонирующихъ эти приговоры. Разъ изданные въ штатѣ, такіе законы постоянно развивались и укрѣплялись. Единственнымъ исключеніемъ является штатъ Южная Дакота. Здѣсь въ 1890 г. былъ изданъ parole law, который, однако, въ 1893 г. былъ отмѣненъ „вслѣдствіе несовершенства во многихъ отношеніяхъ" [1]). Но въ 1911 г. этотъ штатъ принимаетъ новый законъ о неопредѣленныхъ приговорахъ. Въ Мичиганѣ въ 1891 г. высшій судъ аннулировалъ законъ о неопредѣленныхъ приговорахъ, какъ противорѣчащій конституціи; тогда населеніе въ томъ же году провело поправку въ конституціонные законы, спеціально оговаривающую допустимость неопредѣленныхъ приговоровъ, и законъ снова воспринялъ свое дѣйствіе [2]).

Другимъ доказательствомъ являются отвѣты компетентныхъ лицъ и учрежденій относительно удовлетворительности или неудовлетворительности дѣйствія этой системы въ отдѣльныхъ штатахъ. Мы имѣемъ по этому вопросу данныя двухъ анкетъ, произведенныхъ первая—American Bar Association въ 1898 г. передъ международнымъ тюремнымъ кенгрессомъ въ Брюсселѣ, а вторая—комиссіей американскаго института уголовнаго права непосредственно послѣ Вашингтонскаго конгресса—въ 1912 г. Первая анкета носила оффиціальный характеръ. Отвѣты, присланные губернаторами штатовъ, знающихъ неопредѣленные приговоры и условное освобожденіе, всѣ единогласно подчеркивали

[1]) Inderminate sentence and parole. Report for International prison commission. 1899. p. 25.

[2]) S. E. Baldwin. Raport presenté au Congrès International de Washington 1910.

пользу и благодѣтельность этой системы и дали возможность American Bar Association признать, что „отвѣты эти достаточны, чтобы признать дѣйствіе законовъ объ условномъ освобожденіи благопріятнымъ и рекомендовать разумное исполненіе и развитіе ихъ въ интересахъ здравой общественной политики и самого заключеннаго“ [1]).

Анкета 1912 г. была производима уже чрезъ членовъ и корреспондентовъ Института. Изъ всѣхъ штатовъ, пославшихъ отвѣты, только въ двухъ отвѣтахъ—изъ Коннектикута и Индіаны—было указано на нѣкоторую неудовлетворенность неопредѣленными приговорами. Въ прочихъ отмѣчалось общее удовлетвореніе ими, приводились пожеланія дальнѣйшаго распространенія ихъ или рекомендовались отдѣльныя поправки къ дѣйствующему законодательству [2]).

Практическіе американцы стремятся учесть чисто экономически выгоду, доставляемую условнымъ освобожденіемъ и неопредѣленными приговорами. Такъ A. Butler чистую выгоду, полученную штатомъ Индіана за 12 лѣтъ примѣненія такого закона, оцѣниваетъ въ 240 тыс. долларовъ [3]); власти штата Мичиганъ—въ 130 тыс. долларовъ (за 6 лѣтъ); для Калифорніи эта цифра опредѣляется въ 250 тыс. долл. [4]) и т. д.

По свидѣтельству G. A. Lewis, члена нью-іоркскаго parole board [5]), изъ каждыхъ 100 человѣкъ, освобождаемыхъ изъ нью-іоркскихъ тюремъ, 83 становятся хорошими гражданами. За десять лѣтъ болѣе широкаго дѣйствія системы (1901—1911)

---

[1]) Reports prepared for International Prison Commission, 1899. p. 28—29.

[2]) Report of the committe F of the Americain Institute of Criminal Law. Amer. Journal v. III p. 551—564.

[3]) A. Butler. Rapport presenté au Congrès International de Washington 1910.

[4]) Million earned by the prisoners on parole. Amer. Journal. vol. III p. 641.

[5]) American Journal vol. II p. 791. The New York state board of parole.

общество пріобрѣло болѣе 2000 полезныхъ сочленовъ и сберегло нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ, которые иначе были бы израсходованы на содержаніе въ тюрьмахъ условно освобожденныхъ.

VI.

Какъ всякая новая мѣра, неопредѣленные приговоры встрѣтили и рядъ возраженій въ американской литературѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что среди тюрьмовѣдовъ противниковъ этой мѣры насчитывается крайне немного. Наиболѣе рѣшительныя возраженія новая система встрѣчаетъ въ кругу юристовъ, видящихъ въ ней разрушеніе или потрясеніе тѣхъ гарантій, на которыхъ построена карательная система государства.

Первое возраженіе, съ которымъ пришлось встрѣтиться неопредѣленнымъ приговорамъ, исходило со стороны юристовъ. Оно состояло въ указаніи на противорѣчіе неопредѣленныхъ приговоровъ постановленіямъ конституцій. Хотя это возраженіе и было возраженіемъ легальнымъ, а не теоретическимъ, однако, оно вызываетъ порою и принципіальныя заявленія о несовмѣстимости неопредѣленныхъ приговоровъ съ нормами правового строя.

Какъ извѣстно, благодаря особой роли въ Сѣв. Америкѣ Высшаго суда, эти возраженія не остаются только теоретическими указаніями, но способны и практически аннулировать дѣйствіе принятой мѣры. Достаточно Высшему трибуналу Сѣв. Америк. Штатовъ объявить ее неконституціонной, чтобы всѣ граждане были освобождены отъ обязанности ея соблюденія. Возраженія этого рода подымались въ различныхъ штатахъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, указывалось, что законы о неопредѣленныхъ приговорахъ, вопреки требованію конституцій, надѣляютъ судебною властью административные совѣты, что они представляютъ собою захватъ права помилованія у главы исполнительной власти другими органами, что они лишаютъ судей ихъ законной власти постановлятъ судебныя рѣшенія, что продолжительность нака-

занія здѣсь не опредѣляется въ надлежащемъ порядкѣ (by due process of the law), какъ того требуетъ конституція. Выставлялось и такое возраженіе: неопредѣленное по сроку лишеніе свободы является „жестокимъ и необычнымъ наказаніемъ" (cruel and unusual punishment), назначеніе котораго воспрещается многими американскими конституціями [1]). Всѣ возраженія эти были, однако, отвергнуты судами и конституціонность статутовъ, узаконяющихъ неопредѣленные приговоры, подкрѣплена многими судебными рѣшеніями. Только въ одномъ случаѣ высшій судъ присоединился къ этимъ возраженіямъ и аннулировалъ изданный законъ. Это было въ дѣлѣ People v. Cummings, въ штатѣ Мичиганъ въ 1891 г. вскорѣ послѣ изданія закона о неопредѣленныхъ приговорахъ. Но населеніе штата предпочло измѣнить конституцію, чѣмъ отказаться отъ неопредѣленныхъ приговоровъ. Въ 1893 г. была проведена въ конституцію поправка, обезпечившая возможность введенія этой мѣры [2]).

Несмотря на то, что указанія на неконституціонность имѣли мало успѣха, они не прекращаются и до настоящаго времени. Въ 1910 г. высшій судъ штата Иллинойсъ, въ дѣлѣ People v. A. Joyce, сначала поддержалъ жалобщика въ его возраженіяхъ противъ конституціонности закона 1899 г. о неопредѣленныхъ приговорахъ, но затѣмъ пересмотрѣлъ свое рѣшеніе и отказалъ въ жалобѣ. Жалобщикъ въ своей жалобѣ указывалъ, кромѣ указанныхъ выше основаній неконституціонности, еще и на то, что въ законѣ 1899 г. заглавіе не соотвѣтствуетъ содержанію и что ассигнованія на содержаніе совѣта по освобожденію проведены не въ надлежащемъ порядкѣ [3]).

Въ 1911 г. судья Зульцбергеръ въ Пеннсильваніи призналъ

---

[1]) Такія возраженія возбуждались въ Иллинойсѣ (George v. People), Индіанѣ (Miller v. State, Wilson v. State), Огайо (State v. Peters) и Массачузетсѣ (Commonwealth v. Brown и v. Coulon).

[2]) E. Smith. Criminal law of the United States, Criminal law and penal reform. N. Y. 1910. p. 73—74.

[3]) The Joyce case. Institution Quarterly 1910. v. I № 2 p. 39—40, а также American Journal of criminal law. vol. I, p. 15 (1910).

законъ о неопредѣленныхъ приговорахъ отъ 1909 г. неконституціоннымъ потому, что по своему содержанію онъ касается болѣе, чѣмъ одной мѣры. Рѣшеніе это не нашло поддержки въ апелляціонномъ судѣ штата, тѣмъ не менѣе закономъ 1911 г. законодательство поспѣшило исправить указанный дефектъ. [1]) Въ 1910 г, былъ изданъ федеральный законъ объ условномъ освобожденіи, а въ спеціальной литературѣ уже подняты споры относительно его конституціонности [2]).

Насъ сейчасъ не интересуетъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли неопредѣленные приговоры противорѣчатъ американскимъ конституціямъ, или нѣтъ. Важна другая сторона, именно то, что въ конечномъ итогѣ населеніе, несомнѣнно чуткое къ правамъ личной свободы, обезпечило торжество этой системы. Это, конечно, не значитъ, что возможныя злоупотребленія широкими полномочіями освобожденія не страшны американцамъ. Отдѣльные сторонники этой мѣры вполнѣ учитываютъ возможность и опасность ихъ. Но вмѣсто того, чтобы задерживать развитіе уголовнаго права въ этомъ направленіи, они главное вниманіе сосредоточиваютъ на выборѣ надежныхъ руководителей, которые въ большей мѣрѣ заслуживали бы довѣрія. И дѣйствительно, по общему правилу, начальниками реформаторій и государственныхъ тюремъ назначаются люди высокихъ личныхъ качествъ и большого опыта, и общество весьма чутко слѣдитъ за ихъ дѣятельностью.

Другимъ возраженіемъ противъ неопредѣленныхъ приговоровъ является указаніе на возможность ослабленія репрессіи, чѣмъ быстро могутъ воспользоваться преступники-профессіоналы. Эту точку зрѣнія развиваетъ Ch. C. Nott, окружной атторней Нью-Іорка. Онъ отмѣчаетъ тенденцію совѣтовъ по условному освобожденію освобождать преступниковъ вскорѣ послѣ истеченія минимума наказанія. Это указаніе, однако, не находитъ себѣ под-

---

[1]) „Convict parole inconstitutional". Amer. Journal of Cr. Law, v. III, p. 461 and 635.

[2]) The constitutionality of the Federal parole law. Amer. Journ. of C. L. v. II p. 419.

твержденія. По авторитетному свидѣтельству A. Butler'a относительно штата Индіаны, явствуетъ, что продолжительность пребыванія въ мѣстахъ заключенія съ изданіемъ закона о неопредѣленныхъ приговорахъ не сократилась, а возрасла. Такъ для реформаторіи она въ среднемъ возрасла на 7 мѣс. 14 дней, а для государственной тюрьмы на 1 годъ, 4 мѣс. 28 дней. Тотъ же фактъ роста продолжительности заключенія подтверждаетъ для Иллинойса и д-ръ Wines [1]).

Съ другой стороны, можно привести данныя, свидѣтельствующія о томъ, что съ введеніемъ неопредѣленныхъ приговоровъ тяжкая преступность въ странѣ не возрастаетъ, а падаетъ, и притомъ падаетъ весьма значительно. Такъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ A. Butler'омъ относительно штата Индіаны за 12 лѣтъ (1897—1909) дѣйствія закона о неопредѣленныхъ приговорахъ, процентъ рецидивистовъ въ государственныхъ тюрьмѣ и реформаторіи понизился съ 58 до 36. Въ теченіе 10 лѣтъ, предшествовавшихъ принятію неопредѣленныхъ приговоровъ, въ государственныя карательныя учрежденія было помѣщено 8004 заключенныхъ; за 10 лѣтъ послѣ введенія этихъ приговоровъ — 6794. Мы видимъ такимъ образомъ паденіе тюремнаго населенія на 15%, тогда какъ свободное населеніе за этотъ періодъ увеличилось на 15% [2]), По свѣдѣніямъ F. H. Wines для штата Иллинойсъ число лицъ. приговариваемыхъ къ заключенію въ пенитенціарій штата Ioliet выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ: 1878—7.177, 1888—7.014, 1898—7.647, 1908—4.707 чел. Паденіе болѣе чѣмъ на 40% числа заключаемыхъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія обязано введенію неопредѣленныхъ приговоровъ (они были введены здѣсь въ 1895 г.) [3]). Относительно штата Іова G. S. Robinson сообщилъ на съѣздѣ Американской Тюремной Ассоціаціи въ 1911 г., что за четыре года дѣйствія закона о неопредѣленныхъ приговорахъ число заключенныхъ въ реформаторіи и пенитенціаріи воз-

---

[1]) Rapport, présénté au Congreè de Washington, 1910.

[2]) A. Butler. Rapport présenté au Congrès de Washington 1910.

[3]) F. H. Wines. Rapport présenté an Congrès de Washington 1910.

расло съ 800 до 1.100 человѣкъ. Это увеличеніе объясняется не увеличеніемъ числа приговариваемыхъ (наоборотъ, это число сильно упало), а сильнымъ ростомъ продолжительности заключенія. По мнѣнію судьи Робинсона, срокъ заключенія при неопредѣленныхъ приговорахъ возросъ въ $1^1/_2$—2 раза[1]).

Иначе подходитъ къ вопросу начальникъ англійскаго тюремнаго управленія Ruggles Brise, имѣвшій неоднократно случаи знакомиться съ американскими карательными учрежденіями и внимательно прислушивавшійся къ опыту этой страны [2]).

„Отбрасываніе „опредѣленнаго времени“ отъ наказанія за противообщественное дѣяніе,—пишетъ онъ—представляетъ собою болѣе, чѣмъ одинъ только юридическій интересъ. Оно знаменуетъ собою нѣчто значительно большее, чѣмъ одно только измѣненіе въ области уголовнаго процесса; оно представляетъ собою поворотъ къ новому пониманію наказанія со стороны значительной части англо-саксонской расы. Этимъ мы обязаны отчасти недовѣрію къ судебной власти, которая въ Америкѣ не имѣетъ такой силы, устойчивости и традиціи, которая свойственна ей въ Европѣ, отчасти поразительной пестротѣ постановленій уголовныхъ кодексовъ различныхъ штатовъ, которая приводитъ къ чрезвычайному неравенству наказаній, а это не можетъ не смутить воображенія народа, быстро откликающагося на прогрессивныя идеи и испытывающаго почти дѣтскую радость въ ниспровержeніи традицій, въ особенности въ области уголовнаго права... Было бы смѣлымъ обобщеніемъ утвержденіе, что духъ гражданственности сталъ религіей Америки, но несомнѣнно, что первой цѣлью наказанія здѣсь является задача превращенія преступнаго человѣка въ честнаго гражданина, а не задача превращенія его въ человѣка религіознаго. Противъ этого высокаго взгляда на наказаніе едва ли можно спорить, но человѣкъ осторожный и вдумчивый долженъ спросить себя о томъ, не будутъ ли принесены въ жертву прин-

---

1) Proceedings of the Amcrican Prison Association 1911 p. 240.

2) Ruggles-Brise. Rapport presenté au Congrès de Washington. 1910.

ципы, имѣющіе большую важность для благосостоянія общества, такому идеалу, который во многихъ случаяхъ окажется недостижимымъ и во всѣхъ случаяхъ крайне трудно достижимымъ. Вы не можете насильственно измѣнить человѣческую природу, а нравственное негодованіе противъ совершителя противообщественныхъ дѣяній есть свойство человѣческой природы, и оно всегда будетъ требовать опредѣленности и точности наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется полная отвѣтственность за совершенное. Неправильно и ошибочно сводить это здоровое нравственное чувство къ желанію мести или къ классической идеѣ возмездія. Въ своемъ современномъ проявленіи это чувство выражаетъ только убѣжденіе человѣческаго сознанія въ томъ, что система охраненныхъ правъ должна быть поддерживаема и лицо, нарушающее ихъ, должно быть покарано. Характеръ и степень такого наказанія опредѣляются опытомъ каждой страны соотвѣтственно особенностямъ расы, степени цивилизаціи и силѣ устрашенія, необходимаго для того, чтобы удерживать отъ нарушеній закона“ [1])...

[1]) Однородныя соображенія высказываетъ Квинтонъ, начальникъ лондонской тюрьмы Holloway. „Поскольку мы имѣемъ въ виду принципы наказанія, мы должны признать неопредѣленные приговоры скорѣе мѣрой снисхожденія, чѣмъ мѣрой справедливости, которая предназначена для воздѣйствія на вмѣняемыхъ взрослыхъ преступниковъ, осужденныхъ за серьезныя преступленія. Снисходительность этой мѣры болѣе замѣтна въ примѣненіи ея къ лицамъ, менѣе всего ея заслужившимъ, т. е. къ лицамъ, имѣющимъ дѣйствительно преступныя склонности, чѣмъ по отношенію къ случайнымъ преступникамъ, заслуживающимъ большаго вниманія и большей симпатіи. Я зналъ много преступниковъ, виновныхъ въ серьезныхъ преступленіяхъ, какъ растраты, тяжкія раны, убійства и т. д., относительно которыхъ можно было быть увѣреннымъ въ томъ, что они не повторятъ своихъ преступленій, и всякій совѣтъ по освобожденію могъ бы освободить ихъ на другой день послѣ заключенія въ тюрьму съ гораздо большей увѣренностью, чѣмъ онъ рекомендуетъ освобожденіе менѣе тяжкихъ преступниковъ, учинившихъ преступленіе въ первый разъ... Но немедленное освобожденіе человѣка, виновнаго въ дѣйствительно серьезномъ преступленіи было бы опаснымъ прецедентомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо очевидно не имѣло преступныхъ склонностей, а учинило преступленіе подъ вліяніемъ гнѣва, ревности или внезапнаго побужденія. Это соображеніе, важное для огражденія интересовъ общества, набрасываетъ нѣкоторое сомнѣніе на справедливость и правиль-

Но слѣдуетъ спросить, дѣйствительно-ли нравственное чувство человѣчества требуетъ безусловной опредѣленности и точности наказанія? Оно протестуетъ лишь противъ слишкомъ слабыхъ и слишкомъ строгихъ наказаній. Но оно равнодушно къ тому, въ какой моментъ наказаніе получаетъ свою опредѣленность: въ моментъ ли осужденія, или позднѣе, когда судъ и другіе органы смогли изучить характеръ и склонности преступника въ достаточной мѣрѣ. Если противъ такой отсрочки можно возражать, то съ нѣсколько иныхъ точекъ зрѣнія, какъ то и дѣлаетъ другой противникъ неопредѣленныхъ приговоровъ, проф. Балдвинъ изъ Yale.

„Заключенный—пишетъ онъ—долженъ знать продолжительность наказанія, которому онъ подвергается. Онъ можетъ тогда съ увѣренностью строить планы о тѣхъ занятіяхъ, которыми онъ будетъ заниматься по освобожденіи. Онъ знаетъ, что осужденъ судьями и присяжными, имѣвшими наилучшіе способы опредѣлить степень его виновности, степень соблазна, повлекшаго преступленіе, и другія смягчающія обстоятельства. Суверенъ, законы котораго были нарушены, получилъ удовлетвореніе въ надлежащемъ размѣрѣ, ни больше, ни меньше. Лица, потерпѣвшія отъ его преступленія, имѣли удобный случай сравнить продолжительность понесеннаго имъ наказанія съ тѣмъ вредомъ, который былъ причиненъ. Если же наказаніе является неопредѣленнымъ и не соотвѣтствуетъ характеру преступленія, то чувство общественной справедливости будетъ оскорблено, и каждый мошенникъ получитъ новый поводъ

ность примѣненія неопредѣленныхъ приговоровъ во всѣхъ случаяхъ и отмѣчаетъ полезность того, чтобы за болѣе тяжкія преступленія назначались опредѣленныя наказанія опытными и отвѣтственными судьями, разслѣдовавшими всѣ обстоятельства дѣла и изучившими преступника. Опредѣленность наказанія, однако, не должна лишить заключеннаго права получать сокращеніе наказанія въ случаѣ хорошаго поведенія. R. F. Quinton. The modern prison curriculum. London 1912 p. 160.

Однако возраженія Квинтона въ значительной степени парализуются установленіемъ въ законѣ или въ приговорѣ минимальнаго срока, при истеченіи котораго допустимо освобожденіе. Они правильны, поскольку мы имѣли бы въ виду безусловно неопредѣленные приговоры. Но на этотъ путь не рѣшаются стать американскія законодательства.

совершать нарушенія закона. Кромѣ того, приговоръ суда присяжныхъ произносится въ такой моментъ, когда вниманіе общества сосредоточивается вокругъ преступленія и его виновника. Если дѣло идетъ о лицѣ, учинившемъ преступленіе въ первый разъ, поддавшемся соблазну, но быстро раскаявшемся въ своей слабости, то симпатіи не преминутъ сказаться въ залѣ судебнаго засѣданія и внѣ его. Всѣ эти факты могутъ быть учтены только судьею, назначающимъ соотвѣтственное наказаніе" [1]).

Этимъ соображеніямъ можно противопоставить доводъ, выдвинутый сторонникомъ неопредѣленныхъ приговоровъ, судьей M. D. Follett. „Весь строй суда присяжныхъ —пишетъ судья M. Follett изъ Огайо [2])—построенъ такъ, чтобы дать возможность присяжнымъ установить фактъ, характеръ и степень тяжести преступнаго дѣянія, а также связь подсудимаго съ преступленіемъ и виновность его или невиновность. Послѣ этого судья начинаетъ наугадъ разсчитывать (ибо откуда онъ можетъ знать точно), какое по продолжительности наказаніе явится достаточнымъ для даннаго осужденнаго. Когда затруднительность такого опредѣленія будущаго наказанія стала ясной, то разумные законодатели стали искать другой системы. Она и была найдена въ видѣ неопредѣленныхъ приговоровъ".

VII.

При изложеніи теоретическаго спора о неопредѣленныхъ приговорахъ мы старались быть совершенно объективными. Въ настоящее время позволимъ себѣ высказать собственный взглядъ на эту мѣру, вызвавшую большое количество сомнѣній и въ европейской литературѣ.

Главнымъ отличіемъ неопредѣленныхъ приговоровъ отъ старой

---

1) S. E. Baldwin. Rapport presenté au Congrès International de Washington. Bulletin 1910.

2) См. Indeterminate Sentence and Parole, Reports for International prison Commission 1899, p. 22.

системы является привлеченіе особыхъ административныхъ совѣтовъ къ функціи опредѣленія продолжительности наказанія. Судъ ограничивается только установленіемъ максимума или минимума (законнаго или опредѣляемаго по усмотрѣнію суда), предоставляя административному совѣту, при участіи тюремной администраціи, болѣе точно установить срокъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Комиссія американской Bar Association въ своемъ докладѣ 1898 г. даетъ слѣдующее опредѣленіе неопредѣленныхъ приговоровъ:

„Неопредѣленный приговоръ это—приговоръ, постановляемый судомъ безъ опредѣленія точнаго срока лишенія свободы, но содержащій указаніе, что осужденный долженъ быть отданъ подъ охрану тюремныхъ властей на срокъ, не меньшій опредѣленнаго минимума и не большій, чѣмъ опредѣленный максимумъ, указанный въ законѣ за то преступленіе, виновнымъ въ которомъ признано лицо".

Въ каждомъ случаѣ срокъ наказанія опредѣляется здѣсь совмѣстнымъ дѣйствіемъ трехъ властей: законодательной, судебной и административной. Еще въ началѣ XIX вѣка признавалось незыблемымъ положеніе, что только одинъ законодатель можетъ опредѣлять наказаніе за преступленія. Существующія въ законѣ санкціи были вполнѣ опредѣлены, и считалось опаснымъ для личной свободы ввѣрять судьѣ какое-либо право усмотрѣнія. Однако, стремленіе къ большей индивидуализаціи наказанія въ зависимости отъ виновности и общаго характера лица побудило замѣнить опредѣленныя санкціи относительно-опредѣленными, дающими порою судьѣ крайне широкій просторъ усмотрѣнія. Назначеніе срока наказанія стало совмѣстнымъ актомъ власти законодательной и власти судебной. Въ настоящее время наблюдается дальнѣйшее движеніе. Не только законодатель, но и судья не въ состояніи принять во вниманіе при опредѣленіи наказанія всѣхъ релевантныхъ фактовъ. Въ частности, онъ не въ состояніи учесть дѣйствія постановляемой имъ мѣры на заключеннаго, способности его исправленія, соціальныхъ свойствъ его характера. Между тѣмъ эти факты имѣютъ громадное значеніе для надлежащей борьбы съ преступ-

ностью. Игнорируя ихъ, судъ создаетъ новые кадры рецидивистовъ, угрожаетъ безопасности общества и дѣлаетъ несчастными самихъ осужденныхъ. Учесть эти факты можетъ только административная власть, имѣющая ближайшее наблюденіе надъ заключеннымъ. Она и привлекается поэтому къ опредѣленію срока наказанія наряду съ властью законодательной и судебной. При этомъ построеніе того органа, которому поручается такое опредѣленіе, преслѣдуетъ цѣли сдѣлать его независимымъ отъ узко-правительственныхъ точекъ зрѣнія и достаточно компетентнымъ.

Привлеченіе административной власти къ опредѣленію срока заключенія знаменуетъ собою *не отрицаніе* какихъ-либо признанныхъ задачъ наказанія, но лишь *усложненіе* карательнаго воздѣйствія, вызванное необходимостью того, чтобы оно было дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ преступностью. Въ самомъ дѣлѣ, старая система исключительно законодательнаго опредѣленія наказанія преслѣдовала одну только цѣль—возмездіе въ зависимости отъ тяжести преступленія. Введеніе судейскаго усмотрѣнія было результатомъ признанія необходимости учитывать оттѣнки личной виновности и индивидуальныхъ особенностей лица. Наконецъ, привлеченіе административной власти есть послѣдствіе того значенія, которое нынѣ придается активному стремленію лица къ исправленію и соціальнымъ свойствамъ его характера. Наказаніе, не учитывающее этихъ фактовъ, явится несправедливымъ, безцѣльнымъ и безрезультатнымъ.

Иниціаторы идеи неопредѣленныхъ приговоровъ рѣзко подчеркнули мысль, что всякое наказаніе должно опредѣляться въ своей продолжительности способностью лица къ исправленію и соціальными свойствами его характера. Вѣра въ дѣйствительность новаго вида тюрьмы—реформаторіи была сильна, и проповѣдники этой новой системы, какъ напр. самъ Броквей, видѣли въ ней лучшее и гуманнѣйшее средство борьбы съ преступностью. Но логическимъ слѣдствіемъ такого исключительнаго господства идеи исправленія было отстаиваніе полной неопредѣленности пригово-

ровъ. Существующія законодательства о нихъ признаются только полумѣрой [1]).

Криминалисты болѣе осторожные не идутъ такъ далеко. Они полагаютъ, что способность къ исправленію и соціальныя свойства лица должны приниматься во вниманіе, но не исключительно, а наряду съ другими моментами, какъ тяжесть учиненнаго дѣянія и виновность лица. Въ соотвѣтствіи съ этимъ появились ограниченія неопредѣленности максимумомъ и минимумомъ, изъятіе отдѣльныхъ дѣяній отъ дѣйствія неопредѣленныхъ приговоровъ, параллельность опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ приговоровъ и т. д. При установленіи максимальнаго и минимальнаго предѣловъ судомъ уже должны быть принимаемы во вниманіе и виновность лица и тяжесть учиненнаго имъ преступленія. Въ такой формѣ, принятой и въ законодательствахъ, прежнія основанія карательной дѣятельности не отрицаются, а лишь восполняются новыми началами.

Необходимость такого восполненія едва ли можетъ быть отрицаема современными криминалистами. Тюрьма, преслѣдующая цѣли одной только кары, въ настоящее время показала свою несостоятельность. Она озлобляетъ заключенныхъ противъ господствующаго правопорядка, дѣлаетъ ихъ рецидивистами. Она убиваетъ въ человѣкѣ общественныя свойства, ослабляетъ его волю и дѣлаетъ непригоднымъ для жизни на свободѣ. Она регулярно возвращаетъ въ общество неисправившихся преступниковъ, создавая угрозу безопасности общества. Она противорѣчитъ, наконецъ, идеѣ гуманности, подвергая людей страданіямъ, лишеннымъ благодѣтельнаго дѣйствія на самихъ заключенныхъ. Съ другой стороны, задачи исправленія преобразуютъ характеръ тюрьмы и ставятъ ей высокую положительную задачу. Тюремная администрація проникается болѣе высокими побужденіями; отношеніе заключенныхъ

1) Къ числу сторонниковъ полной неопредѣленности, кромѣ Броквея (въ особенности въ рѣчи, произнесенной на Вашингтонскомъ конгрессѣ см. Reports of the proceedings 1910 p. 262 сл.) относятся E. Smith, предсѣдатель тюремной ассоціаціи Нью-Іорка, Th. W. Houston (Amer. Jour. v. III, p. 460), начальникъ пенитенцарія въ Канзасѣ, P. Dorado въ своемъ докладѣ Вашингтонскому конгрессу и нѣк. др.

къ требованіямъ режима мѣняется, и они начинаютъ сами проявлять активность; въ отношеніяхъ ихъ къ администраціи развивается довѣріе и готовность повиновенія; тяжесть дисциплинарныхъ взысканій ослабѣваетъ. Нѣкоторая неопредѣленность срока есть необходимое средство исправительнаго режима, и потому восполненіе наказанія задачами исправленія вызываетъ къ жизни новыя начала пенитенціарнаго строя. Но, конечно, для этого самаго тюремный режимъ долженъ достичь сравнительно высокаго уровня.

Что касается другого основанія—соціальныхъ качествъ осужденнаго, то здѣсь имѣются въ виду качества, обезпечивающія позможность правильной жизни на свободѣ: достаточная воля сопротивляться искушеніямъ, порядочный образъ жизни, занятіе постоянной работой и пр. Эти качества только въ небольшой степени могутъ быть вырабатываемы тюремнымъ режимомъ, даже проникнутымъ задачами исправленія. Лучше всего они вырабатываются при установленіи извѣстнаго испытанія на свободѣ подъ надлежащимъ наблюденіемъ. Условное досрочное освобожденіе даетъ именно возможность организаціи такого испытанія, и въ этомъ заключается важное значеніе его для современной пенитенціарной системы. Въ настоящее время почти всѣ страны приняли условное освобожденіе, хотя оно и противорѣчитъ строгимъ началамъ опредѣленности приговора. Неопредѣленные приговоры расширяютъ возможность примѣненія условнаго освобожденія, удлиняя срокъ, въ теченіе котораго можетъ быть осуществляемъ контроль надъ поведеніемъ освобожденнаго и въ теченіе котораго онъ можетъ быть возвращенъ въ мѣсто заключенія. По общему правилу срокъ надзора истекаетъ съ истеченіемъ срока наказанія, указаннаго въ приговорѣ. Такимъ образомъ здѣсь имѣется въ виду нормальный срокъ наказанія. При неопредѣленныхъ приговорахъ этотъ срокъ является максимальнымъ, т. е. болѣе продолжительнымъ. Во многихъ штатахъ неопредѣленные приговоры главнымъ образомъ и призваны къ тому, чтобы давать возможность надлежащей организаціи условнаго освобожденія.

Въ 1900 г., когда вопросъ о неопредѣленныхъ приговорахъ впервые былъ вынесенъ на обсужденіе международнаго конгресса, Брюссельскій пенитенціарный конгрессъ вынесъ резолюцію, признающую условное освобожденіе болѣе удобной мѣрой, чѣмъ неопредѣленные приговоры. Резолюція эта гласитъ:

„Слѣдуетъ различать при примѣненіи неопредѣленныхъ приговоровъ: 1) наказанія, 2) мѣры воспитанія, попеченія и безопасности и 3) мѣры по отношенію къ патологическимъ преступникамъ. A. По отношенію къ наказаніямъ система неопредѣленныхъ приговоровъ является недопустимой. Она съ успѣхомъ можетъ быть замѣнена условнымъ освобожденіемъ, сопряженнымъ съ прогрессирующимъ удлиненіемъ наказаній для рецидивистовъ. B. По отношенію къ мѣрамъ воспитанія, попеченія и безопасности система неопредѣленныхъ приговоровъ была бы примѣнима только съ такими ограниченіями, которыя отрицаютъ самый принципъ ея. Было бы болѣе простымъ и логичнымъ придерживаться системы удлиненнаго срока заключенія съ коррективомъ въ качествѣ условнаго освобожденія. C. Неопредѣленность срока содержанія представляется необходимой по отношенію къ невмѣняемымъ преступникамъ, страдающимъ душевными болѣзнями. Но примѣняемыя здѣсь мѣры не имѣютъ уголовнаго характера“.

Но уже черезъ десять лѣтъ Вашингтонскій пенитенціарный конгрессъ, правда, не безъ долгой борьбы, вынесъ резолюцію, несравненно болѣе благопріятную неопредѣленнымъ приговорамъ:

„1) Конгрессъ одобряетъ научный принципъ приговоровъ на неопредѣленный срокъ.

2) Приговоры на неопредѣленный срокъ должны быть примѣняемы къ лицамъ, имѣющимъ моральные или умственные дефекты (moralement ou mentalement defectueux).

3) Кромѣ того, принципъ приговоровъ на неопредѣленный срокъ долженъ быть примѣняемъ какъ существенная часть воспитательной системы по отношенію къ преступникамъ, въ особен-

ности юнымъ, нуждающимся въ воспитательномъ воздѣйствіи [1]), преступленія которыхъ вызваны главнымъ образомъ причинами, зависящими отъ характера индивида (circumstances of an individual character).

4) Введеніе этой системы требуетъ:

I. чтобы господствующія идеи о виновности и наказаніи не стояли въ противорѣчіи съ понятіемъ приговоровъ на неопредѣленный срокъ;

II. чтобы была обезпечена индивидуализація режима для заключенныхъ;

III. чтобы совѣтъ, рѣшающій объ освобожденіи (board o parole or conditional release), былъ организованъ такимъ образомъ, какой исключаетъ всякое воздѣйствіе извнѣ, въ видѣ комиссіи, въ которой принимаютъ участіе по крайней мѣрѣ одинъ представитель судебнаго вѣдомства, одинъ представитель тюремной администраціи и одинъ представитель врачебной науки.

Установленіе максимальнаго предѣла наказаній рекомендуется только въ томъ случаѣ, когда то необходимо вслѣдствіе новизны системы и недостатка въ опытѣ".

Въ этой резолюціи мы видимъ подчеркнутыми тѣ условія, при которыхъ неопредѣленные приговоры могутъ быть признаны современными тюрьмовѣдами. Нѣсколько болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ условій будетъ здѣсь далеко не лишнимъ.

Неопредѣленные приговоры не должны быть универсальной формой приговоровъ. Они примѣнимы лишь: 1) къ умственно-дефективнымъ, 2) морально-дефективнымъ, 3) къ преступникамъ, нуждающимся въ исправленіи, въ особенности, юнымъ.

По отношенію къ первой категоріи въ настоящее время вырабатываются особыя мѣры, создаются особыя карательныя учрежденія съ спеціально-приспособленнымъ режимомъ и особо поста-

---

1) Здѣсь между французскимъ и англійскимъ текстомъ допущено сознательное различіе. Въ первомъ говорится о système éducatif, во-второмъ — о reformatory system. Оно объясняется болѣе широкимъ значеніемъ, которое присуще слову reformatory въ англійскомъ языкѣ.

вленнымъ надзоромъ при условномъ досрочномъ освобожденіи [1]). Нѣкоторая неопредѣленность срока заключенія является постоянной чертой этихъ мѣръ. Конгрессъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду эти мѣры.

Что касается морально-дефективныхъ, то неяснымъ представляется, какія категоріи преступниковъ здѣсь имѣются въ виду. Въ строгомъ смыслѣ слова почти всѣ преступники являются морально-дефективными. Во французской литературѣ этотъ терминъ примѣняется часто для указанія легкихъ формъ психическаго заболѣванія, такъ наз. уменьшенной вмѣняемости, и, повидимому, онъ такъ и долженъ быть понимаемъ въ настоящемъ случаѣ. Неопредѣленность заключенія для лицъ, уменьшенно-вмѣняемыхъ, однако, полезна только тогда, если эти лица помѣщаются въ особыя лѣчебно-карательныя заведенія, а не содержатся въ общихъ тюрьмахъ.

Наконецъ, въ третью категорію относятся тѣ, которые признаются нуждающимися въ воспитательномъ воздѣйствіи. Къ числу такихъ, по преимуществу, относятся преступники юные и тѣ, преступленія которыхъ вызваны причинами, зависящими отъ характера индивида. Этимъ послѣднимъ могутъ быть противопоставляемы преступники случайные, преступленія которыхъ вызваны обыкновенно лишь чрезвычайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, а не свойствами характера, и преступники профессіональные, которые неспособны по общему правилу къ воспитательному воздѣйствію. Повидимому, резолюція конгресса имѣла въ виду здѣсь перечислить тѣ категоріи, которыя помѣщаются обыкновенно въ реформаторіи, и подчеркнула это указаніемъ на систему реформаторій. Вопросъ о желательности примѣненія неопредѣленныхъ приговоровъ къ заключаемымъ въ долгосрочныя тюрьмы остался открытымъ.

Введеніе неопредѣленныхъ приговоровъ возможно, однако, только при извѣстныхъ условіяхъ.

---

1) См. мои очерки уголовнаго суда и наказанія въ современной Англіи. 1911 г.

Прежде всего требуется, чтобы господствующія идеи о виновности и наказаніи не стояли въ противорѣчіи съ понятіемъ приговоровъ на неопредѣленный срокъ. Здѣсь выражена вполнѣ справедливая мысль о томъ, что неопредѣленность наказанія есть свойство, характеризующее наказаніе лишь на извѣстной стадіи развитія, когда становится возможнымъ нѣсколько ослабить общепредупредительное дѣйствіе наказанія. Для странъ, нуждающихся еще въ сильномъ общемъ давленіи въ сторону соблюденія закона, принятіе ихъ было бы преждевременнымъ и могло бы привести къ вреднымъ послѣдствіямъ. Господствующія идеи о виновности и наказаніи являются барометромъ потребностей страны въ области репрессіи, и поскольку они рѣшительно отвергаютъ неопредѣленные приговоры по соображеніямъ репрессіи или надлежащей охраны правъ личности, постольку было бы неправильнымъ проводить ихъ въ законодательство. Это, однако, не освобождаетъ спеціалистовъ отъ обязанности развивать общественное мнѣніе, уяснять, что въ области господствующихъ идей слѣдуетъ отнести на долю одной только традиціи и привычки, и что—на долю дѣйствительной потребности.

Чрезвычайно важнымъ является второе условіе, выставленное конгрессомъ—обезпеченіе индивидуализированнаго режима. Только при той системѣ, гдѣ каждый заключенный имѣетъ возможность проявить свою личность, гдѣ онъ не является автоматомъ, выполняющимъ несложныя требованія дисциплины, а гдѣ онъ долженъ проявлять извѣстныя качества прилежанія, стойкости, оправдывать довѣріе, выказывать способность воздержанія отъ порочныхъ склонностей и пр., только тогда т. е. при сложномъ индивидуализированномъ режимѣ, можно ввести неопредѣленность и она приведетъ къ цѣннымъ, а не къ случайнымъ результатамъ. Неопредѣленные приговоры, пріуроченные къ карательной тюрьмѣ казарменнаго типа, способны превратиться лишь въ мѣру деспотизма тюремной администраціи.

Наконецъ, резолюція конгресса предъявляетъ извѣстныя требованія къ организаціи совѣтовъ, рѣшающихъ объ освобожденіи.

Хотя эти совѣты и будутъ совѣтами административными, но они должны исключать всякое воздѣйствіе извнѣ. Злоупотребленія со стороны политическихъ партій въ Америкѣ въ достаточной степени показали опасность политическаго пристрастія въ этой области. Въ другихъ странахъ можно было бы, наоборотъ, опасаться чрезмѣрнаго правительственнаго вліянія. Обезпеченіе независимости совѣтовъ можетъ быть достигнуто соотвѣтственной организаціей назначенія и самой службы членовъ совѣта. Резолюція не касается этого вопроса, предоставляя его отдѣльнымъ законодательствамъ. Она опредѣляетъ только общимъ образомъ составъ совѣта. Желательно, чтобы совѣтъ состоялъ изъ представителя судебнаго вѣдомства, представителя тюремной администраціи и представителя врачебной науки. Этимъ однако не устраняется допустимость дальнѣйшихъ членовъ. Указанный въ резолюціи необходимый составъ объясняется тѣмъ, что совѣту придется рѣшать вопросъ о срокѣ наказанія (т. е. вопросъ, судебный), на основаніи данныхъ о поведеніи осужденнаго въ мѣстѣ заключенія (вопросъ, касающійся тюремной администраціи) и степени его исправленія и моральнаго оздоровленія (вопросъ касающійся оцѣнки индивидуальныхъ психическихъ и физическихъ свойствъ). Комиссія американскаго Института Уголовнаго Права, сдѣлавшая въ 1912 г. вопросъ о составѣ совѣта темой спеціальнаго изученія, рекомендуетъ въ своемъ докладѣ введеніе въ составъ совѣта начальника карательнаго учрежденія и судьи, постановившаго приговоръ. Участіе такого судьи желательно въ цѣляхъ ознакомленія судей съ результатами постановляемыхъ ими приговоровъ [1]).

---

[1]) Amer. Journal, vol. II, p. 560. Составъ совѣтовъ по досрочному освобожденію, принятыхъ для федеральныхъ тюремъ закономъ 1910 г., по свидѣтельству генеральнаго атторнея Соединенныхъ Штатовъ G. W. Wickersham, построенъ на постановленіи Вашингтонскаго конгресса. Wickersham высказываетъ сомнѣніе лишь относительно цѣлесообразности введенія въ составъ совѣтовъ начальниковъ тюремъ. „Мнѣніе этихъ начальниковъ—пишетъ онъ—всегда можетъ быть затребовано совѣтомъ, но въ интересахъ поддержанія хорошихъ отношеній начальника тюрьмы съ заключенными, онъ не долженъ быть сдѣланъ отвѣтственнымъ за удержаніе или освобожденіе заключенныхъ, которые естественно бу-

Оба проекта предполагаютъ составъ совѣта немногочисленнымъ и придаютъ рѣшеніямъ его окончательную силу, безъ дальнѣйшаго обжалованія или утвержденія. На нашъ взглядъ, было бы правильно подчинить дѣятельность совѣта наблюденію какого-либо высшаго органа, который также былъ бы коллегіальнымъ и въ который входили бы представители отъ общества[1]).

Неопредѣленные приговоры, примѣняемые въ современныхъ карательныхъ учрежденіяхъ, должны имѣть максимумъ и минимумъ. Но такое ограниченіе, по мнѣнію конгресса, не является неизбѣжной чертой ихъ. Оно нужно лишь на первое время, при отсутствіи достаточнаго опыта. Можно думать, однако, что эта потребность ограниченій отпадетъ еще не такъ скоро, такъ какъ, даже при авторитетномъ составѣ совѣтовъ, довѣріе къ нимъ не будетъ безграничнымъ.

Къ приведеннымъ положеніямъ Вашингтонскаго конгресса, за принятіе которыхъ вотировалъ на конгрессѣ и авторъ, приходится прибавить немногое.

Слѣдуетъ указать, что законъ не долженъ указывать только на факультативность назначенія неопредѣленныхъ приговоровъ для судей. Онъ долженъ ясно указать тѣ случаи, когда назначеніе такихъ приговоровъ обязательно. Такими случаями, кромѣ перечисленныхъ въ резолюціи Вашингтонскаго конгресса, явятся осужденіе привычныхъ преступниковъ, для которыхъ должны быть

дутъ видѣть въ немъ виновника состоявшагося постановленія. Во всякомъ случаѣ большинство совѣта не должно состоять изъ лицъ тюремной администраціи. Wickersham, Parole of United States Prisoners. Proceedings of the American Paison Association. 1911, p. 236.

1) За введеніе въ составъ совѣтовъ представительнаго, нечиновнаго элемента высказывается Arthur Towne, секретарь ньюіоркской Probation Commission (Journal of Cr. Law, v. I, p. 347), полагая, что это усилитъ авторитетъ совѣтовъ и поставитъ дѣятельность ихъ въ гармонію съ общественнымъ мнѣніемъ и G. Wickersham (l. c. p. 237). Послѣдній предлагаетъ назначать неофиціальныхъ членовъ въ количествѣ двухъ изъ числа лицъ, работавшихъ по тюремнымъ вопросамъ и знакомыхъ съ проблемами борьбы съ преступностью.

2) Report of Committee C. of the American Institute of C L., W. Bolster, Chairman, Amer. Journal of C. L., vol. I. p. 438—448.

установлены спеціальные максимумы и минимумы, преступниковъ-алкоголиковъ и тунеядцевъ [1]). Опытъ штатовъ, знающихъ факультативные неопредѣленные приговоры, показываетъ крайне слабое примѣненіе ихъ на практикѣ. Далѣе максимумъ и минимумъ наказанія должны быть устанавливаемы судомъ въ предѣлахъ легальныхъ максимума и минимума, но при этомъ должно быть установлено обязательное пропорціональное отношеніе между обоими предѣлами, чтобы не дать возможности, съ одной стороны, чисто-фиктивныхъ неопредѣленныхъ приговоровъ, а съ другой стороны фиктивныхъ относительно-неопредѣленныхъ приговоровъ, т. е. такихъ, гдѣ практически усмотрѣніе совѣтовъ по освобожденію безгранично. Такъ, напр., можно было бы установить, что минимумъ не долженъ быть меньше одной трети максимума и не больше двухъ третей его. Такое соотношеніе въ особенности слѣдуетъ рекомендовать странамъ, не желающимъ отказываться отъ другихъ задачъ, преслѣдуемыхъ репрессіей, помимо задачи исправленія.

Наконецъ, съ введеніемъ неопредѣленныхъ приговоровъ слѣдуетъ создать болѣе правильную и надежную организацію надзора по освобожденіи, чѣмъ та, которая обыкновенно имѣется при одномъ только условномъ освобожденіи. Для этого, наряду съ патронатомъ и, отчасти, полицейскимъ надзоромъ, должны быть учреждены спеціальные государственные агенты по надзору, положеніе которыхъ приближалось бы къ положенію должностныхъ попечителей при условномъ осужденіи. Техника организаціи ихъ является уже предметомъ мѣстной заботы.

При такихъ условіяхъ и формахъ, мнѣ думается, неопредѣленные приговоры способны войти въ жизнь многихъ государствъ Европы и послужить новымъ стимуломъ къ обновленію тюремныхъ

---

1) Недавно состоявшійся международный конгрессъ криминалистовъ въ Копенгагенѣ высказался за примѣненіе неопредѣленныхъ приговоровъ къ опаснымъ рецидивистамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было замѣтно, что идея неопредѣленныхъ приговоровъ завоевала многихъ сторонниковъ и среди европейскихъ криминалистовъ, даже изъ числа тѣхъ, которые выступали въ печати раньше какъ ея противники.

системъ соотвѣтственныхъ странъ. Что же касается Россіи, то здѣсь несомнѣнно еще очень рано говорить о введеніи ихъ. Очередныя задачи тюремнаго преобразованія у насъ еще въ значительной мѣрѣ лежатъ позади передовыхъ идей. Крайняя неподготовленность тюремной администраціи, отсутствіе сколько-нибудь индивидуализированнаго режима и, наконецъ, шаткость правового строя, требующая еще большой опредѣленности наказанія, заставляютъ видѣть въ этой мѣрѣ лишь нѣкоторую перспективу будущаго, а не предположеніе, пригодное и для настоящаго.

П. И. Люблинскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Привожу для примѣра текстъ закона о неопредѣленныхъ приговорахъ, принятаго въ 1911 г. въ штатѣ Миннесота и составленнаго при участіи видныхъ спеціалистовъ. Законъ этотъ можетъ считаться образцовымъ для законовъ этого рода. Первоначальный проектъ его былъ составленъ A. Hall, предсѣдателемъ комиссіи Американскаго Института Уголовнаго Права по вопросу о неопредѣленныхъ приговорахъ.

Законъ 20 апрѣля 1911 о неопредѣленныхъ приговорахъ противъ лицъ осужденныхъ за преступленія и о порядкѣ освобожденія осужденныхъ.

Ст. 1. Въ случаѣ осужденія какого-либо лица за тяжкое преступленіе, учиненное послѣ изданія настоящаго закона и караемое заключеніемъ въ государственную тюрьму или государственную реформаторію, за исключеніемъ измѣны и убійства, судъ, постановляя приговоръ, не долженъ опредѣлять срока лишенія свободы, но прямо приговариваетъ это лицо къ помѣщенію въ государственную тюрьму или государственную реформаторію, соотвѣтственно характеру дѣла; приговоренное къ заключенію лицо освобождается условно или окончательно лишь совѣтомъ по условному освобожденію въ порядкѣ, указываемомъ ниже. При этомъ, если лицо подлежитъ осужденію за два или болѣе преступныхъ дѣянія, то приговоръ постановляется по каждому дѣянію отдѣльно, и тюремное заключеніе, назначаемое за нихъ, не можетъ превышать суммы максимальныхъ

*

сроковъ, положенныхъ въ законѣ за каждое преступное дѣяніе въ отдѣльности, и для цѣлей настоящаго закона это тюремное заключеніе почитается непрерывнымъ. Если же у суда имѣется выборъ между присужденіемъ къ государственной тюрьмѣ или реформаторіи и штрафомъ, или помѣщеніемъ въ тюрьмѣ графства, то онъ можетъ въ дополненіе назначать и эти, болѣе легкія наказанія.

Ст. 2. постановляетъ о признаніи неопредѣленными даже тѣхъ приговоровъ, въ которыхъ судья ошибочно опредѣлитъ срокъ заключенія.

Ст. 3. Совѣтъ, которому предоставляется право условно и окончательно освобождать заключенныхъ изъ государственныхъ тюрьмы или реформаторіи, именуется совѣтомъ по условному освобожденію. Этотъ совѣтъ состоитъ изъ трехъ лицъ: старѣйшаго по службѣ члена управленія государственными карательными учрежденіями, который является и предсѣдателемъ совѣта, начальника тюрьмы въ Стильвотерѣ и одного изъ гражданъ штата, назначаемаго губернаторомъ съ согласія сената. Одинъ изъ членовъ совѣта избирается секретаремъ. Законнымъ составомъ для дѣятельности совѣта явится участіе хотя бы двухъ его членовъ.

Ст. 4. предусматриваетъ веденіе совѣтомъ списка всѣхъ заключенныхъ и протоколовъ совѣта.

Ст. 5. предусматриваетъ срокъ службы (шесть лѣтъ), вознагражденіе, обязанности и отчетность назначеннаго члена совѣта.

Ст. 6. Государственный совѣтъ по условному освобожденію можетъ освобождать изъ государственныхъ тюрьмы или реформаторіи всякаго заключеннаго. Однако лица, отбывающія пожизненное заключеніе, не могутъ быть освобождаемы ранѣе истеченія 35 лѣтъ, за вычетомъ того сокращенія этого срока, которое можетъ имъ быть предоставлено въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія и притомъ не иначе, какъ по единогласному письменному согласію всѣхъ членовъ совѣта. Такіе заключенные, находясь на свободѣ, остаются подъ наблюденіемъ государственнаго совѣта по условному освобожденію и во всякое время могутъ быть возвращены въ государственную тюрьму или реформаторію по письменному постановленію совѣта. Мѣсто пребыванія освобождаемаго можетъ быть опредѣляемо въ предѣлахъ штата и ему можетъ быть предоставляема большая или меньшая свобода передвиженія въ зависимости отъ его поведенія.

При разсмотрѣніи просьбъ объ условномъ или окончательномъ освобожденіи означенный совѣтъ не будетъ обязанъ выслушивать доказательства, представляемыя повѣренными или какими-либо другими лицами, не связанными съ тюрьмой или реформаторіей, въ пользу или противъ освобожденія, но онъ можетъ непосредственно собирать доказательства путемъ корреспонденціи и свидѣтельскихъ показаній относительно прошлой жизни заключеннаго, его физическаго и умственнаго состоянія или его характера, и каждый изъ членовъ совѣта въ правѣ допрашивать подъ присягой для этой цѣли свидѣтелей.

Ст. 7. Каждый заключенный будетъ получать за хорошее поведеніе въ тюрьмѣ, прилежаніе къ труду и занятіямъ и за достигнутые результаты такое количество марокъ, какое опредѣлитъ совѣтъ, и лишаться извѣстнаго количества марокъ, по опредѣленію совѣта, за неисполненіе обязанностей, небрежное отношеніе или проступки. О количествѣ получаемыхъ имъ марокъ, заключенный долженъ быть освѣдомляемъ ежемѣсячно. Въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣтъ предоставляетъ окончательное освобожденіе, онъ обязанъ сообщить о фактѣ и основаніяхъ освобожденія губернатору, который сможетъ, по своему усмотрѣнію, возвращать освобожденному права гражданства. Однако подача просьбъ о такомъ освобожденіи не должна быть допускаема совѣтомъ.

Ст. 8. Обязанностью государственнаго совѣта по условному освобожденію является постоянное наблюденіе надъ всѣми условно освобожденными и сношеніе съ лицами, у которыхъ они работаютъ, въ теченіе такого періода времени, который совѣтъ признаетъ достаточнымъ для того, чтобы предполагать, что освобожденный заслуживаетъ довѣрія и сможетъ жить на свободѣ, не нарушая закона, и что освобожденіе его не будетъ несовмѣстимо съ интересами общества. Убѣдившись въ наличности удовлетворительнаго исполненія указанныхъ условій, совѣтъ будетъ имѣть право предоставитьозначенному лицу окончательную свободу. При этомъ совѣтъ долженъ составить особое постановленіе, въ которомъ должны быть указаны основанія постановленія, время заключенія осужденнаго, данныя о его поведеніи въ заключеніи и при условномъ освобожденіи, а также другіе факты, которые будутъ признаны совѣтомъ подходящими. Постановленіе это вмѣстѣ съ рекомендаціей совѣта о желательности или нежелательности возстановленія гражданскихъ правъ освобождаемаго (кромѣ случая когда лишеніе гражданскихъ правъ спеціально оговорено какъ наказаніе за учиненное преступленіе) направляется губернатору для утвержденія. Постановленія настоящаго закона ни въ чемъ не уменьшаютъ компетенціи совѣта помилованія по предоставленію помилованій и сокращенію сроковъ наказанія.

Ст. 9. опредѣляетъ права и обязанности совѣта по отношенію къ лицамъ, осужденнымъ за преступленія, учиненныя до изданія настоящаго закона.

Ст. 10. предусматриваетъ порядокъ назначенія, обязанности, вознагражденіе и расходы агентовъ по условному освобожденію.

Ст. 11. предписываетъ окружнымъ атторнеямъ доставлять въ распоряженіе совѣта всѣ необходимыя свѣдѣнія относительно прошлой жизни и характера осужденныхъ, а также свѣдѣнія объ учиненныхъ ими преступленіяхъ.

Въ дополненіе къ настоящему закону изданы правила, которыя предусматриваютъ обязательность ежемѣсячныхъ засѣданій совѣта, порядокъ обращенія въ совѣтъ (осужденные могутъ обращаться въ совѣтъ по истеченіи минимальнаго срока ихъ заключенія при условіи если они въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ состояли въ первомъ

разрядѣ по поведенію; въ случаѣ отказа въ ихъ просьбѣ, новое разсмотрѣніе вопроса объ ихъ освобожденіи не можетъ имѣть мѣста ранѣе шести мѣсяцевъ, если совѣтъ не постановитъ иного), способы собиранія совѣтомъ свѣдѣній о заключенныхъ и, наконецъ, постановленія, запрещающія разглашеніе другимъ лицамъ свѣдѣній, доставленныхъ совѣту,

---

Революціонный трибуналъ во Франціи.

(10 марта 1793 г.—31 мая 1795 г.)

Н. И. Идельсона.

(Окончаніе).

III.

Въ теченіе шести мѣсяцевъ, слѣдующихъ за казнью Маріи-Антуанетты, революціонный трибуналъ всецѣло превращается въ орудіе Робеспьера; наполненный его ставленниками, онъ имѣетъ единственной цѣлью дѣятельности освобожденіе „несовратимаго" отъ всѣхъ враговъ его. Въ угоду туманнымъ замысламъ загадочнаго трибуна, одинъ за другимъ падаютъ подъ мечемъ, прежде всего, тѣ лица, коихъ положеніе при бывшемъ строѣ или же успѣхи въ первыя эпохи революціи дѣлали врагами народа въ глазахъ партіи террора и Комитета общественнаго спасенія. Но ими одними списокъ знаменитыхъ жертвъ трибунала не ограничивается. Какъ разъ въ эту эпоху исторія политическихъ партій во Франціи достигаетъ наибольшей сложности и принимаетъ порою характеръ совершенныхъ неожиданностей. Передъ революціоннымъ трибуналомъ проходятъ одни за другими люди, которые за нѣсколько недѣль, а иногда и дней передъ тѣмъ считлиась кумирами общественнаго мнѣнія, и которые внезапно превращаются въ измѣнниковъ, заговорщиковъ, предателей. Послѣ процессовъ, совершенно ничего не выясняющихъ,—ибо въ этихъ процессахъ очень мало фактовъ, колоссально много риторики,—недавніе герои идутъ на смерть. Исторія этихъ шести мѣсяцевъ является, по всей вѣроятности, одною изъ труднѣйшихъ главъ исторической науки вообще. Конечно, невозможно пытаться очертить ее здѣсь.—Мы ограничимся лишь

указаніемъ на то, какіе способы судебной борьбы съ ея врагами были измышлены партіей власти въ эту страшную эпоху, и во что вырождался подъ ихъ вліяніемъ уголовный процессъ.

Эта борьба начинается съ Жирондистовъ. Подъ ихъ именемъ объединяются здѣсь тѣ двадцать два депутата различныхъ департаментовъ, которые пали подъ ударомъ проскрипцій 31 мая—2 іюня и которые не успѣли или не пожелали скрыться послѣ изданія Конвентомъ декрета объ ихъ арестованіи. Ихъ процессъ начинается вскорѣ послѣ дѣла Маріи-Антуанетты, 24 октября (3 брюмера). На этотъ разъ передъ присяжными впервые предстали 22 человѣка, которые были цвѣтомъ плеяды людей народа, выдвинутыхъ на первыя мѣста самою революціей. Имъ нельзя было вмѣнить никакого опредѣленнаго преступленія, и единственное, за что имъ приходилось давать отвѣтъ, заключалось, въ сущности, въ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ; нѣкоторая мягкость и отсутствіе нетерпимости—вотъ что дѣлало ихъ ужасными преступниками. И дѣйствительно, процессъ ихъ доказалъ воочію, что судились не столько люди, сколько взгляды и наклонности; неоднократно подсудимые отвѣчали на ядовитые вопросы предсѣдателя: „я полагалъ, что меня судятъ здѣсь не за мои убѣжденія“.—Отвѣтъ, который неизмѣнно вызываетъ замѣчаніе предсѣдателя: „Хотя, дѣйствительно, вы не даете здѣсь отвѣта за убѣжденія, но такъ какъ васъ обвиняютъ въ заговорѣ противъ республики, то присяжнымъ засѣдателямъ не безполезно знать эти убѣжденія и т. д.“

Но вотъ, процессъ тянется уже пять дней; допрошено лишь 9 свидѣтелей (одинъ изъ нихъ, Шабо, говорилъ одиннадцать часовъ и оставилъ за собою право давать дальнѣйшія объясненія—это была странная личность, эксъ-капуцинъ). Показанія свидѣтелей, повидимому, дали мало матеріала обвинителю, а подсудимые защищались съ большой энергіей (не всѣ съ одинаковой нравственной красотою). Одинъ изъ нихъ, знаменитый Верньо, произнесъ значительную рѣчь; чувствовалось, что для прокурора дѣло портилось.—Тогда Фукье рѣшается на совершенно особый шагъ: отъ имени трибунала пишется въ Конвентъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Медленность, съ которой подвигаются процессы въ революціонномъ трибуналѣ, заставляетъ насъ представить вамъ нѣкоторыя соображенія: мы дали достаточно доказательствъ нашего рвенія для того, чтобы не бояться обвиненія въ небрежности; насъ задерживаютъ формы, предписанныя закономъ. До сихъ поръ допрошено только девять свидѣтелей; каждый изъ нихъ желаетъ изобразить исторію революціи; подсудимые имъ отвѣчаютъ и вызываютъ возраженія. Возбуждаются пререканія, которыя болтливость подсудимыхъ дѣлаетъ весьма длительными, и развѣ не пожелаетъ каждый изъ подсудимыхъ послѣ этихъ преній произнести общую защиту? Этотъ процессъ будетъ безконечнымъ. Вообще, спрашивается, зачѣмъ свидѣтели? Конвентъ, вся Франція обвиняютъ тѣхъ лицъ, чье дѣло теперь слушается; доказательства ихъ преступленій очевидны; каждый въ глубинѣ души убѣжденъ, что они виновны; но судъ самъ ничего не можетъ сдѣлать: онъ долженъ исполнять законъ. Конвенту надлежитъ устранить всѣ тѣ преграды, которыя задерживаютъ его примѣненіе“.

Отвѣтъ на это циничное письмо напрашивался для монтаньяровъ самъ собой; но только Робеспьеру удалось формулировать его. Въ его бумагахъ найденъ черновикъ декрета, написанный имъ самимъ. Декретъ этотъ, тотчасъ же принятый, провозглашалъ совершенно новый принципъ въ уголовномъ правосудіи; а именно, было постановлено, что послѣ трехъ дней судебнаго слѣдствія предсѣдатель суда имѣетъ право обратиться къ присяжнымъ съ вопросомъ, достаточно ли дѣло выяснено для ихъ совѣсти; въ случаѣ отрицательнаго отвѣта слѣдствіе по дѣлу продолжается до заявленія присяжныхъ, что они въ состояніи вынести рѣшеніе; отсюда слѣдовало, что при заявленіи присяжныхъ о томъ, что они не нуждаются въ продолженіи судебнаго слѣдствія, послѣднее тутъ же должно было прекращаться, и присяжные немедленно могли постановить рѣшеніе.

Этотъ декретъ, тотчасъ же препровожденный въ трибуналъ, былъ оглашенъ предсѣдателемъ; и черезъ нѣсколько часовъ старшина присяжныхъ, чувствуя, что знаменуетъ это рѣшеніе Кон-

вента, заявилъ, что дѣло ясно присяжнымъ засѣдателямъ; вслѣдъ засимъ они удаляются на совѣщаніе. Такимъ образомъ, ни подсудимымъ, ни защитѣ не пришлось высказаться; происходитъ первое юридическое убійство въ стѣнахъ трибунала.

Черезъ нѣсколько часовъ, когда были введены въ залъ подсудимые, и Фукье, въ виду утвердительнаго отвѣта присяжныхъ, потребовалъ смертной казни для всѣхъ обвиняемыхъ, произошла та знаменитая, столько разъ описанная сцена возмущенія и негодованія людей, понявшихъ, какимъ маневромъ у нихъ отнята всякая защита. Подсудимыхъ приходится увести изъ зала до постановленія судомъ приговора. Когда же они удалились, когда смолкли подъ сводами звуки жирондистской марсельезы, оказывается, что одинъ изъ осужденныхъ остался бездыханнымъ на своей скамьѣ; то былъ Валазе, зарѣзавшійся кинжаломъ во время общаго смятенія. Личность его удостовѣряется судебнымъ приставомъ, смерть констатируется врачомъ... Фукье требуетъ, чтобы мертвый былъ гильотинированъ вмѣстѣ съ живыми „его сообщниками". Судъ, однако, только отчасти удовлетворяетъ ходатайство обвинителя: онъ опредѣляетъ, что трупъ покончившаго съ собой будетъ отвезенъ на особой повозкѣ къ мѣсту казни вмѣстѣ съ остальными и закопанъ въ одной могилѣ съ казненными; на слѣдующій день это и было исполнено.

За Жирондистами длинной серіей проходятъ подсудимые „высокой марки": братъ короля герцогъ Орлеанскій (6 ноября), госпожа Роланъ, нимфа Эгерія жирондистовъ, (8 ноября), Байльи (10), Манюэль (14), г-жа Дюбарри (6 декабря), членъ конвента Керсэнъ, Осселэнъ, бывшій министръ Лебрэнъ, еще многіе—всѣ, какъ участники безконечнаго заговора, направленнаго противъ республики. Къ этому самому времени относится и появленіе такъ называемыхъ „амальгамъ"—зародышъ самыхъ ужасныхъ явленій въ послѣдующемъ,—т. е. процессовъ, въ которыхъ, для сокращенія времени и производства, отдѣльные подсудимые, ничего между собою общаго не имѣвшіе, и сталкивавшіеся впервые на скамьѣ подсудимыхъ, судились вмѣстѣ, и всѣ признавались участниками

одного и того же заговора. Въ началѣ такимъ способомъ соединяются пять—шесть человѣкъ, и въ нѣсколько часовъ дѣло о нихъ заканчивается. Эти процессы проходятъ, какъ мелкая, повседневная работа; даже публика трибунъ къ нимъ привыкаетъ; даже сами подсудимые настолько свыкаются съ мыслью о неизбѣжности казни, что никакихъ особыхъ сценъ не происходитъ въ залахъ судилища. Такъ, мало по малу, въ эту эпоху растетъ число жертвъ; ихъ по шестьдесятъ за мѣсяцы ноябрь, декабрь, январь; 116 за февраль; 155 за мартъ; между ними лица всѣхъ классовъ, всѣхъ состояній, до публичныхъ женщинъ включительно [1]). Дѣянія почти всегда ничтожны—такъ называемые возмутительные возгласы, связи съ аристократами или неприсягнувшими республикѣ священниками, распространеніе непріемлемыхъ съ террористической точки зрѣнія сочиненій, въ общемъ всегда одно и то же—несочувствіе партіи террора и то или иное его проявленіе. Мало того, съ неменьшею жестокостью, чѣмъ все снисходительное и мягкое, начинаетъ въ это время преслѣдоваться также и все крайнее, все то, что отдѣлялось нѣсколько отъ триединой формулы Робеспьера: „терроръ, поддерживающій добродѣтель, существованіе высшаго разума и священная собственность“. Всякій долженъ былъ повиноваться этимъ истинамъ: недостоинъ какъ тотъ, кто проповѣдуетъ нѣкоторую снисходительность, такъ и тотъ, кто проповѣдуетъ терроръ, но безъ добродѣтели; кто отрицаетъ высшее существо, кто нападаетъ на собственность. И потому, наряду съ умѣренными, подъ проскрипціями комитета общественнаго спасенія оказываются всѣ крайніе: анархисты, безбожники и слишкомъ заядлые революціонеры—это тѣ же заговорщики.

Съ именами крайнихъ и умѣренныхъ связаны весьма громкіе процессы этого періода, процессъ крайнихъ—Гебера (автора и

---

[1]) Коммуна преслѣдовала въ то время „паденіе нравовъ“ съ большою жестокостью, какъ наслѣдіе „стараго режима“. Многія несчастныя женщины, въ порывѣ отчаянія, начинали кричать: „Да здравствуетъ королева!“ или „долой гильотину“, за что и попадали въ революціонный трибуналъ.

издателя знаменитаго „Пэръ Дюшэнъ") и черезъ 12 дней послѣ него процессъ Дантона, Камилла Демулена и другихъ. Въ обоихъ случаяхъ получалъ примѣненіе—придуманный для казни жирондистовъ, законъ объ обязательности лишь трехъ дней судебнаго слѣдствія. Въ процессѣ Гебера судилось 20 человѣкъ; между ними Анахарсисъ Клотцъ, нѣмецкій баронъ, милліонеръ, жрецъ всемірной республики; этотъ странный маньякъ удивлялся, какъ можно гильотинировать въ Парижѣ человѣка, который былъ бы сожженъ въ Римѣ, повѣшенъ въ Лондонѣ и колесованъ въ Вѣнѣ. Бѣдный баронъ ошибся.—На третій день предсѣдательствовашій Дюма („тигръ") обратился къ подсудимымъ съ длиннѣйшею рѣчью, въ которой называлъ ихъ гнусными разбойниками, измѣнниками, убійцами, палачами, душителями, отцеубійцами, жестокими рабами, узурпаторами, агентами тирана, лакеями иностранныхъ державъ, фальшивыми патріотами и роялистами. Присяжные не замедлили заявить послѣ этого, что дѣло достаточно для нихъ выяснено, и 19 подсудимыхъ (кромѣ одного — шпіона Робеспьера) были осуждены.

Но что дѣйствительно ужасно и производитъ поистинѣ трагическое впечатлѣніе—это то, что называется „процессомъ Дантона". Извѣстно, что декретъ Конвента объ арестѣ Дантона, Камилла Демулена и еще трехъ депутатовъ, продиктованный Сенъ Жюстомъ, поддержанный Робеспьеромъ, произвелъ впечатлѣніе разорвавшейся бомбы въ Парижѣ; хотя знали, что Дантонъ открыто отошелъ отъ Робеспьера, удалившись нѣсколько отъ дѣлъ за послѣднія недѣли; хотя знали, что Демуленъ, высмѣивавшій въ своемъ „Старомъ Кордельерѣ" политику террора, „ухаживаетъ за гильотиной", однако не ждали, что Робеспьеръ рѣшится на этотъ страшный шагъ, на послѣднюю ставку въ борьбѣ съ людьми не его лагеря. Этотъ процессъ долженъ былъ быть истиннымъ единоборствомъ между Дантономъ и Робеспьеромъ; Фукье-Тэнвиль и трибуналъ держали на этотъ разъ въ рукахъ судьбу Франціи.—Дантонъ въ этомъ процессѣ былъ великъ, какъ только онъ могъ быть великъ. „Онъ вошелъ,—говоритъ очевидецъ,—какъ быкъ

на арену, съ опущенными рогами, онъ съ самаго начала надѣялся поднять народъ". На процессѣ онъ проявлялъ свое титаническое сокрушительное краснорѣчіе, онъ вопилъ тѣмъ громовымъ голосомъ, раскаты котораго, по словамъ легенды, раздавались далеко за зданіемъ суда, до самой набережной. Для трибунала это были чрезвычайно горячіе дни. Ничтожный эпизодъ могъ повернуть настроеніе народа и присяжныхъ въ пользу обвиняемыхъ, а это было бы крушеніемъ всей системы.

Первый день прошелъ безусловно въ пользу подсудимыхъ (ихъ было 16 человѣкъ). Сохранились записки одного изъ присяжныхъ засѣдателей (Топино); странно видѣть теперь, черезъ цѣлое столѣтіе, фразы великаго оратора, вырванныя изъ его рѣчи и записанныя простою и неумѣлою рукой: „Народъ растерзаетъ моихъ враговъ ранѣе, чѣмъ черезъ три мѣсяца". „Мнѣ отказываютъ въ свидѣтеляхъ, ну хорошо, такъ я не буду защищаться"; „я установилъ Революціонный трибуналъ, такъ я же долженъ понимать здѣсь толкъ".—На каждый вопросъ предсѣдателя Дантонъ отвѣчаетъ горячей рѣчью, взывая къ своей дѣятельности за все время революціи.—„Дантонъ,—замѣчаетъ редакторъ бюллетеня,—говорилъ долго съ тою силою, съ тою энергіею, которую онъ проявлялъ столько разъ въ собраніяхъ". Видно, какъ его сила захватываетъ всѣхъ и все; какъ предсѣдатель начинаетъ пускаться на хитрости и лишаетъ его слова подъ предлогомъ того, что онъ усталъ. Дѣло не двигается. Сохранились также три записки, которыми обмѣнялись въ этотъ день предсѣдатель съ обвинителемъ, на одной изъ нихъ написано: „надо же подвигаться впередъ". Проходитъ и второй день. Фукье чуетъ опасность и пишетъ донесеніе въ Комитетъ Общественнаго Спасенія: „страшная гроза,—говоритъ онъ,—бушуетъ въ судѣ съ начала засѣданія; подсудимые, какъ буйные, требуютъ допроса свидѣтелей; они обращаются къ народу съ жалобами на отказъ, который они якобы встрѣчаютъ; ихъ многократныя требованія нарушаютъ порядокъ, они громко заявляютъ, что не замолчатъ, пока не будутъ допущены свидѣтели мы приглашаемъ васъ окончательно опредѣлить намъ наше поведеніе въ виду этихъ требо-

ваній, ибо судебный порядокъ не даетъ намъ никакихъ способовъ мотивировать отказъ"... Возвратившись въ залъ, Фукье успокаиваетъ подсудимыхъ, увѣряетъ ихъ, что на завтра же они получатъ право слова. „А, мы получимъ слово,—восклицаетъ Демуленъ,—это все, чего мы просимъ". (Большое и искреннее веселье среди подсудимыхъ, — замѣчаетъ оффиціальный бюллетень).— „Если только намъ дадутъ слово, я увѣренъ, что уничтожу моихъ обвинителей, и если французскій народъ есть то, чѣмъ онъ долженъ быть, то я же буду принужденъ просить пощады для нихъ", заявляетъ Дантонъ. По всей вѣроятности, сюда же относятся слова Дантона къ предсѣдателю: „Я уважаю тебя, предсѣдатель, у тебя честная душа."—А въ это самое время терроризованный Конвентъ, по докладу Сенъ Жюста, голосовалъ декретъ, силой котораго предсѣдатель обязанъ былъ употреблять всѣ средства, данныя ему закономъ для поддержанія своей власти и достоинства трибунала и для подавленія всѣхъ могущихъ имѣть мѣсто со стороны подсудимыхъ попытокъ нарушить общественное спокойствіе или препятствовать отправленію правосудія. Засимъ, въ этомъ декретѣ было установлено, что всякій обвиняемый въ заговорѣ, который будетъ насмѣхаться надъ національнымъ правосудіемъ или сопротивляться ему, подлежитъ немедленному лишенію слова и удаленію изъ суда.—Въ пять часовъ, 15 апрѣля, Фукье получилъ письмо, извѣщающее его объ этомъ декретѣ, а вскорѣ и самый текстъ его, который тутъ же и былъ оглашенъ. Судьи, присяжные, народъ и обвиняемые изумлены, они переглядываются въ недоумѣніи. Дантонъ встаетъ, онъ заклинаетъ судей и народъ высказать, правда ли, что подсудимые бунтовали... Публика „смущена, растрогана и волнуется". Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе. Тутъ происходитъ грозная сцена: „Гнусные тираны,—кричитъ Дантонъ,—вы не долго будете безнаказанны, эшафотъ требуетъ васъ".—„На него страшно смотрѣть".—Все было напрасно: всѣ подсудимые лишаются слова и уводятся, согласно новому закону, изъ залы; Германъ закрываетъ засѣданіе; три обязательныхъ дня прошли... На другое утро, съ самаго начала засѣданія, при неописуемомъ волне-

ніи, присяжные, подъ несомнѣннымъ давленіемъ Фукье, сдѣлали сакраментальное заявленіе. Предсѣдатель ставитъ на ихъ разрѣшеніе вопросы, изъ которыхъ первый прямо въ утвердительной формѣ, т. е. «существовалъ заговоръ, направленный къ диффамаціи и поношенію народнаго представительства» и т. д., и затѣмъ вопросы о виновности каждаго изъ подсудимыхъ.—Отвѣтъ, разумѣется, былъ утвердительный. Обвиняемыхъ не рѣшились даже привести выслушать резолюцію; въ первый разъ, въ несомнѣнное нарушеніе закона, пристава пошли въ тюрьму объявлять подсудимымъ приговоръ.

IV.

Мы приближаемся къ апогею. Робеспьеръ правитъ страною при помощи обоихъ Комитетовъ, и страна въ ужасѣ молчитъ. Этотъ человѣкъ, «смѣсь Кромвеля и Магомета», утверждаетъ на землѣ новаго Бога и въ пышныхъ празднествахъ машетъ цвѣтами Высшему Существу [1]). Терроръ въ связи съ этимъ новымъ культомъ принимаетъ характеръ почти мистическій; передъ безпрерывно-дѣйствующей «святой» гильотиной происходятъ какія-то очистительныя гекатомбы новому божеству; и жертвы плывутъ изъ тюремъ сотнями; въ странѣ воцаряется настоящій каннибализмъ. Въ Конвентѣ читаются петиціи темныхъ маньяковъ о томъ, что для спасенія народа «нужно 900 тысячъ головъ». Вся страна какъ будто-бы обречена на эшафотъ.

Революціонный Трибуналъ еле поспѣваетъ: подсудимыхъ уже судятъ только «амальгамами» и нерѣдко среди слѣдствія присоединяютъ къ обвиняемымъ совершенно новыхъ лицъ. Такъ присуждаются къ казни сразу по 20, по 35 человѣкъ (Вердэнское дѣло). О какомъ нибудь отправленіи правосудія не приходится говорить.

---

[1]) Законъ 17 мая 1794 г. ст. 1. «Французскій народъ признаетъ существованіе Высшаго Существа и безсмертіе души». Ср. законъ 10 ноября 1793 г.—«всѣ религіи ничтожны и Бога не существуетъ».

Какая страшная смѣсь! Шометтъ, бывшій прокуроръ коммуны (которому между прочимъ вмѣняется въ вину уничтоженіе полуночныхъ службъ въ церквахъ) и бывшій епископъ, отщепенецъ Гобель, который, умирая, все таки кричитъ: «Да здравствуетъ Іисусъ Христосъ!»; къ этимъ двумъ присоединяются въ ужасной и, очевидно, предумышленной симметріи и символикѣ вдовы Гебера и Демулена, подруги казненныхъ главъ обѣихъ партій, анархистовъ и умѣренныхъ. 20 октября проходятъ члены парламента Тулузы, знаменитые своей честностью судебные дѣятели стараго режима; за ними 29 генеральныхъ фермеровъ, между которыми Лавуазье [1]), затѣмъ сестра короля, госпожа Елизавета, вмѣстѣ съ 20 другими, священниками, солдатами, служащими;—всѣ они осуждены на основаніи показаній одного свидѣтеля.

Но всего этого недостаточно. Нуженъ законъ, который окончательно утвердилъ бы такой порядокъ вещей. Этотъ законъ, наконецъ, является. Законъ 22 Прэріаля (10 іюня) въ исторіи останется какъ нѣкое чудовище. Каждое слово его есть смертельный ударъ идеѣ правосудія.

По счастію, исторія сохранила намъ не только текстъ этого закона, но и тѣ объяснительныя соображенія, которыя были предложены вмѣстѣ съ нимъ Конвенту въ особомъ докладѣ члена Комитета общественнаго спасенія, одного изъ присныхъ Робеспьера, депутата Кутона («добродѣтельнаго Кутона»). Изъ этого доклада видно, до какого систематическаго безумія дошла юридическая мысль этой партіи, и что, собственно, она преслѣдовала. Оказывается, что уголовный кодексъ, введенный въ дѣйствіе въ началѣ революціи, является актомъ «шарлатанскаго макіавелизма, созданнаго въ интересахъ богатыхъ и заговорщиковъ гораздо болѣе, чѣмъ въ интересахъ истины и правосудія», и что въ сѣтяхъ его «революціонный трибуналъ былъ долгое время парализованъ». И въ самомъ дѣлѣ: этотъ кодексъ создалъ какую то «судебную истину»,

---

[1]) Лавуазье требовалъ отсрочки казни на двѣ недѣли, для опубликованія одного открытія. Предсѣдательствующій (Кофиналь) отвѣтилъ: «Республика не нуждается ни въ ученыхъ ни въ химикахъ».

которая вовсе не являлась истиной нравственной и естественной; «очевидность не имѣла силы служить доказательствомъ безъ свидѣтелей, безъ документовъ». «Судопроизводство было какимъ то подобіемъ священно-дѣйствія, основаннымъ на заблужденіи; юриспруденція—это фальшивая религія, цѣликомъ состоявшая изъ догматовъ, обрядовъ и таинствъ, изъ которыхъ изгнана нравственность; къ такимъ порядкамъ снисходительные хотятъ низвести національное правосудіе и вмѣстѣ съ нимъ и весь ходъ революціи; нравственныя доказательства считались ни во что, какъ будто самыя матеріальныя доказательства имѣли какое нибудь отличное отъ нихъ значеніе»; «отсюда произошло, что народное правосудіе никогда не имѣло того величественнаго вида, не проявляло той энергіи, которыя ей приличествовали». «Преступленія заговорщиковъ угрожаютъ непосредственно существованію общества и его свободѣ, что одно и то же. Жизнь негодяевъ здѣсь является противовѣсомъ жизни народа; здѣсь всякая медленность преступна, всякая снисходительная или излишняя формальность—общественное бѣдствіе. Времени для наказанія враговъ отечества нужно столько же, сколько нужно, чтобы ихъ узнать; здѣсь дѣло идетъ менѣе о томъ, чтобы ихъ наказать, какъ о томъ, чтобы ихъ уничтожить. Снисхожденіе по отношенію къ нимъ ужасно, милость равна отцеубійству. Такъ, напримѣръ, самое существованіе или возможность защиты въ подобныхъ преступленіяхъ есть въ сущности самостоятельное преступленіе передъ народомъ и отечествомъ. Невѣроятная вещь! Свобода подвергалась опасности отъ вѣчныхъ заговоровъ, а самъ законъ искалъ сообщниковъ своимъ врагамъ въ лицѣ ихъ защитниковъ». Въ стѣнахъ трибунала, назначеннаго для наказанія этихъ враговъ, раздавались кощунства противъ Революціи и ябедныя декламаціи—и притомъ виновны въ нихъ не эти «продажные адвокаты тиранніи, а самъ законъ, ибо чѣмъ болѣе эти личности надругались надъ народомъ, тѣмъ болѣе достойно они выполняли обязанность, самимъ же закономъ на нихъ возложенную». Слѣдуютъ гадости противъ защитниковъ... «Вообще заговорщики не должны имѣть защитниковъ». «Республика, окру-

женная съ самаго рожденія врагами столь же злокозненными, какъ и многочисленными, должна разить ихъ съ быстротою молніи»...

Таковъ этотъ бредъ. Быть можетъ въ первый разъ за время всей новой исторіи человѣкъ додумался до мысли, что судъ имѣетъ двоякую функцію—карающую для обычныхъ преступниковъ, уничтожающую для государственныхъ; обычныя доказательства для первыхъ; нравственную интуицію, какой-то политическій нюхъ для разгадыванія вторыхъ; процессъ съ обычными обрядами для первыхъ; молніеносное паденіе меча закона для другихъ. Быть можетъ, въ первый разъ человѣкъ представилъ себѣ совершенно опредѣленно, безъ всякихъ обиняковъ, что богиня правосудія не только держитъ двѣ чаши, но носитъ двѣ различныя идеи въ себѣ и имѣетъ два лика, два совершенно различныхъ выраженія...

Въ самый день ея провозглашенія эта теорія получила форму закона. Вотъ его главныя основанія:

Ст. 4. Революціонный трибуналъ учрежденъ для наказанія враговъ народа.

Ст. 5. Врагами народа являются всѣ тѣ, которые стремятся уничтожить общественную свободу либо силою либо хитростью.

Ст. 7. Наказаніе, положенное за всѣ преступленія, подсудныя Революціонному Трибуналу, есть смертная казнь.

Ст. 8. Необходимымъ доказательствомъ для осужденія враговъ народа служитъ всякая улика, либо матеріальная, либо моральная, устная или письменная, которая можетъ быть признана достаточной всякимъ справедливымъ и разсудительнымъ умомъ.

Ст. 12. Обвиняемый допрашивается въ засѣданіи публично. Процедура тайнаго предварительнаго допроса уничтожается, какъ излишняя; она можетъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ особыхъ случаяхъ, гдѣ она будетъ признана полезной для раскрытія истины.

Ст. 13. Если существуютъ доказательства матеріальныя либо моральныя, независимо отъ показаній свидѣтелей, то таковые допрашиваться не будутъ, развѣ лишь если эта формальность ока-

жется необходимою для раскрытія сообщниковъ или по другимъ соображеніямъ общественнаго значенія.

Ст. 16. Законъ даетъ въ качествѣ защитниковъ оклеветаннымъ патріотамъ патріотовъ — присяжныхъ засѣдателей; онъ не даетъ ихъ вовсе заговорщикамъ.

Итакъ: отнынѣ ни слѣдствія, ни свидѣтелей, ни защиты. Остаются: доносъ, обвинительный актъ, вердиктъ и гильотина. Если прибавить къ этому, что „каждый гражданинъ имѣетъ право задерживать и передавать властямъ заговорщиковъ и контрреволюціонеровъ"; что онъ обязанъ доносить на нихъ, какъ только они стали ему извѣстны (ст. 9); что Комитеты общественнаго спасенія и общественной безопасности, а наряду съ ними общественный обвинитель могутъ безъ согласія Конвента предавать Революціонному Трибуналу всѣхъ гражданъ, не исключая и народныхъ представителей,—то становится очевидно, что въ рукахъ доносчиковъ, Фукье и Робеспьера теперь уже дѣйствительно вся страна; получается подлинное воплощеніе самаго трагическаго террора.

Тѣ 49 дней, которые продолжаются отъ изданія этого закона до паденія Робеспьера (22 преріаля—9 термидора, 10 іюня—27 іюля), не поддаются описанію. Въ теченіе ихъ 1703 человѣка прошли передъ трибуналомъ и изъ нихъ 1366 (по Компардону) были казнены; а за это время было всего 43 засѣданія (каждое отъ 3 и не болѣе 5 часовъ). Въ среднемъ, слѣдовательно, въ день по 30, иногда по 50, 60 человѣкъ; это уже не амальгамы, а настоящіе „гурты". „Ножъ гильотины,—пишетъ очевидецъ,—притуплялся, такъ что послѣдніе осужденные, умирая, издавали долгій крикъ".

Трибуналъ послѣ закона 22 преріаля снова измѣненъ въ своемъ составѣ; оставлены лишь „крѣпкіе" присяжные — часть составляетъ личный эскортъ Робеспьера; съ ними можно быть увѣреннымъ за приговоръ. Поэтому на судѣ ни обвинитель ни его товарищи болѣе не произносятъ рѣчей: незачѣмъ обвинять, когда „нравственныя доказательства" сдѣлаютъ свое.—Вся работа сосредоточена въ канцеляріяхъ, гдѣ лихорадочно пишутъ обви-

нительные акты по спискамъ, переданнымъ изъ Комитета Общественнаго Спасенія, заготовляютъ приговоры. Но даже и они, эти писцы, эти „свои люди“ не застрахованы отъ гильотины на завтрашній день. Примѣръ — писецъ Легри. Однажды, въ пять часовъ ночи его арестовали, въ семь привели въ Консьержери; въ 9 вручили обвинительный актъ; въ десять онъ сѣлъ на страшную скамью; въ два былъ осужденъ; въ четыре не существовалъ. Въ этомъ страхѣ всѣхъ другъ передъ другомъ наглость людей, называющихъ себя обвинителями, судьями и присяжными, безмѣрно растетъ. Появляются заранѣе заготовленные (бланкетные) обвинительные акты, въ которыхъ оставлено мѣсто для именъ подсудимыхъ, и напередъ написанные приговоры. Допросъ на судѣ сводится буквально къ словамъ: „какъ тебя зовутъ? Ты былъ заговорщикомъ?“,—и къ слѣдующему, каковъ бы ни былъ отвѣтъ. Никакихъ объясненій. Приговоръ, какъ въ дѣлѣ Дантона, теперь уже никогда не объявляется на судѣ: его читаютъ пристава въ тюрьмѣ. Присяжные иногда не уходятъ вовсе совѣщаться, пользуясь тѣмъ, что подсудимые послѣ постановки вопросовъ уведены въ тюрьму, откуда черезъ часъ поступятъ въ распоряженіе палача.

Такъ судятъ. Спрашивается, какъ, откуда собираютъ это мясо гильотины? — Для этого изобрѣтенъ особый способъ, такъ называемые „заговоры въ тюрьмахъ“, путемъ которыхъ составляютъ списки всѣхъ „гуртовъ“.

Въ тюрьмахъ Парижа въ это время сосредоточилось 8—10 тысячъ заключенныхъ. Старыхъ мѣстъ заключенія не хватало, открывались новыя; ихъ называли „складами Фукье“. Въ нихъ находились бывшіе аристократы, священники, люди, сколько-нибудь связанные со старымъ режимомъ или служившіе ему, наконецъ, въ огромномъ числѣ люди народа, простые земледѣльцы, которыхъ со всѣхъ концовъ страны революціонные комитеты направляли, какъ подозрительныхъ, въ Парижъ. И Комитетъ Общественнаго Спасенія, осуществляя вновь утвердившееся царство Разума и Добродѣтели, не побрезгалъ обратиться для

составленія проскрипціонныхъ списковъ къ вѣдомымъ негодяямъ среди заключенныхъ. Нашлись и въ эту эпоху люди, которые устраивали и обнаруживали тамъ „заговоры“, т. е. указывали имена тѣхъ арестантовъ, которые якобы составляли планы бѣгства, или держали „аристократическія рѣчи“ въ общихъ камерахъ, или же отзывались неодобрительно о Робеспьерѣ, о Комитетѣ и о Революціонномъ Трибуналѣ.

Такихъ заговоровъ было инсценировано нѣсколько; въ этихъ процессахъ (въ одномъ изъ нихъ погибъ поэтъ Андре Шенье) свидѣтелями были по большей части тѣ именно шпіоны, которые составляли списки; иногда, когда попадался честный свидѣтель, его немедленно „присоединяли“ къ подсудимымъ. Примѣръ: въ дѣлѣ второго гурта Люксембурга Лезеннъ, одинъ изъ надзирателей этой тюрьмы, мужественно показалъ, что никакого заговора въ ней не было. Фукье тотчасъ же просилъ привлечь его къ отвѣтственности за ложное показаніе. Судъ вынесъ дословно нижеслѣдующее опредѣленіе: „Имѣя въ виду, что существованіе заговора въ Люксембургской тюрьмѣ доказано, что заговоръ этотъ былъ направленъ противъ безопасности народа и къ уничтоженію Конвента, и что невозможно, чтобы свидѣтель не зналъ объ этомъ заговорѣ, общественный обвинитель требуетъ, а Судъ опредѣляетъ заключить Лезенна подъ стражу“. Черезъ нѣсколько часовъ свидѣтель казненъ вмѣстѣ съ остальными заговорщиками.

Таковъ молніеносный режимъ, установленный закономъ 22 преріаля, таково воплощеніе идеи мгновенной справедливости, проповѣданной—„добродѣтельнымъ Кутономъ“. — Такіе методы приводятъ къ самому невѣроятному разнузданію инстинктовъ, влекутъ за собою самыя преступныя небрежности. Встрѣчаются обвинительные акты, очевидно ранѣе, какъ мы уже говорили, заготовленные, съ пустыми мѣстами для включенія въ нихъ именъ подсудимыхъ, причемъ эти пустыя мѣста иногда слишкомъ велики и остаются въ части пустыми, иногда слишкомъ малы, и имена подсудимыхъ въ нихъ съ трудомъ умѣщаются; къ тому

же имена эти написаны постороннею рукою, что доказываетъ ихъ позднѣйшее проставленіе. Иногда имена нѣкоторыхъ лицъ, хотя и помѣщенныхъ въ приговорѣ и осужденныхъ, оказываются зачеркнутыми въ обвинительномъ актѣ; другіе же, напротивъ, обвинены и казнены, хотя ихъ имена въ этихъ актахъ вовсе не значатся, и хотя нѣтъ никакихъ указаній на ихъ присутствіе въ засѣданіи. Порою въ обвинительномъ актѣ противъ пустыхъ строчекъ проставлены номера, такъ что можно думать, что къ нимъ имѣлось въ виду приписать перваго встрѣчнаго. Въ одномъ случаѣ, въ обвинительномъ актѣ, составленномъ Фукье, указывается на двадцать двухъ обвиняемыхъ. По этому дѣлу одинъ оправданъ, но двадцать семь осуждены и казнены, такъ что для шести не было ни слѣдствія, ни процесса вообще (показаніе Реаля, въ дѣлѣ Фукье).—Какъ это происходитъ? Въ канцеляріи писалось столько копій обвинительныхъ актовъ, сколько было присяжныхъ, и еще одна для предсѣдателя; иногда за этой работой проходила ночь. „Часто, говорилъ потомъ одинъ изъ секретарей (Вольфъ), въ нихъ не ставилось ни именъ, ни фамилій обвиняемыхъ; чтобы заполнить эти мѣста, ждали пока ихъ раскроютъ въ разныхъ тюрьмахъ. Для нахожденія ихъ, — продолжаетъ Вольфъ, — были спеціально оплаченные люди, и по мѣрѣ того, какъ они находили обвиняемыхъ, проставлялись имена въ обвинительныхъ актахъ. Отсюда эти пропуски. Отсюда же и тотъ фактъ, что обвиняемымъ нельзя было вручить обвинительнаго акта ранѣе дня засѣданія, ибо наканунѣ, поздно ночью, еще не было ихъ именъ...“

Вмѣстѣ съ обвинительными актами теряютъ всякій характеръ юридическаго приличія и тѣ акты, которые составляются на судѣ; печатные протоколы совершенно расходятся съ дѣйствительностью; даже имена осужденныхъ иногда въ нихъ проставляются не всѣ; иногда писецъ останавливается по серединѣ и просто отсылаетъ къ списку обвинительнаго акта. Въ нѣкоторыхъ вопросныхъ листахъ отвѣтъ присяжныхъ гласитъ: „всѣ названные подсудимые признаны виновными“. Между тѣмъ, въ этомъ числѣ

оказываются лица, которыя вовсе не судились, ибо имена ихъ, включенныя въ обвинительный актъ, впослѣдствіи (очевидно передъ засѣданіемъ) вычеркивались. Точно также, наконецъ, и самые приговоры написаны на бланкахъ, заранѣе заготовленныхъ, въ которыхъ уже ранѣе приговора написана и подписана судьями резолютивная часть его, такъ что самыя имена осужденныхъ вставляются впослѣдствіи, и иногда между печатными строчками и мѣстомъ, оставленнымъ для диспозиціи, остаются полторы пустыхъ страницы (дѣло госпожи Елизаветы и 24 другихъ).

Наряду съ этими документами, есть люди, которые ихъ составляютъ, пишутъ или заставляютъ писать. Одни стоятъ другихъ.— Тѣ, которые называются присяжными, становятся самыми хладнокровными палачами. Они изобличаются въ томъ, что еще до закона 22 преріаля, когда существовала тѣнь защиты, они прерывали подсудимыхъ и ихъ защитниковъ подъ предлогомъ, что дѣло для нихъ выяснено. При этомъ часто дѣло идетъ лишь полтора часа, хотя налицо шестьдесятъ подсудимыхъ и болѣе. Эти же присяжные виновны и въ томъ, что въ совѣщательной комнатѣ принимали Фукье и другихъ лицъ, вліяющихъ на ихъ убѣжденія, или выходили изъ нея для разговоровъ съ посторонними лицами; въ томъ, что они возвращались въ залъ засѣданія черезъ пять или шесть минутъ послѣ ухода на совѣщаніе по дѣлу, по которому привлечено столь значительное число подсудимыхъ, что время засѣданія не было достаточно для опроса ихъ о ихъ именахъ и фамиліяхъ, званіяхъ, возрастѣ и мѣстожительствѣ; что они давали одинъ отвѣтъ по всему дѣлу, не отдѣляя вопроса о событіи отъ отдѣльныхъ вопросовъ объ обвиняемыхъ. Мы уже упоминали, что иногда они не считали нужнымъ удаляться въ совѣщательную комнату. Есть еще факты, прямо поразительные. „Однажды,—говоритъ судебный приставъ Леклеркъ,— я положилъ на столъ, когда присяжные собирались уйти въ совѣщательную комнату, свертокъ документовъ, представленный подсудимыми въ ихъ защиту. Нѣсколько изъ присяжныхъ заявили: „Намъ все извѣстно, достаточно“. — Гарро разсказываетъ, что однажды, когда жена его была въ кабинетѣ Фукье, туда вошли четверо при-

сяжныхъ, только что осудившихъ большое число лицъ; Фукье спросилъ, что же эти люди сдѣлали. „Ну, мы-то ничего не знаемъ, былъ отвѣтъ,—но если тебѣ такъ любопытно это знать, ты можешь еще побѣжать за ними, такъ какъ сейчасъ ихъ увозятъ на повозкахъ". Еще черта, чтобы кончить: судился молодой преподаватель изъ Безансона, Буамарье. Ренодэнъ, бывшій въ составѣ присяжныхъ, сошелъ со своей скамьи и занялъ мѣсто между свидѣтелями; тутъ онъ заявилъ о сношеніяхъ подсудимаго съ казненнымъ журналистомъ Горса, затѣмъ снова вернулся къ присяжнымъ и произнесъ смертный приговоръ тому, кого онъ только что обвинялъ. Другой, Вилатъ, однажды, когда дѣло, казалось ему, затянулось слишкомъ долго, въ концѣ встаетъ и обращается къ предсѣдателю Дюма: „подсудимые виновны и притомъ вдвойнѣ, ибо въ данный моментъ они устроили заговоръ противъ моего желудка"... „Въ революціи, говоритъ онъ же, всѣ, кто появляются передъ трибуналомъ, должны быть осуждены"... (показанія Тирара и Дюкрэ въ процессѣ Фукье).

Такъ происходитъ эта бойня; появляются длинныя вереницы навсегда безсмертныхъ жертвъ упрощеннаго правосудія. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ остались особенно памятны. Это имена лицъ, неповинныхъ ни въ чемъ рѣшительно и казненныхъ безъ суда и слѣдствія. Есть сыновья, осужденные вмѣсто отцовъ, есть отецъ, добровольно пошедшій на смерть за сына.

1-го термидора среди подсудимыхъ должны находиться Сенъ-Пернъ, его жена и дочь; обвинительный актъ упоминаетъ, между прочимъ, объ этихъ трехъ лицахъ; между тѣмъ, отецъ Сенъ-Пернъ вовсе не былъ арестованъ. Оказывается, вмѣсто отца изъ тюрьмы приводятъ вмѣстѣ съ матерью его сына, 17 лѣтъ. Ясно, что мать его не можетъ сойти за его жену; на судѣ мальчикъ заявляетъ объ ошибкѣ, указываетъ на свой возрастъ; и ошибка очевидна тѣмъ болѣе, что рядомъ съ нимъ его сестра, которая именуется его дочерью, хотя ей на четыре года больше, чѣмъ ему. Но предсѣдатель, Дюма, кричитъ; „граждане присяжные, вы видите, что сейчасъ онъ заговорщикъ, ибо сейчасъ ему болѣе 17 лѣтъ". „Я сидѣлъ на скамейкѣ, разсказывалъ послѣ жандармъ Юэль, рядомъ съ

молодымъ Сенъ-Перномъ въ тотъ день, когда его осудили на смерть. Я его успокаивалъ, въ виду его возраста; онъ держалъ меня за руку. Онъ просилъ предсѣдателя прочесть выписку изъ его свидѣтельства о крещеніи. Предсѣдатель его прервалъ, замѣтивъ, что суду не надо никакого свидѣтельства. Я увидѣлъ по словамъ предсѣдателя и по выразительному жесту одного присяжнаго съ круглымъ лицомъ, что этотъ несчастный юноша погибъ. Я отнялъ мою руку; онъ повторилъ: „Я невиненъ, я ничего не боюсь; но отчего твоя рука дрожитъ?"... Въ тотъ же день Сенъ-Пернъ былъ казненъ вмѣстѣ съ матерью, хотя никакого обвиненія противъ него возбуждено не было; онъ осужденъ за факты, которые вмѣнялись въ вину его отцу. Со стороны суда это была не ошибка, а сознательное преступленіе, ибо въ вопросахъ передъ словомъ: „Сенъ-Пернъ" вставлены другимъ почеркомъ слова „Жакъ-Батистъ-Мари-Бертранъ 17 лѣтъ", причемъ для слова Бертранъ не хватаетъ мѣста, и оно налегаетъ на ранѣе поставленное слово Сенъ-Пернъ.

Черезъ недѣлю, 8-го термидора, отецъ приноситъ себя въ жертву вмѣсто сына: въ Сенъ-Лазарской тюрьмѣ заключены Луазероль—отецъ, его сынъ и жена. Седьмого, вечеромъ, вызываютъ Луазероля. Не намъ описывать трагическую сцену, которая тутъ происходитъ. Старикъ отправляется въ канцелярію тюрьмы. Между прочимъ, онъ говоритъ сыну: „они могутъ меня зарѣзать, но запачкать—никогда". Его увозятъ въ Консьержери и ночью вручаютъ обвинительный актъ. Оказывается, въ немъ упоминается о сынѣ, а не объ отцѣ. Но старикъ рѣшаетъ, что нужно смолчать. На другой день судъ. Читается обвинительный актъ,—въ немъ совершенно ясно говорится о Луазеролѣ 22-хъ лѣтъ, тогда какъ на скамьяхъ передъ судьями старикъ 64-хъ. Что же дѣлаетъ предсѣдатель? Очень просто: онъ передѣлываетъ 22 на 64, вычеркиваетъ въ вопросахъ Франсуа и пишетъ Жанъ... Прошло три мѣсяца, и сынъ, освобожденный, внезапно, читая списки казненныхъ и видя „Луазероля 22-хъ лѣтъ", узнаетъ все и понимаетъ, какъ его отецъ „во второй разъ далъ ему жизнь".

Нѣкоторыхъ убиваютъ помимо всякаго суда. Жанъ-Франсуа Перессъ, совѣтникъ парламента Тулузы, не былъ включенъ ни въ обвинительный актъ по дѣлу этихъ знаменитыхъ юристовъ Франціи, ни въ вопросы присяжнымъ засѣдателямъ, ни въ приговоръ—ибо приговоръ по этому дѣлу вообще есть пустой подписанный бланкъ. Но когда секретарь въ тюрьмѣ послѣ суда вызывалъ осужденныхъ, онъ замѣтилъ Пересса и заставилъ его занять мѣсто среди прочихъ жертвъ. Перессъ безполезно указываетъ, что его нѣтъ въ спискѣ. Тотъ дѣлаетъ видъ, что переворачиваетъ листъ, и заявляетъ: „Ты на другой сторонѣ“. И это все...

V.

Такъ продолжается вплоть вплоть до 9-аго терминидора. Наконецъ, наступаетъ и этому день, послѣ котораго какъ бы снова скрѣпляется распавшаяся связь временъ. День безграничнаго волненія, въ теченіе котораго положеніе нѣсколько разъ мѣнялось, то въ пользу Конвента, то въ пользу Коммуны, открыто поднявшей знамя Робеспьера. Два бурныхъ засѣданія Конвента: утромъ декретъ объ арестѣ Робеспьера и четырехъ депутатовъ (Сенъ Жюста, Кутона, Леба и Робеспьера-младшаго). Вечеромъ объявленіе ихъ вмѣстѣ со всѣми членами возставшей Коммуны, внѣ закона. Страшная формула, въ силу которой объявленный подлежалъ казни немедленно по установленіи его личности въ революціонномъ трибуналѣ путемъ удостовѣренія ея тремя муниципальными офицерами. Наконецъ, въ 12 часовъ ночи войска Конвента врываются въ залъ засѣданія Коммуны, Робеспьеръ раненъ (или ранитъ себя); а ночью онъ уже лежитъ, истекая кровью, рядомъ съ камерой Маріи Антуанетты. Вмѣстѣ съ нимъ, также объявленный внѣ закона Дюма, кровавый предсѣдатель, котораго еще днемъ арестовали въ залѣ засѣданія трибунала, такъ что послѣднее засѣданіе довелъ до конца—до обычнаго конца—другой судья (Мэръ). Жутко думать, что въ тотъ день, когда рѣшалась судьба Террора, когда билъ набатъ, послѣдняя повозка осужденныхъ, какъ обыкновенно, на-

правилась къ мѣсту казни. Говорятъ, уже утромъ палачъ докладывалъ Фукье, что въ городѣ неспокойно. Фукье отвѣтилъ: „иди своей дорогой, ничто не можетъ остановить исполненіе закона". Такъ погибли послѣднія жертвы террора (46 человѣкъ); спаслась только одна г-жа Майе. Вотъ какъ это случилось: за нѣсколько дней передъ 9-мъ термидора осудили ея сына. Когда затѣмъ она вошла въ тотъ же самый залъ, съ ней сдѣлался такой припадокъ, что пришлось выдѣлить ея дѣло и отложить его „на слѣдующій день".

Но на слѣдующее утро весь Парижъ ликовалъ отъ извѣстія, что террору наступилъ конецъ, что Робеспьеръ съ его кортежемъ внѣ закона, что ихъ сопротивленіе сломлено, что они уничтожены, и что надъ городомъ, насыщеннымъ кровью, наступаютъ лучшія времена.

Въ этотъ день, рано утромъ, делегація отъ трибунала направилась въ Конвентъ; среди нея былъ и самъ Фукье-Тенвилль; делегаты находятъ силы поздравить Конвентъ съ великою побѣдою,—и Фукье, холодный и не растерянный передъ событіями юристъ, указываетъ Конвенту на юридическую затруднительность создавшагося положенія. Для казни лицъ, поставленныхъ внѣ закона, нужно удостовѣреніе трехъ муниципальныхъ офицеровъ; но вѣдь они, вмѣстѣ со всей коммуной, тоже внѣ закона. Какъ же быть? Конвентъ тотчасъ же разъясняетъ, что, въ данномъ случаѣ, и безъ этого удостовѣренія можно обойтись. Депутація удаляется обратно и начинается три дня жестокихъ казней: 103 человѣка, начиная съ окровавленнаго, не могущаго произнести слова, Робеспьера, проносятся или проходятъ передъ судомъ; удостовѣряютъ ихъ личность; Фукье, — тотъ же Фукье!—требуетъ для нихъ казни, и судъ провозглашаетъ смертный приговоръ. Безъ всякихъ волненій та же процедура производится и надъ вчерашнимъ предсѣдателемъ Дюма. Только одинъ разъ у Фукье не хватаетъ духа: когда очередь доходитъ до его бывшаго помощника, въ то время мэра Парижа, Флеріо-Леско, онъ не выдерживаетъ и сходитъ съ трибуны. Благородный жестъ! Только напрасно впослѣдствіи, уже на скамьѣ подсудимыхъ, Фукье

самымъ печальнымъ образомъ доказывалъ, что онъ при этомъ не руководствовался никакими „особыми“ соображеніями...

Эти три дня, 9—11 термитора дни кризиса и перелома, служатъ этапомъ, съ котораго начинается новая глава Французской исторіи, такъ называемая послѣтермидоровская реакція.

Вслѣдъ за крутымъ и жестокимъ подъемомъ кривая казней чрезвычайно быстро опускается. Въ умахъ происходитъ полный почти что переворотъ; прежніе герои уже кажутся и называются тиранами и убійцами; прежніе „заговорщики“—несчастными жертвами. Въ связи съ этой перемѣной настроенія, сразу нашедшей откликъ и въ Конвентѣ, испытываетъ чрезвычайныя измѣненія и судьба Революціоннаго Судилища. Черезъ день послѣ расправы,—какъ назвать ее иначе?—надъ главарями Коммуны и возстанія, Конвентъ пріостанавливаетъ дѣйствіе трибунала и прежде всего отмѣняетъ законъ 22 преріаля (14 термидора, 2 августа).— И когда въ томъ же засѣданіи Комитеты предложили для новаго, реорганизуемаго судилища въ качествѣ общественнаго обвинителя все того же Фукье, одинъ изъ членовъ Конвента не выдержалъ и потребовалъ вмѣсто этой новой чести немедленно заключить подъ стражу и отдать суду революціоннаго трибунала самаго же обвинителя; что и было декретировано.

Въ тотъ же день Фукье, узнавъ о декретѣ, самъ явился въ тюрьму и отдалъ себя въ распоряженіе властей.

Съ этого момента исторія Революціоннаго Трибунала перестаетъ быть исторіей того революціонно-суднаго учрежденія, которое было создано въ мартѣ 1793 года; при сохраненіи прежняго названія, онъ становится воплощеніемъ другихъ задачъ, другихъ пріемовъ, олицетвореніемъ другой справедливости. Поэтому описаніе его дальнѣйшей дѣятельности едва-ли входитъ въ задачи настоящаго очерка. Скажемъ только, что онъ подвергся въ теченіе послѣднихъ восьми мѣсяцевъ своего существованія двумъ реорганизаціямъ; изъ нихъ первая—декретъ 11 августа (23 термидора)—возстановила трибуналъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до изданія кроваваго закона 22 преріаля (10 іюня). Такимъ образомъ былъ

возстановленъ предварительный допросъ; возстановлены защита и свидѣтельскія показанія; наконецъ, предсѣдателю было вмѣнено въ обязанность ставить всегда особый вопросъ о намѣреніи подсудимаго. Въ силу этого признаніе подсудимаго виновнымъ хотя бы и въ преступномъ дѣяніи, но безъ установленія при томъ, что это дѣяніе учинено именно съ контръ-революціоннымъ намѣреніемъ, обязывало судъ оправдывать подсудимаго. Это давало, конечно, присяжнымъ возможность самаго широкаго освобожденія обвиняемыхъ. Нечего прибавлять, что личный составъ трибунала былъ почти весь совершенно измѣненъ. Съ этой эпохи, дѣйствительно, начинается полоса, которую можно назвать полосой ликвидаціи прежнихъ арестовъ. За время существованія трибунала въ этой формѣ,—а оно продолжалось четыре мѣсяца,—изъ 942 подсудимыхъ 837 были оправданы и только 46 присуждены къ смертной казни. Замѣтимъ, впрочемъ, что и эти приговоры далеко не всегда кажутся намъ соотвѣтствующими тѣмъ преступленіямъ, за которыя привлекались обвиняемые. И въ самомъ дѣлѣ, въ сохраненіи революціоннаго по существу трибунала въ контръ-революціонное время нельзя не видѣть нѣкотораго противорѣчія. Имъ вызываются, съ одной стороны, и непонятныя уже казни дворянъ и священниковъ; оно же явилось причиною неожиданнаго результата въ знаменитомъ дѣлѣ Нантскаго революціоннаго Комитета и Проконсула Вандеи, знаменитаго Каррье [1]). Это было первое дѣло, въ которомъ открыто обвинялись террористы. Судилось тридцать человѣкъ; всѣ были изобличены въ невѣроятныхъ жестокостяхъ, но присяжные отвѣтили утвердительно только на три вопроса о „намѣреніи" подсудимыхъ, непризнавъ доказаннымъ, что остальные 27 человѣкъ „съ контръ-революціонными намѣреніями" потопили въ рѣкѣ Луарѣ посредствомъ спеціальныхъ лодокъ съ подъемнымъ дномъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Обратная сторона необходимости постановки вопроса о намѣреніи сказалась тутъ съ очевидностью. Этотъ приговоръ присяжныхъ вызвалъ огромное

[1]) 25 ноября—16 декабря 1794 года.

волненіе въ обществѣ. Народъ не представлялъ себѣ, какимъ образомъ люди, изобличенные въ ужасныхъ преступленіяхъ, могли быть въ концѣ концовъ отпущены на волю.

Возмущеніе, вызванное дѣломъ Карье, повлекло за собою вмѣшательство Конвента: 27 оправданныхъ были преданы суду обыкновенныхъ судовъ, и дѣятельность революціоннаго трибунала снова была пріостановлена (декретъ 18 декабря—28 фримера III г.).

Возобновилась она лишь черезъ два мѣсяца, послѣ еще одного, на сей разъ послѣдняго, переустройства Революціоннаго Трибунала, по закону 8 нивоза III г. (28 декабря 1794 г.). Эта послѣдняя реорганизація трибунала свидѣтельствуетъ о стремленіи создать спеціальный судъ для политическихъ преступниковъ, но облеченный всѣми формами, гарантирующими охрану подсудимаго и свободу его защиты. Длинный и очень подробный законъ установилъ все судопроизводство новаго трибунала. Мы отмѣтимъ только, что, наконецъ, отказались отъ мысли ставить постоянно вопросъ о наличности контрреволюціонныхъ намѣреній подсудимаго, замѣнивъ его постановкой вопроса о томъ, не учинено ли судимое дѣяніе невольно или же безъ дурного умысла. Такія правила открывали уже широкую возможность судить всякихъ террористовъ, весь „якобинскій хвостъ". Однако, въ новыхъ мѣхахъ осталось еще немного стараго вина: такъ, напримѣръ, присяжные, призывавшіеся къ исполненію своей обязанности срокомъ на три мѣсяца, должны были судить въ составѣ одиннадцати человѣкъ [1]); они должны были мотивировать громогласно свое рѣшеніе; наконецъ, и самые приговоры суда не подлежали никакому обжалованію. Но и при этихъ недостаткахъ законъ 8-го нивоза въ сравненіи съ прежними является въ высокой мѣрѣ гуманнымъ и юридически пріемлемымъ. Его появленіе привѣтствовалось какъ воцареніе истиннаго правосудія.

---

[1]) Послѣ оправданія одного подозрительнаго лица при раздѣленіи голосовъ 12 присяжныхъ поровну, Конвентъ, еще до 22-го преріаля, издалъ декретъ о томъ, что число присяжныхъ въ Революціонномъ Трибуналѣ должно быть нечетнымъ.

Въ этомъ измѣненномъ трибуналѣ было заслушано, наконецъ, и дѣло самого Революціоннаго Трибунала прежнихъ дней. Для людей 22-го преріаля наступилъ часъ дѣйствительнаго возмездія. 27-го марта 1795 г. началось дѣло Фукье, бывшаго предсѣдателя Германа, девяти судей и 14 присяжныхъ засѣдателей. Во время слѣдствія къ нимъ были присоединены (это допускалось въ опредѣленныхъ случаяхъ и по новому закону) тѣ такъ называемые свидѣтели, которые были составителями проскрипціонныхъ списковъ по тюремнымъ заговорамъ. Огромный обвинительный актъ перечислялъ всѣ тѣ преступленія, которыя совершались подъ видомъ отправленія правосудія Дѣло тянулось больше мѣсяца, допрошено было болѣе 400 свидѣтелей. Этотъ гигантскій процессъ раскрылъ съ чрезвычайною ясностью всѣ отвратительные пріемы, примѣнявшіеся обвинителемъ, судьями и присяжными. 6 мая процессъ закончился осужденіемъ Фукье, Германа, трехъ доносчиковъ, нѣсколькихъ судей и присяжныхъ засѣдателей. 16 человѣкъ было оправдано. На слѣдующій день, при огромномъ стеченіи народа, Фукье и всѣ остальные были казнены на площади Согласія. Фукье былъ центромъ общаго вниманія. „Его взоръ, непроницаемый, какъ мраморъ, отвращалъ всѣ взгляды; видно было даже, какъ онъ улыбается и произноситъ угрожающія слова“. Наконецъ, и этотъ „безумный терро ристъ погибъ подъ неумолимымъ мечомъ закона, и жизнь его потухла въ крови“ (Парижъ во время Революціи II, 129). По счету, эта жизнь была 2791-ая.

Процессомъ Фукье исторія Революціоннаго Трибунала заканчивается. 31 мая 1795 года, по декрету Конвента, онъ совершенно прекращаетъ свое существованіе. Мало того, какъ актъ высшей справедливости по отношенію къ жертвамъ, имѣвшій вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстное значеніе и для имущества ихъ наслѣдниковъ, были изданы два декрета (21 преріаля—28 іюня и 28 термидора—16 августа) о кассаціи всѣхъ безъ исключенія приговоровъ, вынесенныхъ революціоннымъ трибуналомъ по всѣмъ дѣламъ съ 10 марта 1793 года до 8 нивоза III года (28 декабря 1794 г.).

Этотъ красивый, хотя и нѣсколько театральный жестъ Конвента служитъ заключительнымъ аккордомъ лѣтописи Трибунала.

Оглядываясь на исторію Революціоннаго Трибунала, всякій невольно придетъ къ нѣкоторымъ выводамъ. — Они столь просты, что едва ли даже нужно ихъ особо формулировать. Несомнѣнно, что въ исторіи Трибунала сказались со всѣми особенностями какъ психологія страшнаго момента, такъ и психологія французскаго народа: стремленіе къ нахожденію подъ властью какой-либо идеи самыхъ крайнихъ, самыхъ ясныхъ и рѣзкихъ формъ ея воплощенія, хотя бы цѣною крови, цѣною трагичнаго; наряду съ этимъ напряженіе нервовъ и силъ народа до самаго послѣдняго предѣла, пока, наконецъ, какъ въ катастрофѣ девятаго термидора, не происходитъ бурное крушеніе, а за нимъ воцареніе новыхъ идей, новыхъ настроеній, иногда лишь подъ старымъ названіемъ. Наряду съ этимъ, отъ изученія исторіи кроваваго судилища остается и та для насъ цѣнная увѣренность, что существуютъ такія формы правосудія, такія гарантіи правильнаго его отправленія, отбросивъ которыя Судъ роковымъ образомъ не можетъ удержаться на высотѣ и падаетъ до полнаго юридическаго и моральнаго извращенія. Эти формы—необходимость защиты прежде всего, необходимость широкаго права кассаціи. Свобода подсудимаго въ процессѣ и связанность суда передъ лицомъ кассаціонной инстанціи служатъ тѣми единственными принципами, которые держатъ Судъ на должномъ уровнѣ. Наконецъ, послѣднее: Судъ, какъ явно политическое орудіе, какимъ былъ Революціонный Трибуналъ, скорѣе склоненъ, какъ было въ данномъ случаѣ, производить юридическія убійства, чѣмъ творить правосудіе. Къ такому Суду исторія всегда приложитъ слова, сказанныя Дантономъ при входѣ подъ своды Консьержери: „Я учредилъ революціонный трибуналъ; я прошу теперь за него прощенія и у Бога, и у людей“.

Въ заключеніе же нужно отмѣтить, что, хотя это и можетъ казаться удивительнымъ, идея суда присяжныхъ не погибла и послѣ революціи; тѣ кровавыя мессы, которымъ

служили присяжные Революціоннаго Трибунала, миновали, но кровь, во время ихъ пролитая, не наложила ржавчины на институтъ присяжныхъ засѣдателей; стоило только впослѣдствіи измѣнить очевидные недостатки его организаціи, и онъ снова утверждается, какъ лучшая форма уголовнаго правосудія. Идея суда присяжныхъ не блекнетъ, несмотря на это суровое испытаніе. Ее можно, послѣ этого, по праву сравнить съ стрѣлою древняго Эвандра: брошенная къ верху, она уже не падаетъ на землю, а возгорается на небѣ вѣчною звѣздой.

ЛИТЕРАТУРА.

1. E. Compardon.—Le tribunal révolut. de Paris. 2 vol. Paris 1866.
2. H. Wallon.—Histoire du tribunal révolut. 6 vol. Paris. 1880.
3. M. Domenget.—Fouquier-Tenville et le trib. révolut. Paris. 1878.
4. H. Wallon.—Le tribunal révolut. 2 vol. Paris. 1899.
5. G. Lenotre.—Le Tribunal révolutinnaire. Paris. 1910.
6. P. Gaulot.—Les petites victimes de la terreur. Paris. 1912.
7. Baron de Batz.—Vers. l'échafaud. Paris.
8. Для процесса Маріи Антуанетты: Procès des Bourbons, 2 éd. II vol. Paris. 1812.
9. Для дѣла Андрэ Шенье: Préface de B. de Fouquières, oeuvres de Chenier, Prose. Paris. 1885.
10. Для процесса Фукье: A. Dunoyer, Fouquier Tinville. Paris. 1913.
11. A. Dunoyer.—Deux juréо du trib. révolut. Paris. 1909.

Слово и дѣло Государево.

(Къ изученію исторіи политическихъ преступленій въ Россіи).

А. Я. Лихтермана.

Исторіи русскаго уголовнаго права и процесса, какъ наукѣ молодой, свойственна характерная особенность: въ разныя десятилѣтія различными изслѣдователями разсмотрѣны были отрывочные вопросы. Это фрагментарное изученіе повлекло за собою то, что исторіи русскаго уголовнаго процесса и права, съ одной стороны, извѣстны темы, разработанныя до монографіи включительно, а съ другой — и понынѣ замѣчается при изученіи нѣкоторыхъ вопросовъ отсутствіе даже опубликованнаго архивнаго матеріала.

Вниманіе изслѣдователей самыхъ послѣднихъ временъ остановилось на изученіи исторіи государственныхъ преступленій. Усиліями проф. Новомбергскаго [1]), В. И. Веретенникова [2]) и Г. Г. Тельберга [3]) они были выдѣлены изъ общихъ уголовныхъ преступленій и разсмотрѣны въ исторической концепціи. Однако, наряду съ существованіемъ обстоятельныхъ спеціальныхъ монографій по исторіи тайной канцеляріи Петровскаго времени и политическихъ преступленій въ Московскомъ государствѣ, исторія государственныхъ преступленій ни при Аннѣ Іоанновнѣ, ни при Елизаветѣ Петровнѣ, напр., одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ исторіи русскаго уголовнаго права не обслѣдованы, и это печаль-

---

1) Слово и дѣло Государевы.

2) Исторія Тайной Канцеляріи Петровскаго времени. Спб. 1911 г.

3) Очерки политическаго суда и политическихъ преступленій въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка. Спб. 1911 г.

ное обстоятельство слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что до настоящаго времени архивнаго матеріала, относящагося къ этому періоду, почти-что не опубликовано [1]).

Цѣль и назначеніе настоящей статьи заключается въ томъ, чтобы дать общій обзоръ законодательныхъ конструкцій преступленій о словѣ и дѣлѣ государевомъ и остановить вниманіе на примѣненіи нормъ законовъ о государственныхъ преступленіяхъ повседневной жизни русской *провинціи* XVIII вѣка.

Процессы о словѣ и дѣлѣ извѣстны уже въ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича, но по сохранившимся отрывкамъ трудно установить систему изслѣдованій извѣтовъ московскимъ правительствомъ въ этомъ періодѣ.

Какъ выяснено въ спеціальной литературѣ, первая нормировка, первая систематизація законодательствомъ государственныхъ преступленій послѣ безудержной политической расправы Грознаго появились во 2-ой главѣ Соборнаго Уложенія 1649 г., носящей заглавіе—„О государевой чести, и какъ его государьское здоровье оберегать".—Г. Тельбергъ путемъ внимательнаго изученія нормъ, въ главѣ этой заключающихся, усмотрѣлъ, что московскій законодатель различаетъ: 1) умыселъ на государево здоровье, 2) измѣну въ различныхъ видахъ и 3) скопъ и заговоръ на Царское Величество и на государевыхъ приказныхъ людей. Преступленія противъ государева здоровья распадаются на преступленія противъ жизни великаго государя и противъ физическаго и духовнаго его здоровья.

Классификація государственныхъ преступленій измѣнилась съ указа 25-го января 1715 года [2]). Въ немъ различается: 1) о какомъ зломъ умыслѣ противъ персоны Его Величества или измѣнѣ, 2) о возмущеніи или бунтѣ и 3) о похищеніи казны.

Съ указа 1718 года установлено, „что о похищеніи народ-

---

[1]) Н. Θ. Окуличъ-Казаринъ. Труды Псковскаго Археологическаго Общества за 1907—1908 г. До него — Есиповъ. Государево дѣло (Др. и Новая Россія, 1880. № 4); Семевскій. Слово и дѣло (2 изд. Спб. 1884).

[2]) См. указъ 1715 г.

*

ныхъ денегъ и о прочихъ дѣлахъ доносить прямо судьямъ, кому надлежитъ, не сказывая за собою слова и дѣла".

Воинскій уставъ даетъ чрезвычайно эластичное опредѣленіе важныхъ государственныхъ преступленій: „кто противъ Его Величества Особы хулительными словами погрѣшитъ, Его дѣйство и намѣреніе презирать, непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣетъ быть живота лишенъ и отсѣченіемъ главы казненъ". Къ политическимъ преступленіямъ Воинскій уставъ относитъ измѣну и бунтъ; первое карается смертною казнью, за бунтъ же установлено: повѣсить на мѣстѣ совершенія преступленія безъ суда, „дабы черезъ то другимъ страхъ подать и оныхъ отъ такой непристойности удержать".

Указъ 30-го января 1727 года подтверждаетъ, что „за непристойныя и противныя слова" противъ государя и членовъ его семьи „безъ всякихъ отговорокъ учинена будетъ смертная казнь безъ пощады".

Изданный въ 1730 году Указъ [1]) окончательно установилъ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ словомъ и дѣломъ государевымъ: „Объявляется въ какой силѣ состоятъ первые два пункта, о которыхъ кто подлинно за кѣмъ увѣдаетъ и доказать можетъ, доносить надлежитъ, а именно: 1) ежели кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на Наше Императорское здоровье злое дѣло, или Персону и честь Нашего Величества злыми и вредительными словами поносить; 2) о бунтѣ или измѣнѣ; сіе разумѣется, буде кто за кѣмъ подлинно увѣдаетъ бунтъ или измѣну противъ насъ или государства".

Въ первой статьѣ 2-ой главы Соборнаго уложенія предусматривается случай, когда „преступникъ учнетъ мыслити на государьское здоровье злое дѣло и сыщется, что онъ и дѣлать хотѣлъ", то его надлежало повергнуть по сыску смертной казни. Этой статьей карается умыселъ, осложненный приготовленіемъ къ осуществленію его дѣйствіемъ. Голый умыселъ, выраженный въ

---

1) П. С. З. № 5528.

формѣ словесной угрозы противъ частнаго лица, признается въ Уложеніи ненаказуемымъ [1]), но направленный противъ государя составляетъ особый видъ государственныхъ преступленій, именуемыхъ „непристойною рѣчью". Въ эту весьма широкую категорію входили непочтительныя рѣчи о Царѣ, случайныя дерзкія выраженія угрозы противъ царскаго здоровья и т. д.

Изъ этихъ законодательныхъ опредѣленій вытекаетъ, что правительство признавало необходимымъ выдѣлять изъ общихъ уголовныхъ преступленій такія, которыя содержали бы въ себѣ элементы или противогосударственные, или антидинастическіе.

При разборѣ политическихъ дѣлъ примѣнялась система розыскного процесса. Не входя въ разсмотрѣніе тонкостей производства дѣлъ о словѣ и дѣлѣ государевомъ, мы вслѣдъ за г. Тельбергомъ признаемъ, что судъ политическій уклонился отъ схемы, очерченной въ 21-ой главѣ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича [2]).

Начальнымъ моментомъ процесса является извѣтъ, опредѣленіе котораго мы находимъ въ 18-ой статьѣ 2-ой главы Уложенія 1649 года: „А кто Московского государьства всякихъ чиновъ люди свѣдаютъ, или услышатъ на царьское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ, или иной какой злой умыселъ: и имъ про то извѣщати государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи, или его государевымъ бояромъ и ближнимъ людемъ, или въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людемъ". Извѣтъ, какъ явствуетъ изъ приведенной статьи, есть заявленіе власти о противогосударственномъ умыслѣ или объ уже совершенномъ преступномъ дѣяніи.

Какъ въ московское, такъ и въ послѣдующее время извѣтчикъ—дѣятельный и отвѣтственный обвинитель. Онъ обязанъ былъ лично собирать доказательства и „уличать" обвиняемаго подъ угрозой личной отвѣтственности.

---

1) Уложеніе X гл., ст. 133.
2) „О разбойныхъ и татиныхъ дѣлехъ".

Вторымъ моментомъ процесса является „сыскъ". Онъ начинается съ „разспросовъ" извѣтчика, обвиняемаго и свидѣтелей.

„Разспросъ" можетъ производиться „у пытки", т. е. допросъ съ угрозою примѣнить пытку, причемъ послѣдняя допускалась въ предѣлахъ болѣе широкихъ, нежели въ дѣлахъ уголовныхъ. По отношенію къ обвиняемому она примѣнялась въ томъ случаѣ, когда имѣлись достаточныя основанія предполагать виновность подсудимаго.

Весьма важное процессуальное значеніе имѣла очная ставка извѣтчика съ обвиняемымъ. Это было средствомъ для защиты противъ бездоказательныхъ доносовъ, и состояла она изъ „уличенія" и „разспроса", т. е. изъ состязанія сторонъ и допроса судьи. Очная ставка имѣла чрезвычайное значеніе въ политическихъ дѣлахъ и примѣнялась съ существенными различіями съ процессами по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ.

Особый порядокъ разбора дѣлъ о словѣ и дѣлѣ государевомъ установленъ былъ еще въ Уложеніи. Указомъ 25-го января 1715 года доносы по первымъ двумъ пунктамъ надлежало подавать лично Царю или караульному дворцовому сержанту. Указъ 10-го апрѣля 1730 года устанавливалъ, что въ провинціи доносы должны принимать воеводы и губернаторы, а въ Москвѣ Сенатъ. Съ 1732 года въ Петербургѣ основана была Канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, которая смѣнила Преображенскій Приказъ (канцелярію). Послѣдняя въ 1726 году стала на мѣсто Петровской Тайной Канцеляріи. Въ Указѣ 1730 года читаемъ: „и понеже оба эти пункта въ важныхъ дѣлахъ состоятъ терпѣть не могутъ: того ради всякихъ чиновъ людямъ ежели кто вышеписанныхъ двухъ великихъ дѣлахъ подлинно увѣдаетъ и доказать можетъ, тѣмъ самимъ доносить на Москвѣ письменно или словесно въ нашъ Правительствующій Сенатъ какъ скоро увѣдаетъ безъ всякаго опасенія и боязни, а именно того же дни, а ежели *въ тотъ день* за какія препятствія донести не успѣетъ, то конечно въ другой день". „Если знать и доказать смогутъ по первому пункту брать ихъ самихъ и на кого они

доводятъ подъ крѣпкимъ карауломъ и прислать немедленно къ Москвѣ въ нашъ Правительствующій Сенатъ". При доносѣ о знаніи „за собою преступленій по второму пункту" надлежитъ „не допускать вдаль и разыскивать *немедленно*". „И будетъ дойдетъ до пытки то и пытать, а въ нашъ Правительствующій Сенатъ того жъ времени *ни мало не отлагая* нарочными курьерами писать" [1]). Этотъ особый порядокъ производства и чрезвычайная срочность доказываетъ, что въ дѣлахъ о словѣ и дѣлѣ государевыхъ правительство видѣло опасныя для государства преступленія и потому для борьбы съ ними устанавливало спеціальныя мѣры.

Правительство, какъ въ XVII-омъ, такъ и въ XVIII-омъ вѣкахъ считало необходимымъ примѣнять сложную систему изслѣдованій доносовъ при *всякомъ* обвиненіи въ государственномъ преступленіи. Какъ бы вздорно ни было обвиненіе, ему давался ходъ, гораздо болѣе скорый, нежели по дѣламъ уголовнымъ.

Въ цѣляхъ обезпеченія раскрытія государственныхъ преступленій въ законодательство вводится обязательность доноса, обычно на практикѣ выражавшагося въ крикѣ: „знаю слово и дѣло государево".

Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича возвело въ законъ обязательство политическаго извѣта, основывавшагося раньше на „государевомъ крестномъ цѣлованіи" и „подкрестной записи". Въ 19-ой статьѣ 2-ой главы читаемъ: „А будетъ кто свѣдавъ, или услыша на царьское величество въ какихъ людехъ скопъ и заговоръ, или иной какой злой умыселъ, а государю и его государевымъ бояромъ и ближнимъ людемъ, и въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людемъ, про то не извѣститъ, а государю про то будетъ вѣдомо, что онъ про такое дѣло вѣдалъ, а не извѣстилъ, и сыщется про то допряма; и его за то казнити смертію безо всякія пощады". Ни супружескія, ни родственныя связи не избавляютъ отъ обязанности политическаго извѣта, при

---

1) П. С. З. № 5528.

чемъ это послѣднее, подкрѣпленное угрозою наказанія, относится только къ преступленіямъ государственнымъ. Обязательный доносъ предусматривается и въ послѣдующихъ законодательствахъ.

Съ другой стороны, Уложеніе обѣщаетъ извѣтчикамъ награду. Оно вознаграждаетъ даже убійство измѣнника, обѣщая „дати государево жалованіе изъ животовъ убитаго, что государь укажетъ“ [1]).

При Петрѣ I, напр., произошелъ такой случай: 19-го марта 1722 года на площади въ городѣ Пензѣ нѣкто Левинъ началъ кричать „многія злыя слова, касающіяся до превысокой чести Его Императорскаго Пресвѣтлѣйшаго Величества“. Услыхавъ такія „продерзости“, посадскій человѣкъ Федоръ представилъ извѣтъ въ воеводскую канцелярію, за что въ награду имъ получено было 300 рублей [2]) (по нашему счету 2700 рублей).

Придавая большое значеніе всякому политическому извѣту, обѣщая за него вознагражденіе, правительство предусматривало возможность ложныхъ извѣтовъ. Уложеніе различало извѣтъ злостный, караемый тѣмъ, „чего бы довелся тотъ, на кого онъ доводилъ“ [3]), извѣтъ подъ вліяніемъ опьяненія или съ умысломъ „избыть побоевъ“, за который Уложеніе наказываетъ кнутомъ [4]).

Въ пунктѣ 3-емъ Указа Анны Іоанновны („о доносахъ по первымъ двумъ пунктамъ“) значится: „за ложный доносъ чинить смертныя казни безъ всякія пощады“.

Въ болѣе гуманное царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, когда самимъ правительствомъ было признано, что „смертныя казни и политическія смерти чинятся не по надлежащимъ винамъ, а другимъ и безвинно“ [5]), наказаніе за ложный извѣтъ о словѣ и дѣлѣ государевомъ было смягчено—„за ложный извѣтъ бить плетьми нещадно, а кнутомъ не бить, дабы донос-

---

1) II глава Уложенія ст. 15-я.
2) Есиповъ, „Варлаамъ Левинъ“. Спб. 1861.
3) II глава Уложенія ст. 17-ая.
4) 2-ая глава, ст. 14.
5) Указъ 17 мая 1744 года. П. С. З. № 9312.

чики впредь при отданіи въ рекруты годны быть могли" [1]). Этимъ удостовѣрялось, что по наказаніи кнутомъ военная служба была невозможной.

Обязанность доноса, подкрѣпляемая угрозой наказанія, вознагражденіе его въ случаѣ доказанной достовѣрности создавало чрезвычайно сгущенную атмосферу: недонесеніе влекло за собою смертную казнь, а недоказанный доносъ весьма серьезное наказаніе. Казалось бы, что это должно было повлечь за собою уменьшеніе количества дѣлъ по обвиненію въ преступленіяхъ государственныхъ. Въ дѣйствительности мы видимъ обратное: дознаній о кричаніи за собою слова и дѣла государева производилось большое количество. И причина этому была вовсе не обиліе количества лицъ, настроенныхъ противогосударственно, а совершенно иная.

Политическія преступленія были поставлены въ такія своеобразныя условія, которыя создавали весьма удобную почву для развитія ложныхъ извѣтовъ. Они могли явиться слѣдствіемъ того, что населеніе не понимало, что слѣдуетъ разумѣть подъ оскорбленіемъ Величества, и, опасаясь наказанія за недонесеніе, по всякому поводу кричало „слово и дѣло государево". Власти же относились къ извѣтамъ о государственныхъ преступленіяхъ съ чрезмѣрнымъ вниманіемъ и возбуждали дѣла по каждому заявленію.

В. И. Веретенниковъ приводитъ любопытный случай изъ практики тайной канцеляріи: „Въ 1720 году одинъ дьякъ донесъ Тайной Канцеляріи, что нѣкій пѣвчій Савельевъ во время одного обѣда въ частномъ домѣ, будучи нетрезвъ, „державъ у себя въ рукахъ трость и смотря на персону царскаго величества (т. е. на портретъ), поднявъ тое трость, указывая на оную персону Его Величества, махалъ тою тростью, указывая и говорилъ „ой де ты", а въ какую силу, того онъ (доносчикъ) не знаетъ". Обвиняемый показалъ на допросѣ, что, увидя сидящихъ на портретѣ царя мухъ и имѣя въ рукахъ палку съ ленточками на

[1]) Указъ 25 іюня 1742 г.

концѣ, онъ махалъ тѣми ленточками и палкой, чтобы прогнать съ портрета мухъ. Въ результатѣ—обвиняемый былъ „битъ нещадно батоги" [1]). Дѣло чрезвычайно характерно для той обстановки, въ которой произошелъ доносъ. Извѣтчикъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ присутствовалъ при оскорбленіи Величества, а потому счелъ себя обязаннымъ донести. Но любопытнѣе всего, что и Тайная Канцелярія признала доносъ основательнымъ и оскорбленіе Величества дѣйствіемъ доказаннымъ.

Дѣла, опубликованныя Новомбергскимъ о сказываніи слова и дѣла государева, хранимыя въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, относящіяся къ XVIII вѣку [2]), убѣждаютъ насъ въ томъ, что провинціальные процессы эти „не были проявленіемъ государственнаго террора, а своеобразнымъ обезпеченіемъ законности внутренняго управленія и даже самой важной *гарантіей для личности*. Эта послѣдняя путемъ слова и дѣла могла освободиться отъ безудержнаго произвола мѣстныхъ властей, выйти изъ тягчайшей кабалы соціальныхъ, семейныхъ и другихъ отношеній".

Какое значеніе придавала мѣстная администрація кричанію о знаніи слова, и дѣла государева и для какихъ разнообразныхъ цѣлей населеніе *провинціи* пользовалось этимъ сакраментальнымъ выкрикомъ, можно опредѣлить лишь путемъ разбора нѣкоторыхъ процессовъ.

При занятіяхъ въ Архивахъ Н.-Новгорода, Калуги и Пскова намъ удалось ознакомиться съ нѣкоторыми производствами о государственныхъ преступленіяхъ, и мы признали возможнымъ этимъ матеріаломъ воспользоваться при изученіи поставленнаго выше вопроса.

Сказываніе за собою слова и дѣла государева давало возможность находить скорый судъ и расправу на трудно досягае-

---

1) В. И. Веретенниковъ, Исторія Тайной Канцеляріи Петровскаго времени стр. 165.

2) Н. Новомбергскій, Слово и Дѣло Государевы (Матеріалы) т. II. Извѣстія Томскаго Унив. 1910 г., т. XXXVI, стр. I.

мыхъ лицъ мѣстной администраціи. При нормальныхъ въ XVIII-омъ вѣкѣ условіяхъ, при доносѣ на воеводу, напр., что онъ содержитъ бѣглыхъ солдатъ, трудно было разсчитывать на скорое разсмотрѣніе и благопріятный исходъ жалобы. Но достаточно было пойманному бѣглому рекруту Ѳомѣ Неѣдову заявить въ воеводской канцеляріи, что онъ знаетъ за собою слово и дѣло государево на воеводѣ Малеинѣ, какъ онъ немедленно былъ отправленъ изъ воеводской канцеляріи въ провинціальную, гдѣ онъ подъ плетьми былъ разспрошенъ и подъ плетьми показалъ, что воевода содержитъ въ укрывательствѣ бѣглыхъ солдатъ, и что барабанщикъ Емельяновъ вывозитъ корчемное вино „и томъ корчемствѣ воевода зналъ и да онъ воевода изъ тамошней городовой стѣны лезъ бралъ и употреблялъ въ топленіе въ квартире своей и въ бане печи“. Попутно и какъ-бы между прочимъ доносчикъ сообщаетъ, что „при его Неѣдовѣ сидѣніи въ тюремномъ острогѣ его били неповинно“. Допрошены были всѣ свидѣтели, но подъ вторичнымъ допросомъ съ пристрастіемъ и подъ плетьми Неѣдовъ показалъ, что кричалъ онъ слово и дѣло на воеводу и на прочихъ напрасно по злобѣ. Однако, несмотря на это признаніе, провинціальная канцелярія продолжала производить дознаніе [1]).

Сказаніемъ слова и дѣла государева возможно было самое обыкновенное дѣло вывести изъ общей подсудности и перенести въ чрезвычайную, ускорить самое производство и заставить съ большой тщательностью обслѣдовать извѣтъ.

16-го марта 1759 года [2]), напр., въ Псковскую воеводскую канцелярію поступила промеморія изъ соляного магистрата, въ которой излагалось, что въ присутствіи бургомистра и ратмана при разспросѣ подъ плетьми счетчика Шелковникова „объ утраченныхъ соляного сбора денегъ ста осьми рублевъ пятидесяти копѣекъ трехъ четвертей оный Шелковниковъ кричалъ за собою слово и дѣло государево“. Разслѣдованіе о пропажѣ денегъ магистратомъ было прекращено и немедленно было передано въ провинціальную кан-

---

1) Изъ Псковской губ. тюрьмы дѣло 1758 г.

2) Изъ Архива М. И. Д.

целярію, которая въ свою очередь того же числа постановила: „показаннаго цѣловальника Степана Шелковникова принять и содержать подъ карауломъ по показанію за собою слова и дѣла государева въ силу состоявшагося 1730 года апрѣля 10-го числа указа распросить секретно и что покажетъ иметь немедленное разсужденіе". Въ тотъ же день провинціальная канцелярія допрашиваетъ Шелковникова. Онъ признаетъ, что 16-го марта „за собою слово и дѣло государево подлинно кричалъ и оную важность всходственность изображеннаго въ Указѣ 730 году апрѣля 30 дня втораго пункта знаетъ и доказать можетъ... Тотъ его Шелковникова доносъ состоитъ въ таковой силѣ что исъ показанныхь Мастеровъ будучи въ 1758 году при продаже казенной соли головою и во время отпуску въ Санктъ-Питербурхъ съ соляного збора денежной казны, при которомъ онъ, Шелковниковъ, былъ счетчикомъ и тое денежную казну принималъ въ магистратѣ, и отъ онаго Мастерова на весъ а не на щетъ и оной Мастеровъ въ томъ отпуску не отправилъ и у себя удержалъ техъ казенныхъ сто осемь рублевъ пятьдесятъ копеекъ три четверти, кои деньги съ него Шелковникова взыскиваетъ... а кроме сего показанія другихъ никакихъ важностей всходственности изображенныхъ въ состоявшемся въ 1730-омъ году апрѣля 10 дня Указе ни закѣмъ не знаетъ". Несмотря на то, что дѣло было чрезвычайно просто и, какъ явствовало изъ допроса извѣтчика, никакого отношенія къ государственнымъ преступленіямъ не имѣло— однако, провинціальная канцелярія изслѣдуетъ дѣло съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и поспѣшностью.

Въ конечномъ результатѣ провинціальная канцелярія ссылкой на Указъ 25-го іюня 1742 года постановляетъ: „Шелковникову за вышепоказанное имъ Шелковникомъ кричаніе въ магистрате слова и дѣла государева ложно..." и такъ какъ „оное ево показаніе важности ни мало не состоитъ страхъ чтобъ онъ и другіе впредь ложно несходственныхъ противу состоящихъ подъ секретомъ делъ напрасно не учиняли... бить плетьми нещадно и отослать ево въ магистратъ обратно".

Въ Архивахъ хранятся дѣла о кричаніи слова и дѣла государева колодниками. Своеобразная тюремная обстановка въ XVIII-омъ вѣкѣ, среди которой „сидѣльцы“ должны были сознавать себя совершенно безпомощными, создала благопріятныя условія для ложныхъ извѣтовъ. Колодникъ понималъ, что та неправда, которая по отношенію къ нему допускается, можетъ быть пріостановлена лишь особымъ, чрезвычайнымъ способомъ: „знаю слово и дѣло государево“.

Въ Калужскую провинціальную канцелярію 19 февраля 1760 г. поступилъ „репортъ“ отъ находящагося при тюремномъ острогѣ капрала Ивана Макарьева о томъ, что колодникъ Степанъ Вихоревъ закричалъ за собою слово и дѣло государево. При репортѣ представленъ былъ доносчикъ, который при допросѣ показалъ, „что онъ, Степанъ, за собою слово и дѣло государево подлинно кричалъ, неутерпѣвъ чинимаго ему отъ колодниковъ Федора Савина и Тимофея Капугина въ ссорахъ деревянными закладками побоевъ“. Никакихъ иныхъ важностей онъ не знаетъ. По подробномъ разслѣдованіи провинціальная канцелярія постановила доносчика бить кнутомъ двадцать пять ударовъ. Два другихъ колодника приговорены были къ битью батогами, при чемъ мотивомъ къ этому приговору было желаніе наказать за то, „что они онаго Степана Вихорева въ дракѣ били такъ непомѣрно, что онъ во избѣжаніе отъ того бою принужденъ былъ таковое объявленіе приводя къ немалой важности кричать, черезъ что впослѣдствіи навелъ немалое затрудненіе“. Капралу же надлежало по этому приговору „накрепко подтвердить чтобы онъ за содержащимися колодниками завсегда наиприлежно смотрелъ и до ссоръ и дракъ между собою не допускалъ и отъ того воздерживалъ и въ случаѣ усмотрѣнія онаго шумства усмирялъ сажаніемъ въ цепи и кованіемъ въ желѣза“ [1]).

Такимъ образомъ, власти признаютъ, что отъ сильнаго бою можно кричать слово и дѣло государево.

---

[1]) Изъ Калужскаго архива, дѣло 1759 г.

Этимъ выкрикомъ пользовались и по другимъ причинамъ и для другихъ цѣлей.

Въ доношеніи отъ 15-го сентября 1720 года изложено, что крестьянинъ Савелій Харитоновъ убилъ до смерти приказчика помѣщика своего и бросилъ въ рѣку Ворону „и оной смертный убійца Савелій Харитоновъ по твоимъ великаго государя указамъ и по соборному уложенію приговоренъ былъ за то смертное убивство къ смертной казни повѣсить".

Когда же 14-го іюня того же года онъ былъ приведенъ къ висѣлицѣ, то началъ кричать о знаніи за собою слова и дѣла государева. Казнь немедленно была пріостановлена и „смертной убійца былъ спрашиванъ на единѣ тайно". Онъ показалъ, что „изъ важныхъ трехъ словъ знаетъ, а потому закованъ въ кандалы руки и ноги онъ былъ посланъ въ Москву въ Преображенскій приказъ". Везли его „съ великою осторожностью". 28-го іюня онъ предсталъ уже предъ стольникомъ И. Ѳ. Ромодановскимъ и въ тотъ же день Ромодановскій приказалъ: „вышеписанному колоднику за его ложь учинить наказаніе, бить кнутомъ и отослать тѣми же провожатыми въ Шацкой по прежнему". „По сей помѣтѣ вышеписанному колоднику Харитонову наказаніе учинено предъ Преображенскимъ приказомъ кнутомъ битъ и посланъ съ присланными же провожатыми въ Шацкой по прежнему" [1]). Это небольшое дѣло прекрасно иллюстрируетъ, какъ пользовались заинтересованныя лица особымъ порядкомъ производства о государственныхъ преступленіяхъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей.—Человѣкъ у висѣлицы. Желая отсрочить хотя бы ненадолго казнь, онъ ложно кричитъ за собою слово и дѣло государево, и казнь откладывалась.

Ложное кричаніе слова и дѣла государева бывало иногда болѣе удачнымъ.

Въ Устюжской тюрьмѣ, въ покаянной избѣ, подготовляясь къ смертной казни, сидятъ нѣсколько разбойниковъ. Изъ нихъ Григорій Круглыхъ, Яковъ Молодыхъ и Семенъ Сараевъ покаялись

1) Н. Новомбергскій. Матеріалы „Слово и дѣло Государевы" т. II № 4

въ томъ, что совершили каждый по 18-ти разбоевъ. Передъ казнью 24-го августа 1722 года они начали кричать о знаніи за собою слова и дѣла государева. Схваченные и приведенные въ Устюжскую провинціальную канцелярію, „они въ роспросѣхъ и въ розыску сказали: умышленія де на Императорское Величество и бунту, и измѣны къ сочиненію ни за кѣмъ не вѣдаютъ, а сказали за собою государево дѣло, то есть вѣданіе про серебряную руду". Затѣмъ слѣдовало изложеніе, гдѣ по ихъ свѣдѣніямъ находится руда: на рѣкѣ Камѣ при городкѣ прозваніемъ Мулы есть рѣчка, есть гора, „а въ коликомъ оная гора разстояніи, того онъ не вѣдаетъ для того, что онъ по всей оной горѣ не бывалъ и въ среди оной горы есть помянутая серебряная руда... а спросить у татарина, а званіе тому татарину не вѣдаетъ" [1]). Несмотря на столь неопредѣленныя указанія, шли долгіе разспросы, записывались показанія, а казнь не приводилась въ исполненіе. Извѣстно, что черезъ много мѣсяцевъ „вышеписанный разбойникъ С. Сараевъ по показанію объ оныхъ рудахъ, сидя въ тюремной избѣ, померъ". Въ Преображенскомъ приказѣ разслѣдованіе по этому „кричанію" не кончили: вспомнили указъ 1718 года, по которому—„о похищеніи народныхъ денегъ и о прочихъ дѣлахъ доносить прямо судьямъ, кому надлежитъ, не сказывая за собою слова и дѣла государева". 23-го Іюля 1723 г. все производство передается въ Бергъ-Коллегію...

Частое кричаніе колодниками передъ смертною казнью о знаніи за собою слова и дѣла государева вызвало слѣдующее отношеніе къ нему правительства: „Промеморія изъ Преображенскаго Приказа Главнаго Магистрата въ Контору": „колодники, которые въ разныхъ канцеляріяхъ и городѣхъ опредѣлены будутъ за воровства къ смертной казни, и при казни скажутъ за собою ея и. в. слово и дѣло, и присланы будутъ въ Преобр. Прик., а по распросамъ такихъ дѣлъ за собою и ни за кѣмъ не покажутъ, а явится, что сказывали они, отбывая смертныя казни, и оныхъ за воровства, буде по указамъ подлежатъ, *казнить не отсылая* въ тѣ мѣста; а буде о

---

[1]) Новомбергскій. Матеріалы „Слово и дѣло Государевы" т. II № 11.

воровствахъ ихъ именно показано не будетъ, или требовать ихъ будутъ въ тѣ времени по прежнему, такимъ за ложное сказываніе слова и дѣла по уложенью чинить жестокое наказанье кнутомъ и отсылать въ тѣ мѣста, откуда будутъ присланы, и велѣть ихъ въ тѣхъ мѣстахъ за воровства казнить безъ продолженія, чтобъ сидя въ тюрьмѣ продолжительно, не затѣвали такихъ дѣлъ сказывать ложно; а ежели оные воры послѣ наказанья въ тѣхъ мѣстахъ при смертной казни, учнутъ сказывать за собою или за другими за кѣмъ ея и. в. слово и дѣло вторично, тѣхъ велѣть роспрашивать опасно на одинѣ, изъ трехъ ли пунктовъ то слово и дѣло за собою или за кѣмъ они вѣдаютъ, и сколько о томъ увѣдали; и буде покажутъ, что увѣдали до первой своей въ Преобр. Прик. присылки, а покажутъ, что они въ Преобр. Прик. за чѣмъ не объявили, и тѣмъ ихъ извѣтамъ не вѣрить, и о томъ тѣмъ ворамъ при отсылкѣ сказывать именно съ запискою; а буде же покажутъ, что они увѣдали послѣ первой присылки въ тюрьмѣ или въ дорогѣ, и скажутъ на кого изъ оныхъ трехъ пунктовъ, о томъ велѣть писать въ Преобр. Прик. немедленно, а ихъ держать въ тѣхъ мѣстахъ подъ крѣпкимъ карауломъ до указу для того, чтобъ не учинили въ дорогѣ утечки и въ прогонахъ интересу не было бъ напрасной траты“ [1]). Такимъ образомъ правительство констатируетъ, что „колодники отбывая смертныя казни кричатъ за собою слово и дѣло государево“. Въ цѣляхъ энергичной борьбы съ ложными извѣтами оно устанавливаетъ по отношенію къ этой категоріи извѣтчиковъ особый порядокъ: присланный въ Преображенскій Приказъ и сознавшійся въ ложности своихъ доносовъ, согласно вышеприведенному указу подлежалъ казни безъ отсылки его обратно въ томъ случаѣ, если его не требовали для продолженія розысковъ по обвиненію въ уголовномъ преступленіи. Весьма любопытно для характеристики чрезвычайной бдительности правительства требованіе разслѣдованія вторичнаго извѣта колодника, однажды уже изобличеннаго въ ложномъ доносѣ.

---

1) Новомбергскій. Матеріалы «Слово и дѣло Государевы» т. II № 27.

По указу 10 апрѣля 1730 года колодника, обвиняемаго въ тяжкомъ преступленіи, но не приговореннаго къ смертной казни, при кричаніи имъ слова и дѣла государева, надлежало предварительно пытать—„не напрасно ли онъ то затѣваетъ отбывая своего воровства“. Кричаніе за собою слова и дѣла государева колодниками, приговоренными къ смертной казни, во время ея исполненія, перестало вызывать довѣріе правительства, и было указано „такимъ въ доносахъ ихъ не вѣрить, а по суду казнить смертію, дабы продолжая животъ свой не затѣвали и невинные бъ по лживымъ ихъ доносамъ напрасно не страдали“.

Правительство признавало необходимымъ разслѣдовать о каждомъ объявленіи о словѣ и дѣлѣ государевомъ, о всѣхъ секретныхъ и важныхъ словахъ, о каждомъ кричаніи на улицѣ „караулъ“. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда очевидно было, что ни о какой опасности для государства кричавшему невѣдомо, правительство пускало въ ходъ сложную машину розыскного процесса.

На площади Нижняго-Новгорода пьяный крестьянинъ Мина Ивановъ закричалъ „караулъ“. Немедленно былъ схваченъ кричавшій Ивановъ и рядомъ съ нимъ стоявшіе солдаты Иванъ Дрябовъ и Никифоръ Маявкинъ. Выяснилось послѣ разспросовъ и подробнѣйшей записи, что свидѣтель Дрябовъ „выпивъ вина въ кабаке на две копейки, шелъ къ площади, къ которой въ приближеніи встрѣтился съ нимъ помянутый крестьянинъ Ивановъ пьяной къ нему Дрябовъ сталъ придираться напротивъ чего онъ Дрябовъ отъ себя того крестьянина Мину оттолкнулъ рукою и въ такомъ случаѣ оный же крестьянинъ караулъ подлинно кричалъ“. Дѣло было разслѣдовано, никакой важности не обнаружено „и того ради за его продерзость и чтобъ онъ впредь отъ таковыхъ непристойныхъ объявленій имѣлъ осторожность и отъ безмернаго пьянства воздержанія—учинить наказаніе бить плетьми нещадно“ [1]).

[1]) Изъ Архива Н.-Новгорода. Дѣло 1759 года.

Правительственная бдительность приводила къ курьезу: въ одномъ процессѣ обвиняемому въ государственномъ преступленіи ставилось въ вину, „что онъ Миронъ Леонтьевъ въ Псковской воеводской канцеляріи приказывалъ сѣчь плетьми дѣвку Прасковью Никитину гдѣ судейскій столъ и зерцало состоитъ“ [1]). Въ этомъ усмотрѣно было оскорбленіе Величества и по извѣту производилось самое серьезное разслѣдованіе. Многочисленныя и безсмысленныя обвиненія привели въ 1762 г. правительство Императора Петра III къ убѣжденію, что „...какъ Тайная Канцелярія оставалась въ своей силѣ, то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями притягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ или непріятелей. Вышеупомянутая Тайная Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ Сенатъ, но за печатью къ вѣчному забвенію въ архивъ положатся. Ненавистное выраженіе, а именно: „Слово и Дѣло“— не долженствуетъ отнынѣ значить ничего и мы запрещаемъ—не употреблять онаго никому“ [2]). Но и по изданіи этого указа процессы типа „слова и дѣла государева“ не прекращаются. Продолжались разслѣдоваться извѣты, по которымъ „въ застѣнкѣ и подъ пыткою извѣтчикъ показалъ, что объявленіе его состоитъ въ таковой силѣ, какъ де въ содержаніи въ тюремномъ острогѣ у него съ Иваномъ Кондратьевымъ произошла брань, въ которой между прочаго онъ Петръ (извѣтчикъ) упоминалъ, что къ нему Ивану Кондратьеву подячій Тимоѳей Антиповъ и мужикъ Яковъ принесутъ еще денегъ десять рублевъ напротивъ де чего оный Иванъ ему Петру выговаривалъ... непечатная брань... и съ десятью рублями: А понеже оныя денги въ манетахъ состоятъ съ патретомъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни чего ради таковую его Ивана Кондратьева продерс-

---

[1]) Изъ Московскаго архива М. Ю. Дѣло 1760 года.
[2]) П. С. З. № 11445.

кую речь онъ Петръ признаваетъ за важность или безчестіе онаго съ патретомъ Ея Императорскаго Величества монета...“ [1])

Такимъ образомъ, слѣдовательно, Иванъ Кондратьевъ обвинялся въ оскорбленіи Величества, выразившагося въ томъ, что онъ обругалъ человѣка, долженствующаго принести десять рублей а такъ какъ деньги эти могли состоять въ одной монетѣ, на которой изображена Императрица, то составъ преступленія и для извѣтчика и для властей былъ ясенъ.

Одно учрежденіе смѣняло другое: Тайная Канцелярія при Екатеринѣ II смѣнилась Тайной Экспедиціей розыскныхъ дѣлъ. Отголоскомъ страшной Тайной Канцеляріи, говоритъ Н. Ѳ. Окуличъ-Казаринъ, было третье отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи.

Учрежденія смѣнялись, но правительственная бдительность осталась прежнею...

---

[1]) Изъ губернской тюрьмы г. Пскова. Дѣло за 1762 г.

II.

Новый воинскій уставъ о наказаніяхъ.

В. Д. Плетнева.

Приказомъ по военному вѣдомству 1910 года № 434, наконецъ, разрѣшился вопросъ о преобразованіи дѣйствующаго воинскаго устава о наказаніяхъ согласованіемъ его съ общей частью уголовнаго уложенія 1903 года.

Законодательная работа нашего военно-судебнаго вѣдомства, къ сожалѣнію, не продвинулась далѣе, и вся особенная часть устава, полная вопіющихъ архаизмовъ и несовершенствъ, какъ въ законодательной техникѣ, такъ и въ матеріальной конструкціи осталась безъ измѣненій. Едва ли нужно однако же приводить очень подробныя основанія, по коимъ работа комиссіи по пересмотру устава не должна была оставаться въ столь узкихъ рамкахъ.

Дѣйствующій воинскій уставъ 1867 года, при сколько-нибудь нормальномъ порядкѣ законодательства, долженъ былъ подвергнуться коренной переработкѣ, если не замѣнѣ закономъ совершенно новымъ. Изданный подъ вліяніемъ великаго преобразовательнаго теченія главнѣйшихъ основъ государственной жизни, воинскій уставъ 1867 года шелъ на смѣну совершенно непригоднаго къ новымъ условіямъ государственнаго порядка военно-уголовнаго устава 1839 года. По существу своему послѣдній былъ лишь поверхностно измѣненнымъ придаткомъ къ Воинскому Артикулу Петра I 1716 года. Когда въ 1860 г. комиссіей сенатора Губе было приступлено къ созданію новаго уголовнаго военнаго законодательства, комиссія, имѣя въ виду согласованіе новаго устава воинскаго съ уложеніемъ 1845 года, въ то же время стояла передъ лицомъ чрезвычайно трудной задачи. Необходимо было провести въ новый военно-уголовный кодексъ требованія, поставленныя Императоромъ Николаемъ 1 военному министру Чернышеву, дабы новый военно-уголовный кодексъ былъ «собраніемъ въ общемъ составѣ и существѣ своемъ прежнихъ нашихъ военно-уголовныхъ законовъ» [1]).

---

[1]) Сбор. закон. раб. V, IX и XII; Друцкой Воен. Сборн. 1905 г. кн. 10. стр. 130; Кузьминъ-Караваевъ, Учеб. стр. 137 и слѣд.

Результатомъ такой искусственной задачи дѣйствующій воинскій уставъ составился на основаніи послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга трехъ проектовъ, подвергавшихся въ различныхъ составахъ комиссій разсмотрѣнію пять разъ и разсылавшихся для полученія отзывовъ различнымъ учрежденіямъ и лицамъ три раза. Въ то же время указанная выше общая задача согласованія началъ новаго воинскаго устава съ «коренными началами законовъ уголовныхъ», на которой настаивалъ графъ Блудовъ, лишила нашъ уставъ общаго принципа, придавъ его постановленіямъ случайную самостоятельность и внутреннюю разобщенность. Наконецъ, дѣйствующій уставъ воинскій былъ отмѣченъ клеймомъ первороднаго грѣха всѣхъ нашихъ прежнихъ законовъ,—онъ пережилъ свое время и, будучи созданъ почти на 10 лѣтъ ранѣе великой реформы всеобщей воинской повинности 1 января 1874 года, оказался лишеннымъ той важнѣйшей основы всякаго уголовнаго законодательства, по коей измѣненіе структуры общественныхъ отношеній неизбѣжно влечетъ за собою и коренное переустройство системы уголовнаго законодательства. Конечно, вопіющая несогласованность «новаго» воинскаго устава не могла ускользнуть отъ вниманія правящей военной власти, и съ 80-годовъ мы имѣли рядъ комиссій—Неѣлова, Гольмблата, и другихъ закончившихся представленіемъ проекта 1892 года. Пересмотръ устава перешелъ въ новую стадію, когда подъ вліяніемъ ожидаемаго введенія въ дѣйствіе «новаго уголовнаго уложенія», по всеподданнѣйшему докладу генерала Куропаткина отъ 26 ноября 1901 года, была образована новая комиссія тайнаго совѣтника Быкова. Комиссія эта, засѣдая съ начала 1902 года, къ 1905 году заключила свои занятія созданіемъ проекта, получившаго Высочайшее утвержденіе. При обозрѣніи общихъ результатовъ работъ комиссіи нельзя не отмѣтить, какъ основную ихъ черту, отказъ отъ пользованія указаніями выдающихся иностранныхъ ученыхъ и криминалистовъ, коимъ проектъ воинскаго устава, какъ извѣстно, не разсылался. Но даже и въ отношеніи авторитетныхъ представителей нашей криминальной науки комиссія не сумѣла понять значеніе ихъ отзывовъ, и ни одному изъ корифеевъ ея проектъ устава посланъ также не былъ, немногіе профессора военно-юридической академіи, бывшіе въ составѣ комиссіи, совершенно подавлялись численно административнымъ элементомъ. Даже въ средѣ лицъ военно-судебнаго вѣдомства работа комиссіи не нашла надлежащаго вниманія, и въ числѣ лицъ, не давшихъ никакихъ отзывовъ на разосланный имъ проектъ, мы находимъ тогдашняго прокурора виленскаго военно-окружнаго суда Дорошевскаго, прокурора сибирскаго военно-окружнаго суда, предсѣдателя иркутскаго суда генерала Грейма, наличныхъ военныхъ судей варшавскаго военно-окружнаго суда и т. д. Даже въ самомъ Петербургѣ комиссія не пользовалась надлежащимъ вниманіемъ, и, напримѣръ, прокуроръ петербургскаго военно-окружнаго суда не далъ какого-либо отвѣта на просьбу о присылкѣ своихъ замѣ-

чаній на проектъ комиссіи [1]). Вотъ почему, при разсмотрѣніи и общей только части воинскаго устава, мы не найдемъ тамъ признаковъ сколько-нибудь самостоятельной творческой работы, не отыщемъ и намека дѣйствительно самостоятельныхъ началъ военно-уголовнаго права, но, напротивъ, рабское копированіе постановленій уголовнаго уложенія съ присоединеніемъ къ нимъ часто несогласимыхъ требованій военной службы.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что новый уставъ въ принципѣ продолжаетъ традицію дѣйствующаго воинскаго устава, который, подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ образцовъ Запада — французскаго, сардинскаго, ганноверскаго и другихъ кодексовъ, былъ построенъ на системѣ единства съ общимъ уголовнымъ кодексомъ и съ принятіемъ изъятій, вызываемыхъ лишь спеціальными особенностями военной службы [2]).

Традиція эта нашла себѣ осуществленіе въ 1 ст., коей устанавливается общій принципъ примѣненія къ дѣяніямъ военнослужащихъ лицъ постановленій уголовнаго уложенія за исключеніемъ изъятій или особыхъ правилъ, спеціально указанныхъ. Но уже чисто-внѣшній обзоръ общей части устава удостовѣряетъ, что составители не сумѣли удержаться на высотѣ общаго принципа, провозглашеннаго ими. Въ общей части воинскаго устава мы имѣемъ 72 статьи заимствованій, представляющихъ простую перепечатку соотвѣтственныхъ положеній уголовнаго уложенія. Но это подражаніе, къ несчастію, не имѣетъ мѣста по многимъ важнѣйшимъ и принципіальнымъ началамъ уголовнаго права, изъятіе которыхъ вообще было бы трудно обосновать дѣйствительными особенностями воинскаго быта. Таковы уклоненія въ конструкціи правилъ о необходимой оборонѣ — ст.ст. 38 и 38[1] устава, въ конструкціи отвѣтственности при соучастіи начальника и подчиненнаго — ст. 41 и 42, представляющія рѣзкое и ничѣмъ не вызванное уклоненіе отъ началъ, принятыхъ 51 и 52 ст.ст. уголовнаго уложенія. Таково же не оправдываемое совершенно уклоненіе отъ общихъ началъ при конструкціи состоянія крайней необходимости—ст. 39, которое изложено гораздо менѣе удачно, чѣмъ соотвѣтственная часть ст. 46 уголовнаго уложенія, и проч. Вообще нельзя не замѣтить, что новый уставъ излишне подробенъ въ сравненіи съ новѣйшими образцами спеціальныхъ законодательствъ, изъ которыхъ Бельгійское далеко превосходитъ его по стройности системы и краткости необходимыхъ отступленій отъ общаго законодательства.

Въ Бельгійскомъ военномъ кодексѣ общей части посвящены всего 15 статей, тогда какъ у насъ ихъ 68. Въ особенной части упомянутый кодексъ содержитъ 47 статей, тогда какъ въ особенной части воинскаго устава и по новой редакціи 211. Обращаясь къ детальной оцѣнкѣ новаго кодекса, нельзя не замѣтить прежде

---

[1]) Об. зап. къ проекту общ. части 1905 г. стр. 5.
[2]) Сб. зак. раб. стр. 391.

всего, что важнѣйшій вопросъ о сущности воинскаго преступленія, который опредѣляетъ и самое содержаніе изъятій и, конечно, имѣетъ огромное вліяніе на исключительную подсудность гражданъ, разрѣшенъ въ новомъ уставѣ чисто формальнымъ путемъ безъ опредѣленія по существу этого понятія. Уставъ опредѣляетъ его въ ст. 2, принявъ за основаніе трехчленное дѣленіе на воинскія, общеслужебныя и общія преступныя дѣянія, при чемъ просто отсылаетъ къ соотвѣтственной нумераціи статей особенной части, гдѣ эти преступленія указаны. Несомнѣнно, что иностранные образцы даютъ ту же, систему если обратиться къ ихъ изученію. Таково въ общемъ содержаніе ст.ст. 1 итальянскаго и германскаго воинскихъ уставовъ, а въ дѣйствующихъ уставахъ Франціи и Бельгіи этотъ вопросъ просто обойденъ молчаніемъ. Причины этого кроются однако въ значительной устарѣлости указанныхъ выше кодексовъ, изъ которыхъ самый новый Германскій относится къ 72 году, французскій къ 57 году и итальянскій къ 69 г. И, напротивъ, въ проектѣ французскаго кодекса 1906 года устанавливается уже общій принципъ, что на спеціальную отвѣтственность можетъ вліять не «положеніе лица, а лишь природа дѣятельности». Но и помимо этого даже въ австрійскомъ кодексѣ 1855 года мы имѣемъ попытку опредѣлить сущность воинскаго преступленія, проявленную въ ст. 142—144. Къ таковому австрійскій уставъ относитъ нарушеніе вѣрности и повиновенія, требованій караульной, службы, трусость, побѣгъ, нарушеніе подчиненности и чинопочитанія, членовредительство и даже позорящіе поступки. Отрицая, конечно, столь широкія рамки воинскихъ преступленій, нельзя не отмѣтить здѣсь, что самая идея вполнѣ правильна, и заимствованіе ея можно было бы только привѣтствовать. Это тѣмъ болѣе ясно, что исторически стремленіе опредѣлить существо воинскаго преступленія намѣчается въ законодательствахъ очень рано. Декретомъ 30 сентября 1790 года была впервые опредѣлена природа воинскихъ преступленій, какъ такихъ, которыя нарушаютъ «immediatement le devoir ou la discipline ou la subordination militaire». Дальнѣйшее развитіе идея эта получила въ декретѣ 5 октября того же года, который, по словамъ лучшаго изслѣдователя вопроса — Schenié, создалъ постоянную основу для опредѣленія существа воинскаго преступленія. Параграфъ 2-й декрета 5 октября понимаетъ подъ гражданскими преступленіями тѣ, которыя нарушаютъ общегосударственный законъ, военныя же параграфъ 4 декрета опредѣляетъ, какъ нарушенія законовъ военныхъ. Наконецъ, въ постановленіи Государственнаго Совѣта отъ 7-го фруктидора XII года мы видимъ дальнѣйшее суженіе воинскихъ преступленій, ибо даже и нарушенія военныхъ законовъ, совершенныя внѣ частей войскъ, не считаются тутъ воинскими преступленіями, но лишь нарушеніемъ спеціальныхъ законовъ [1]). Послѣ временнаго отступленія въ пользу

[1]) См. въ этомъ отношеніи соч. Łaloë „Observations sur la compétence de canseils de guerre de l,armée de terre“ 1894.

формализаціи воинскаго преступленія въ кодексѣ 57 года мы видимъ въ проектѣ Пикара новый возвратъ къ старому принципу, ибо здѣсь къ преступленіямъ воинскимъ относятся только: 1) нарушеніе обязанностей часового, 2) неисполненіе требованій караула, 3) неповиновеніе приказу, 4) насиліе надъ начальникомъ и старшимъ [1]). Въ Германіи со времени перехода къ ландверной системѣ мы находимъ то же стремленіе къ опредѣленію существа воинскаго преступленія. Такъ, знаменитый Лоренцъ Штейнъ признавалъ воинскими преступленіями въ тѣсномъ смыслѣ лишь измѣну, бунтъ, побѣгъ, нарушеніе субординаціи, трусость, неповиновеніе и нарушеніе обязанностей караульной службы [2]).

Изложенное показываетъ путь, на который вступило современное военно-уголовное право въ этомъ отношеніи, и намъ кажется, что выясненіе вопроса о сущности воинскаго преступленія одно могло бы поставить рамки примѣненію военно-уголовнаго закона къ преступленіямъ гражданъ, попавшихъ въ войска, равно какъ по дѣйствующей системѣ и къ цѣлому ряду смѣшанныхъ преступленій лицъ гражданскихъ и военнослужащихъ. Дѣйствующій уставъ не содержалъ въ себѣ опредѣленія о воинскомъ преступленіи. Раздѣлъ второй дѣйствующаго устава въ заголовкѣ говоритъ «о воинскихъ и другихъ преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ военной». Однако, наряду съ чисто-воинскими преступленіями, какъ, напримѣръ, нарушеніе чинопочитанія, предусмотрѣнными ст.ст. 96—98, въ этомъ раздѣлѣ находятся и многія другія, представляющія совершенно напрасныя воспроизведенія, съ незначительнымъ измѣненіемъ, соотвѣтственныхъ статей уложенія о наказаніяхъ, какъ, напримѣръ, постановленія ст. 204 устава, которой соотвѣтствуетъ ст. 1068 улож., ст.ст. 205—207 устава, коимъ соотвѣтствуютъ 1059—1060 улож., 231—232, 238 устава, коимъ соотвѣтствуютъ 353 — 354, 357 улож., 141—151 устава и 338—348 улож. и т. д. Эти существенные недостатки устава отнюдь не способствовали правильному его истолкованію, создавая массу затрудненій какъ въ теоріи, такъ и при практическомъ его примѣненіи. И однако же новый уставъ остался въ сущности при томъ же самомъ положеніи, ибо отъ размѣщенія по группамъ статей преступныхъ дѣяній, мало между собою связанныхъ и не имѣющихъ никакого общаго критерія, врядъ ли сколько-нибудь измѣнится дѣло. Доказательствомъ справедливости нашихъ соображеній служитъ тотъ фактъ, что и при новомъ воинскомъ уставѣ мы имѣемъ совершенно ненужныя повторенія соотвѣтственныхъ статей уголовнаго уложенія. Такъ, напримѣръ, совершенно излишними являются постановленія ст.ст. 113, 114, 115, 121, 122, гласящія объ оскорбленіи часовыхъ, караула и должно-

---

[1]) Exposé de motifs 1907 г.
[2]) Ученіе о воен. бытѣ стр. 227 и слѣд.

стныхъ военныхъ лицъ, положенія коихъ находятся полностью въ ст.ст, 475, 530—532 угол. уложенія. Составители устава и сами повидимому понимали это, ибо въ извѣстныхъ случаяхъ именно когда оскорбленія совершаются лицами изъ состава караула, они отсылаютъ къ указаннымъ выше постановленіямъ уголовнаго уложенія. Не нужно много говорить, конечно, что такая ссылка сама указываетъ на признаніе отсутствія принципіальныхъ различій въ содержаніи соотвѣтственныхъ статей общаго и спеціальнаго кодексовъ. Самая же конструкція 113 статьи обнаруживаетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ стремленіе сохранить здѣсь полностью старыя правила уложенія о наказ. (ст. 286[1] улож.), которыя далѣе снова смѣняетъ ссылка на соотвѣтственныя статьи новаго уголовнаго уложенія (115 ст. в. уст.). Далѣе, совершенно неизвѣстно, почему въ число воинскихъ преступленій снова попали такія, какъ нарушеніе правилъ благочинія въ публичномъ мѣстѣ (192 ст. устава, которая соотвѣтствуетъ вполнѣ 262 ст. угол. уложенія), или ст. 196-я, карающая присвоеніе непринадлежащихъ чиновъ, мундировъ и званій, содержаніе коей также покрывается полностью положеніями ст. 272 угол. уложенія и 1412—1418 уложенія о нак. Непослѣдовательность особенно ясна, когда мы видимъ, что новый уставъ изъемлетъ ст. 243, которая и въ дѣйствующемъ законѣ повторяетъ съ буквальною точностью, за исключеніемъ санкціи, правила ст. 108 угол. улож.

Приведенныхъ нами примѣровъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы показать, какъ случайны и произвольны, благодаря основной ошибкѣ новаго устава, распредѣленія воинскихъ преступленій по главнымъ отдѣламъ устава. Основная ошибка эта не имѣла бы столь существеннаго значенія, если бы мы не встрѣчались здѣсь съ печальной юридической самобытностью всего нашего государственнаго права. Статья 97 нашихъ основныхъ законовъ, какъ извѣстно, изъемлетъ полностью изъ вѣдѣнія нашихъ законодательныхъ учрежденій всѣ узаконенія по военно-судной части, куда практика отнесла и все матеріальное законодательство военно-уголовное. Порядокъ изданія нормъ военно-уголовнаго законодательства, опредѣленный 1089 ст. в. с. у., столь несовершененъ и такъ опредѣленно лишенъ основныхъ элементовъ независимости и авторитета, что нѣтъ никакихъ гарантій противъ возможности проведенія мѣропріятій самыхъ неожиданныхъ, а иногда и нарушающихъ общеполитическія права гражданъ отвѣчать формально и матеріально по нормамъ общаго права и передъ нормальными судами. За примѣрами ходить недалеко. Достаточно указать здѣсь хотя бы любопытную и вмѣстѣ странную судьбу ст. 125[1], введенной въ такомъ упрощенномъ порядкѣ спеціальнаго законодательства въ бурные годы освободительнаго движенія. Статья эта карала за отказъ отъ исполненія воинской повинности каторжными работами на срокъ до 6 лѣтъ и въ минимумѣ исправительными арестантскими отдѣленіями отъ 4-хъ лѣтъ. Продикто-

ванная чисто политическими соображеніями, статья эта захватывала необозримо большой кругъ лицъ, по различнымъ основаніямъ отказывавшихся отъ требованій воинской повинности. Санкція ст. 125^1 была столь сурова, что главному военному суду пришлось дать рядъ ограничительныхъ ея толкованій въ рѣш. 08/56, 08/72, 09/29, хотя это, конечно, мало помогало дѣлу. Полная изоляція нашего военно-судебнаго аппарата отъ общихъ высшихъ кассаціонныхъ учрежденій приводила къ дальнѣйшимъ непослѣдовательностямъ законодательства. Такъ, напримѣръ, та же грозная статья 125^1 получила въ отношеніи офицеровъ гораздо болѣе легкое толкованіе, ибо отказъ офицеровъ въ предѣлахъ требованій 125^1 истолкованъ гл. воен. судомъ, какъ подходящій подъ диспозицію и санкцію ст. 105. Между тѣмъ, эта послѣдняя знаетъ для офицеровъ въ максимумѣ только исключеніе изъ службы съ лишеніемъ чиновъ, а въ минимумѣ даже только 1 годъ и 4 мѣс. заключенія въ крѣпости. Намъ кажется, не надо много распространяться, къ какимъ нарушеніямъ принципа общаго и равнаго для всѣхъ закона приводитъ такое оригинальное толкованіе, и что долженъ думать нижній чинъ, который отправляется въ каторжныя работы за то, что́ для офицера не восходитъ выше исправительныхъ наказаній. Статья 125^1 существовала въ такомъ видѣ до 1911 года, когда Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 7 апрѣля была исключена, и новыя нарушенія ея снова стали караться по ст. 509 уложенія, отсылающаго къ санкціи 140 ст. воинскаго устава дѣйствующаго, гдѣ кара колеблется уже отъ заключенія въ тюрьмѣ до заключенія въ исправительномъ домѣ. Приведенный примѣръ свидѣтельствуетъ вполнѣ, какъ случайны могутъ быть основанія, по коимъ участь массы гражданъ можетъ разсматриваться въ спеціальныхъ трибуналахъ по исключительно суровымъ нормамъ военнаго кодекса.

При опредѣленіи воинскаго преступленія по существу, такіе внезапные «вклады» въ гарантированныя конституціей права гражданъ, разумѣется, не могли бы уже производиться со столь самобытной смѣлостью. Наконецъ, уже совсѣмъ не оправдывается никакими соображеніями помѣщеніе въ воинскомъ уставѣ преступныхъ дѣяній, которыя самъ воинскій уставъ называетъ общими, кои содержатся въ ст.ст. 268—271, 273—274, 277 и 279-й.

Обращаясь отъ внѣшней системы къ анализу содержанія общей части воинскаго устава по существу, необходимо остановиться прежде всего на изложеніи и содержаніи понятія приказа, какъ причины невмѣненія. Вопросъ этотъ, давнымъ-давно рѣшенный для общаго права въ томъ смыслѣ, что приказъ начальника можетъ служить лишь условной причиной невмѣненія [1]), является несомнѣнно однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ военно-уголовнаго права. Для нашего отечества, съ его изумительнымъ подчасъ самовластіемъ отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, при глубо-

---

[1]) См. объ этомъ Haus Principes, p. 127 etc.

кой пассивности и темнотѣ огромной массы военно-служащихъ нижнихъ чиновъ, опредѣленіе основаній безотвѣтственности подчиненныхъ при исполненіи приказа имѣетъ исключительное значеніе. Вліяніе началъ государственнаго права и прохожденіе во всемъ культурномъ мірѣ всѣхъ важнѣйшихъ законовъ для арміи черезъ парламентъ, конечно, исключили уже въ новѣйшихъ теоретическихъ взглядахъ возможность говорить объ абсолютной обязательности приказа, каковая проповѣдывалась ранѣе Heeber'омъ, Damianitsch'емъ, Brenaler'омъ, Risom'омъ, Pfeil'емъ и др. У авторовъ, признающихъ условную отвѣтственность военно-служащихъ за исполненіе приказа начальника, какъ Dangelmaier (Die Militärverbrechen und Vergehen, s. 17, Philosophie, s. 82), безотвѣтственность подчиненнаго не допускается въ случаѣ объективной противозаконности приказа, т. е. запретности исполненія предписываемаго и для самого начальника, который приказываетъ. Вопросъ этотъ, такимъ образомъ, ложится въ область опредѣленія не самого принципа отвѣтственности, а главнымъ образомъ выраженія его въ законѣ достаточно опредѣленно. Построеніе его на объективномъ принципѣ преступности или переходъ на діаметрально противную систему субъективнаго сознанія таковой даетъ различный результатъ возможности уклоненія подчиненныхъ отъ наказанія въ зависимости отъ того, на какомъ началѣ остановился законодатель. Объективная отвѣтственность была проведена со всею послѣдовательностью нашими авторитетнѣйшими учрежденіями при составленіи уголовнаго уложенія. Именно этими соображеніями отстаивали введеніе въ законъ объективнаго принципа члены Петербургскаго юридич. общ. и Моск. юрид. общ., Калужск. прокуратуры, Воронежскаго окружнаго суда и др. (См. сводъ замѣч. т. III, стр. 230 и сл.). Къ сожалѣнію, новое уголовное уложеніе, принявъ объективный принципъ уголовной отвѣтственности при исполненіи преступнаго приказа, уменьшаетъ его значеніе указаніемъ на «явную» преступность учиненнаго въ 44 статьѣ. Въ военно-уголовномъ правѣ въ теоріи, къ сожалѣнію, совершенно обратной точки зрѣнія держатся наиболѣе авторитетные криминалисты. Такъ, проф. князь Друцкой въ своей книгѣ «Причины невмѣненія» высказывается за субъективный критерій отвѣтственности, выставляя основаніемъ вины подчиненнаго лишь «сознаніе» въ исполненіи имъ преступнаго приказа (стр. 192—196). Основаніемъ своихъ соображеній проф. Друцкой приводитъ ученіе о вмѣняемости, какъ сознаніи противозаконности совершаемаго, принятой и въ общеуголовномъ правѣ. Къ такому же выводу приходитъ и проф. Кузьминъ-Караваевъ, который идетъ даже далѣе, указывая, что общія условія и начала подчиненности могутъ дать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ возможность установить принципъ индивидуальной вины, сообразно съ психическими свойствами субъекта (стр. 287—289). Еще далѣе Кузьмина-Квраваева, въ смыслѣ установленія началъ субъективной отвѣтственности, идетъ Даміаничъ (См. его Studien, s. 74—75).

Ошибка всѣхъ указанныхъ криминалистовъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что они смѣшиваютъ понятіе «сознанія» и юридическій критерій вмѣняемости съ понятіемъ «невѣдѣнія», предусмотрѣннымъ въ 43 ст. уголовн. уложенія. На обстоятельство это было своевременно указано составителями угол. улож. совершенно исчерпывающе, и мы считаемъ достаточнымъ ограничиться ссылкой на соотвѣтственныя разсужденія въ объяснительной запискѣ т. I, стр. 364—365. Дѣйствующее военно-уголовное право рѣшаетъ вопросъ различно. Французскій кодексъ даетъ опредѣленіе характера приказа лишь въ особенной части ст. 218, устанавливая отвѣтственность только за нарушеніе приказовъ, касающихся «служебной обязанности». Кассаціонная же практика стремится понятіе служебной обязанности толковать весьма узко (см. рѣш. высш. воен. суда 28 окт. 1834 г.) Бельгійскій уставъ въ ст. 28 опредѣляетъ также понятіе приказа очень неудачно. Германскій уставъ становится совершенно ясно на объективную точку зрѣнія въ ст. 47, которая, подъ вліяніемъ обсужденія въ Рейхстагѣ, приняла на нашъ взглядъ вполнѣ правильную конструкцію, установивъ отвѣтственность подчиненнаго за исполненіе приказа, послѣдствіемъ исполненія котораго было дѣяніе, имѣвшее цѣлью совершеніе воинскаго или общегражданскаго преступленія или проступка. Неудачная терминологія германскаго кодекса, устанавливающая различныя понятія «служебнаго приказа» въ ст. 92, 94, 96, 113 и вслѣдствіе того вызывающая столько толкованій у теоретиковъ и практиковъ, не нарушая весьма важнаго принципа, въ немъ заложеннаго, могла бы послужить для новыхъ кодексовъ лишь основаніемъ къ болѣе точному опредѣленію содержанія служебнаго приказа. Австрійскій военно-уголовный кодексъ въ ст. 8, 145, 147, 149 также становится на объективную точку зрѣнія, а въ ст. 66 устава о внутренней службѣ даетъ вполнѣ точное указаніе на преступность приказа, коимъ предписывается совершеніе дѣянія, воспрещеннаго общимъ уголовнымъ закономъ. Изъ приведеннаго положенія вопроса въ дѣйствующемъ правѣ иностранномъ явствуетъ, что понятіе отвѣтственности за учиненное вслѣдствіе приказа, опредѣлено въ большинствѣ кодексовъ объективными признаками, и что во всѣхъ безъ исключенія военно-уголовныхъ кодексахъ Зап. Европы приказъ можетъ относиться лишь къ дѣламъ службы. Къ сожалѣнію, принятая новымъ воинскимъ уставомъ редакція ст. 37 не удовлетворяетъ ни одному изъ требованій, которыя надлежало включить, по нашему мнѣнію, въ опредѣленіе существа непреступнаго исполненія приказа. Законъ нашъ вводитъ основаніемъ субъективный критерій дѣятеля («если подчиненный не сознавалъ преступности дѣянія») и не даетъ опредѣленія служебнаго приказа. Отмѣченная нами отрицательная особенность ст. 37—это отсутствіе какого-либо болѣе точнаго опредѣленія «служебнаго приказа». Несомнѣнность значенія этого опредѣленія не могла укрыться и отъ составителей новаго устава, и среди членовъ комиссіи нѣкоторые, какъ напр.

проф. Друцкой, полагали необходимымъ опредѣлить понятіе служебнаго приказа (см. стр. 119 Об. зап.). Однако среди комиссіи было и столь крайнее мнѣніе, поддерживаемое между прочимъ пятью членами въ которомъ предлагалось признать непреступнымъ всякій приказъ исходящій отъ начальника хотя бы и внѣслужебный [1]). Мнѣніе это въ случаѣ его принятія отбросило бы насъ вообще за предѣлы правового порядка ко временамъ слѣпого внѣправового подчиненія. (Такіе взгляды въ Европѣ высказывались еще какъ рѣдкія исключенія въ научныхъ журналахъ, напр. Brauer'омъ, см. Der Gerichtssaal 1856 г., но потомъ уже не встрѣчаются совершенно).

Для того, чтобы убѣдиться, каковы были идеи представителей этой части составителей устава, мы приводимъ здѣсь предложенный ими проектъ соотвѣтственной статьи закона: «Не почитается преступнымъ ни дѣяніе, учиненное во исполненіе закона, ни дѣяніе, учиненное во исполненіе отданнаго начальникомъ приказа» (стр. 117 Об. зап.). При чемъ это правило устраняетъ въ отношеніи военно-служащихъ соотвѣтственную норму общеуголовнаго закона (ст. 44). Большинство комиссіи, правда, не остановилось на этомъ мнѣніи, но пошло по компромиссному пути, не опредѣливъ въ законѣ содержаніе служебнаго приказа, и перенесло центръ тяжести отвѣтственности въ субъективное состояніе общаго пониманія исполнителя приказа (см. ст. 120 Об. зап.). Такъ и создалась весьма, по нашему мнѣнію, несовершенная конструкція ст. 37, гласящей: «не почитается преступнымъ ни дѣяніе, учиненное во исполненіе закона, ни дѣяніе, учиненное во исполненіе приказа, если приказъ былъ данъ по службѣ или почитался подчиненнымъ за таковой, и если подчиненный не сознавалъ преступности предписываемаго дѣянія». Такимъ образомъ вопросъ о служебности приказа и возможность отвѣтственности подчиненныхъ за исполненіе подчасъ вопіющихъ преступныхъ приказовъ начальника снова уходитъ изъ болѣе или менѣе точныхъ рамокъ закона, представляясь случайной и весьма измѣнчивой практикѣ судовъ, имѣющихъ дѣло съ конкретными фактами.

Дальнѣйшія весьма важныя постановленія устава касаются вопроса о необходимой оборонѣ и на нашъ взглядъ разрѣшены весьма неудовлетворительно. Обращаясь къ положенію вопроса въ иностранномъ военно-уголовномъ правѣ, прежде всего необходимо отмѣтить, что кодексы наиболѣе значительныхъ военныхъ державъ Европы не только не содержатъ какихъ-либо ограниченій права обороны, но даже не содержатъ объ этомъ какихъ-либо постановленій, предоставляя мѣсто опредѣленіямъ о необходимой оборонѣ соотвѣтственныхъ уголовныхъ уложеній. Таковы законодательства Германіи (§ 2 и 10) и Франціи. Военныя же законодательства Австріи (ст. 3), Швейцаріи (ст. 31), Италіи (ст. 134)

[1]) См. объ этомъ 119 стр. Об. Зап.

содержатъ полное и ничѣмъ не ограничиваемое опредѣленіе благъ, подлежащихъ оборонѣ, относя сюда жизнь, свободу, честь, имущество, а австрійское и итальянское—и тѣлесную неприкосновенность. Ко всему изложенному необходимо добавить, что всѣ в.-уголовные кодексы безъ исключенія предусматриваютъ необходимую оборону не только обороняющагося, но и другихъ лицъ. Самое превышеніе необходимой обороны облагается незначительными наказаніями въ однихъ (австрійскій кодексъ—не болѣе года строгаго ареста, ст. 549) и можетъ оставаться безнаказаннымъ въ другихъ при опредѣленныхъ условіяхъ; такъ, напримѣръ, швейцарскій проектъ воен.-угол. кодекса (§ 18 п. 2) знаетъ полное невмѣненіе при наличности превышенія обороны изъ чувства страха, вызваннаго нападеніемъ. Таково положеніе вопроса въ иностранномъ правѣ, гдѣ никакія соображенія объ «охраненіи дисциплины», «охраненіи субординаціи и авторитета начальства» не помѣшали распространенію на армію никѣмъ не оспариваемаго, извѣчнаго блага необходимой обороны. Тотъ единственный жупелъ, которымъ у насъ еще заклинаютъ вторженіе въ армію началъ правового строя противники закономѣрности въ ея средѣ, ни въ одномъ изъ великихъ государствъ Запада не разрушилъ единства правового тождества охраненія величайшихъ благъ современныхъ гражданъ общимъ и арміи и гражданскому обществу уголовно-правовымъ принципомъ.

Не то, конечно, оказалось у насъ. Положенія 38 ст. новаго воинскаго устава допускаютъ необходимую оборону съ значительнымъ изувѣченіемъ началъ, принятыхъ 45 ст. уголовнаго уложенія. Уставъ допускаетъ оборону только противъ посягательствъ, угрожающихъ лишеніемъ жизни или тѣлеснымъ поврежденіемъ самому защищавшемуся. Уставъ знаетъ и дальнѣйшія изъятія изъ общихъ началъ необходимой обороны, устанавливаемыхъ уложеніемъ о наказаніяхъ, допуская оборону лишь членовъ семьи подчиненнаго или оборону высшаго въ порядкѣ подчиненности начальника или старшаго. При этомъ уставъ здѣсь даетъ болѣе широкое право обороны, вводя въ число благъ, подлежащихъ охраненію, еще и «насиліе надъ личностью» подвергшагося нападенію (38^1). Изъ изложеннаго видно, въ какой мѣрѣ далеки вносимыя новымъ уставомъ нововведенія отъ правильнаго рѣшенія вопроса о необходимой оборонѣ. Принимая во вниманіе, что члены семьи подчиненнаго и высшій въ порядкѣ подчиненности начальникъ охраняются болѣе широко, чѣмъ самъ обороняющійся, приходится видѣть здѣсь совершенную перестановку уголовной перспективы и нарушеніе основныхъ началъ теоріи обоснованія института необходимой обороны. Охраняемое уставомъ право обороны лицъ, указанныхъ въ 38^1 ст., ставитъ на очередь еще и весьма спорный вопросъ о томъ, можетъ ли подчиненный защищаться противъ посягательствъ на его тѣлесную неприкосновенность, не сопровождавшихся тѣлесными поврежденіями, напр. противъ побоевъ. Изъ сопоставленія текстовъ

статей 38 и 38[1] выходитъ, что не можетъ, и это одно обстоятельство дѣлаетъ блага новаго закона весьма проблематичными. Въ то время, какъ иностранное законодательство предвидѣло эту опасность и спеціально о ней упоминаетъ, таковъ напр. 134 art. Codice penale per l'esercito итальянцевъ, умолчаніе нашего новаго закона является весьма знаменательнымъ. Правда, изъ мотивовъ комиссіи (стр. 123) явствуетъ, что законъ предусматриваетъ вообще охраненіе «тѣлесной неприкосновенности личности подчиненнаго», но уже самая замѣна слова тѣлесная неприкосновенность проекта «тѣлеснымъ поврежденіемъ» закона свидѣтельствуетъ о весьма ясномъ возвратѣ къ началамъ благополучно здравствующей 71 ст. дѣйствующаго устава. Нельзя не высказать самой глубокой печали за такое рѣшеніе вопроса о необходимой оборонѣ. По условіямъ быта нашей арміи предоставленіе права подчиненному обороняться противъ побоевъ начальства могло бы вывести изъ употребленія несчастный обычай рукоприкладства и насилія надъ личностью, съ которыми приходится въ силу извѣстныхъ процессуальныхъ законовъ сравнительно рѣдко сталкиваться на практикѣ военно-окружнымъ судамъ. Къ сожалѣнію, до суда доходитъ едва ли не тысячная доля случаевъ, фактически имѣющихъ мѣсто въ военномъ быту, и, такимъ образомъ, законъ нашъ сознательно отказывается отъ могучаго уголовно политическаго средства правового воздѣйствія на пороки бытовой обстановки, съ которыми судъ призванъ бороться самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Въ результатѣ вся область благъ защиты свободы, чести, имущества оказалась внѣ сферы дѣйствій «борьбы за право» подчиненныхъ, а въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ новаго закона имѣются самыя неожиданныя противорѣчія. Въ частности, обращаясь къ вопросу о правѣ защиты «высшихъ въ порядкѣ подчиненности начальниковъ», мы не думаемъ, чтобы нашелся криминалистъ, который могъ бы какимъ бы то ни было способомъ оправдать юридическую конструкцію закона, по коей капитанъ, напр., видя противозаконное посягательство своего вооруженнаго батальоннаго командира на подчиненнаго ему поручика беззащитнаго, обязанъ стоять неподвижно, не пытаясь даже придти къ нему на помощь. Мотивы, высказанные большинствомъ комиссіи по этому вопросу, весьма интересны: по мнѣнію части членовъ комиссіи, отраженіе посягательства начальника, «грозящаго не самому подчиненному..., являлось бы ничѣмъ не оправдываемымъ вмѣшательствомъ его въ дѣйствія начальника, тѣмъ болѣе недопустимымъ, что, при развитомъ въ арміи чувствѣ товарищества, такая защита другихъ лицъ нерѣдко могла бы служить поводомъ къ коллективному противодѣйствію начальнику цѣлыхъ группъ военно-служащихъ» (стр. 125). Большинство же, признавая право обороны только высшихъ начальниковъ, не допускало его для низшихъ, ибо это, «въ особенности въ случаяхъ столкновенія между офицерами и начальниками изъ нижнихъ чиновъ, являлось бы полнымъ отрица-

ніемъ авторитета начальствующихъ лицъ» (стр. 126). Намъ кажется, что созерцаніе истязанія старшимъ или начальникомъ младшаго или подчиненнаго въ присутствіи массы его подчиненныхъ, не смѣющихъ придти къ нему на помощь, создаетъ неизмѣримо большее отрицаніе авторитета начальника и болѣе важное нарушеніе принципа товарищества и солидарности, о которомъ заботилась часть членовъ редакціонной комиссіи. Что же касается чисто-военныхъ интересовъ, то насколько они соотвѣтствуютъ пониманію части членовъ комиссіи, свидѣтельствуетъ суворовская аксіома: «самъ погибай, товарищей выручай». Весьма любопытная судьба постигла также правила о превышеніи необходимой обороны. Мы отмѣчали уже выше, какъ относится къ этому вопросу иностранное военно-уголовное законодательство, и нельзя не указать, что и комиссія по составленію проекта считалась съ этимъ важнымъ моментомъ.

Часть членовъ комиссіи предложила весьма серьезное пониженіе кары за превышеніе необходимой обороны, учитывая соотвѣтственныя положенія уголовнаго уложенія. Хотя предложеніе это и не встрѣтило сочувствія большинства членовъ комиссіи, но тѣмъ не менѣе было постановлено внести въ ст. 46 проекта объ обязательномъ смягченіи судомъ наказанія въ этихъ случаяхъ, въ предѣлахъ, указанныхъ ст. 53 угол. уложенія и 43 ст. проекта, Къ сожалѣнію, и эти скромныя пожеланія были отвергнуты гл. воен. судомъ, и вопросъ о превышеніи необходимой обороны отданъ всѣмъ случайностямъ судебной практики. Мы должны замѣтить, что этотъ неудачный исходъ въ конструкціи столь важнаго вопроса уголовнаго права прошелъ не безъ борьбы въ комиссіи. Вся профессорская часть ея высказалась самымъ рѣшительнымъ образомъ за полное осуществленіе началъ 45 ст. уголовн. уложенія и въ воинскомъ уставѣ. Противъ этого были выдвинуты остальными членами комиссіи обычныя соображенія о необходимости охраненія авторитета начальника и «интересовъ воинской дисциплины» (стр. 123, 126). Изъ текста закона видно, что восторжествовала военно-обывательская точка зрѣнія надъ научной, и соотвѣтственныя положенія нашего устава снова весьма далеки отъ совершенства. Насколько неправильны основанія изъятій отъ общихъ началъ необходимой обороны, принятыхъ въ основаніе новымъ закономъ, можетъ служить маленькая историческая справка. Древнѣйшій памятникъ новаго военнаго періода русской исторіи, Артикулъ Воинскій (ст. 157), не содержалъ никакихъ изъятій въ правѣ необходимой обороны для обороны военно-служащихъ противъ начальниковъ (за исключеніемъ словесныхъ обидъ, ст. 24). Пришедшій ему на смѣну уставъ военно-уголовный 1839 г. въ 109, 113 и 114 ст.ст. повторялъ почти полностью постановленія Воинскаго Артикула. Указанныя статьи не заключали никакихъ принципіальныхъ изъятій отъ соотвѣтственныхъ положеній ст. 133 и 134 XV тома свода законовъ 1832 г. Такимъ образомъ, все славное прошлое нашей военной исторіи было противъ указаннаго выше рѣшенія вопроса.

Обращаясь къ изслѣдованію ученія о наказаніи въ общей части устава, приходится прежде всего отмѣтить, что ужасъ нашего времени, смертная казнь, осталась въ немъ попрежнему и попрежнему же въ двухъ видахъ — повѣшенія и разстрѣлянія. Обращаясь кь положенію вопроса на Западѣ, прежде всего необходимо установить, что смертная казнь вовсе не является спеціальной принадлежностью военно-уголовныхъ кодексовъ и не заполняетъ ихъ во что бы то ни стало. Въ этомъ отношеніи блистательнымъ примѣромъ является Германія, гдѣ огромная и дисциплинированная армія можетъ обходиться въ мирное время безъ примѣненія смертной казни. Но и въ литературѣ вопроса далеко не всѣ теоретики высказываются въ пользу ея существеванія въ арміи. Къ числу ея безусловныхъ противниковъ можно отнести Kleeman'a («Heeresstrafrecht», S. 139 и сл.), Rouingar'a («Les crimes militaires et la peine de morte», p. 348 и сл.), Kirstein'a («Militärrechtliche Abhandlungen» S.S. 248—279) и многихъ другихъ. У насъ къ ея безусловнымъ противникамъ можно отнести проф. Друцкого и Кузьмина-Караваева. Но и среди теоретиковъ, допускающихъ существованіе смертной казни въ военномъ кодексѣ, она принимается нѣкоторыми изъ нихъ съ большими оговорками. Такъ, австрійскій ученый Weisl полагаетъ, что въ мирное время «невозможно вводить различные критеріи стыда и позора въ отношеніи жизни гражданина въ арміи и внѣ ея». Таково же мнѣніе Гауклера, который, допуская существованіе смертной казни въ принципѣ, отводитъ ей совершенно ограниченное примѣненіе только на полѣ сраженія, въ непосредственной близости къ непріятелю, при невозможности «переслать обвиняемаго въ тылъ арміи» (см. Das Problem des Heeresstrafr echts und streitlichter über die Militärstrafrechtspflege, S. 95 и сл.).

Наконецъ, Sortais ужасается передъ позоромъ палачества тѣхъ изъ военно-служащихъ, коимъ придется коллективно участвовать въ исполненіи смертной казни надъ своими же товарищами (Des délits militaires et de leur répression, p. 165).

Вглядываясь въ прошлое нашей арміи, необходимо отмѣтить, что въ эпоху 19 столѣтія фактическое примѣненіе смертной казни было въ нашей арміи большой рѣдкостью. Такъ, по Фалѣеву за время 1812—1832 г.г. совершили наиболѣе тяжкія воинскія преступленія 13 офицеровъ и 140 нижнихъ чиновъ. Изъ нихъ подверглись въ дѣйствительности казни 2 офицера и 7 нижнихъ чиновъ (Фалѣевъ—Цѣли воинск. наказ., стр. 294 и сл.). Если припомнить, что во Франціи, напр., по словамъ Tallefer, смертная казнь фактически осуществлялась надъ 12 человѣками въ среднемъ каждый годъ, станетъ яснымъ, какъ мало вытекала изъ существа русскаго военнаго правосудія ужасная репрессія смертной казни. При обсужденіи вопроса о проведеніи смертной казни въ кодексъ, мнѣнія членовъ комиссіи раздѣлились: два члена указывали, что если въ воинскомъ уставѣ, по условіямъ военнаго быта, будетъ признано необходимымъ примѣнить разстрѣляніе, то нужно

принять его въ качествѣ единственнаго вида смертной казни для военнослужащихъ, примѣняя его лишь за воинскія преступленія, для общихъ же преступленій они оставили повѣшеніе. Въ качествѣ мотивовъ такого мнѣнія приводился установившійся взглядъ общества на большую позорность повѣшенія, нежели разстрѣлянія. Въ противовѣсъ этому мнѣнію два другихъ члена высказались рѣшительно противъ казни черезъ разстрѣляніе въ военномъ правѣ, замѣнивъ разстрѣлъ повѣшеніемъ. Мотивами съ этой стороны были соображенія невозможности заставлять военнослужащихъ противъ воли играть роль палача (стр. 75). И, наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить взглядъ двухъ членовъ на разстрѣляніе, какъ на пережитокъ той эпохи уголовнаго правосудія, когда впереди всѣхъ цѣлей кары законодателемъ ставился устрашающій примѣръ. Въ концѣ концовъ возобладало мнѣніе большинства комиссіи, признавшаго возможность примѣнять тотъ и другой видъ смертной казни. Въ уставѣ смертная казнь прошла окончательно послѣ обсужденія проекта въ гл. воен. судѣ въ видѣ обоихъ видовъ умерщвленія, но введенъ еще особый видъ смертной казни, не сопровождаемой праволишеніями, за чисто-воинскія преступленія, безъ корыстныхъ цѣлей совершенныя; въ этихъ случаяхъ смертная казнь назначается исключительно черезъ разстрѣляніе (стр. 19 и 28). Описавъ всѣ перипетіи оставленія у насъ въ кодексѣ этого ужаснаго наказанія, мы отъ себя можемъ съ глубокой грустью признать самый фактъ его существованія позорящимъ кодексъ и пожелать, чтобы насталъ наконецъ день, когда всѣ споры о томъ, какой видъ казни лучше, замѣнятся единымъ понятіемъ великой цѣнности человѣческой жизни.

Изъ военно-исправительныхъ наказаній обращаетъ на себя вниманіе измѣненіе въ срокахъ заточенія въ крѣпости отъ 6—15 лѣтъ вмѣсто отъ 10—20 лѣтъ, значащееся по дѣйствующему уставу. Основаніемъ уменьшенія указанныхъ сроковъ послужило то соображеніе, что наказаніе это замѣняетъ въ извѣстныхъ случаяхъ ссылку въ каторжныя работы, почему и по срокамъ оно должно быть тяжелѣе исправительнаго дома.

Подверглось измѣненію также заключеніе въ крѣпости, которое теперь вмѣсто опредѣляемыхъ ранѣе ст. 24 и 25 XXII кн. с. в. п. отъ 2-хъ мѣсяцевъ до 4-хъ лѣтъ, примѣнительно къ 19 ст. угол. улож., продолжено до 6 лѣтъ, а начальный срокъ также увеличенъ до 6 мѣсяцевъ «въ видахъ установленія болѣе рѣзкаго различія между заключеніемъ въ крѣпости и на гауптвахтѣ» (стр. 79 об. зап.).

Значительныя измѣненія претерпѣла ст. 49 XXII кн. с. в. п. Правда, сроки пребыванія въ дисциплинарныхъ войскахъ остались почти тѣ же, только минимальный срокъ дѣйствующаго устава пониженъ до 6 мѣсяцевъ, максимальный же оставленъ тотъ же 3 года. Конечно, это обстоятельство иначе нельзя опредѣлить, какъ печальный консерватизмъ закона. Уже давно въ военной средѣ раздавались нареканія на переполненіе дисциплинарныхъ частей,

на отвычку нижнихъ чиновъ отъ несенія службы въ нормальной обстановкѣ и особенно отъ своей спеціальности (кавалерія, инженерныя войска и артиллерія—всѣ подвергаются режиму пѣхотнаго обученія) и т. д.

Эти же соображенія были выдвинуты частью членовъ комиссіи, предложившихъ сократить срокъ пребыванія въ дисциплинарныхъ частяхъ до 2-хъ лѣтъ, но большинство комиссіи отвергло эти соображенія и, выдвинувъ нѣкоторыя чисто техническія положенія, срокъ оставило тотъ же [1]). Зато, въ отличіе отъ существующей практики, по коей въ извѣстныхъ случаяхъ судами назначалось заключеніе въ дисциплинарной части до 6 лѣтъ, было признано необходимымъ отказаться отъ существующаго порядка.

Вслѣдствіе этого ст. 23 воинскаго устава вводитъ опредѣленный минимумъ пребыванія въ дисциплинарной части—6 мѣсяцевъ, по истеченіи коихъ лица, окончившія сроки дѣйствительной службы, переводятся для дальнѣйшаго отбыванія наказанія въ тюрьму гражданскаго вѣдомства.

Таково было положеніе дѣла до весны текущаго года, когда Государственной Думой былъ принятъ и одобренъ среди безчисленныхъ вермишельныхъ трудовъ законопроектъ, весьма сильно отягощающій положеніе осужденныхъ на заключеніе въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ нижнихъ чиновъ. Одобреннымъ проектомъ отмѣняется 84 статья XVII кн. с. в. п. На смѣну правиламъ этой статьи, благополучно существовавшимъ въ нашей арміи съ 1878 года, приходитъ отнынѣ новое, по коему время содержанія нижнихъ чиновъ подъ стражей, въ случаяхъ присужденія ихъ къ наказаніямъ, превышающимъ дисциплинарную отвѣтственность, не засчитывается имъ въ срокъ дѣйствительной службы и только не исключается изъ общаго служебнаго срока. Принятымъ Думой проектомъ упраздняются и льготные зачеты сроковъ заключенія, установленные 39 и 146 ст.ст. временнаго положенія о военныхъ тюрьмахъ, равно какъ и 1123 ст. воен. судебн. устава. Такъ какъ вновь принимаемыми правилами все населеніе страны обрекается на крайне тяжелую урѣзку его личныхъ правъ, гл. воен. суд. управленіе попыталось по возможности обосновать этотъ новый видъ ущемленія всѣхъ отбывающихъ воинскую повинность русскихъ гражданъ.

Доказательства такой нужды составители законопроекта пытались найти въ двухъ направленіяхъ: во первыхъ, необходимость подражать Западу, гдѣ подобное правило существуетъ во всѣхъ законодательствахъ крупныхъ военныхъ державъ, и, во—вторыхъ, необходимость возвращать нижняго чина снова въ строй для продолженія обученія военному дѣлу, которое нужно закончить во что бы то ни стало.

---

[1]) (См., напримѣръ, законодательство Бельгіи, гдѣ нормальный максимумъ заключенія въ дисциплинарныхъ частяхъ не превышаетъ 11 мѣсяцевъ).

При первой же попыткѣ подвергнуть объективной оцѣнкѣ эти основы тяжкаго ограниченія, легко убѣдиться, какъ мало основаній было у руководителей гл. в. суд. управленія къ предложенію такой суровой мѣры. Прежде всего сваливаніе въ одну общую кучу всѣхъ военно-тюремныхъ законодательствъ Западной Европы мало пригодно. Указанная въ объяснительной запискѣ, какъ примѣръ, Бельгія устанавливаетъ нормальный срокъ дисциплинарнаго заключенія не выше 11 мѣсяцевъ, тогда какъ у насъ онъ нормально равняется въ максимумѣ 3 годамъ. При этихъ условіяхъ вычетъ изъ времени службы для бельгійца будетъ означать одно лишеніе, а для русскаго—иное. Ссылаться кромѣ того на западно-европейскія законодательства въ данномъ случаѣ вообще не доказательно, такъ какъ австрійское и французское военно-уголовныя законодательства, напримѣръ, столь полны вопіющихъ противорѣчій съ жизнью, что въ обѣихъ странахъ вопросъ ихъ коренной реформы—вопросъ насущной злободневности, а режимъ французскихъ военно-тюремныхъ заведеній всѣми изслѣдователями безъ различія направленій признается совершенно непригоднымъ.

При добромъ желаніи руководителей вѣдомства, изъ арсенала западно-европейскихъ военныхъ порядковъ можно набрать и новыхъ не менѣе ядовитыхъ скорпіоновъ для русской арміи и за образцами ходить далеко не приходится. Въ Германіи, напримѣръ, для лицъ отбывающихъ наказанія въ дисциплинарныхъ частяхъ, могутъ быть назначаемы безъ суда кары одиночнаго заключенія до 3 лѣтъ. Что же, можетъ быть, подражая германскому образцу, гл. воен. суд. управленіе и намъ предложитъ ввести ту же мѣру? Въ Австріи и Италіи существуетъ институтъ приковыванія къ стѣнѣ заключенныхъ и на низшіе сроки, составляющій формальную пытку. Неужто этотъ видъ кары будетъ признанъ заслуживающимъ также подражанія? Наконецъ, для всей Европы вопросъ о незачетѣ сроковъ заключенія стоитъ гораздо болѣе тяжело, чѣмъ для насъ. Во всѣхъ перечисленныхъ въ объяснительной запискѣ странахъ срокъ дѣйствительной службы равенъ 2-мъ годамъ, у насъ онъ составляетъ 3 года въ пѣхотѣ и даже 4 въ войскахъ спеціальныхъ.

Но главное несовершенство внесенаго гл. в. суд. управленіемъ этого печальнаго проекта составляетъ полное презрѣніе къ началамъ научной теоріи военно-уголовнаго права, какъ и къ началамъ науки уголовнаго права вообще. Въ принятомъ Думой проектѣ отвергается очевидная для науки военно-уголовнаго права истина, что наказаніе воинское должно отличаться спеціальными особенностями отъ общеуголовнаго, и что единственная цѣль кары здѣсь должна заключаться въ подготовкѣ и воспитаніи воли военно-служащихъ методами, которыми общія условія военнаго быта не располагаютъ. Слѣдовательно заключеніе въ дисциплинарныхъ частяхъ не только не должно сопровождаться утратой военнослужащими пріобрѣтенныхъ навыковъ, но наиболь-

шимъ развитіемъ ихъ при помощи надлежащаго руководительства выдающимися представителями командначго состава. Такъ именно вопросъ этотъ и разрѣшается въ Бельгіи, гдѣ инструктора дисциплинарныхъ частей выбираются изъ лучшихъ офицерскихъ и унтеръ-офицерскихъ чиновъ арміи, и гдѣ въ отношеніи руководителей офицеровъ устанавливаются совершенно исключительныя преимущества службы. Вмѣсто совсѣмъ неубѣдительныхъ жалобъ на недостаточность служебныхъ навыковъ для лицъ, подлежащихъ содержанію въ дисциплинарныхъ частяхъ, нашему военно-судебному вѣдомству довольно было бы перенести къ намъ, подчиняясь столь дорогому инстинкту подражанія, §§ 53 и 54 бельгійскаго устава, по коему въ дисциплинарныхъ частяхъ проходятъ всѣ тѣ отдѣлы строевой службы, что и въ частяхъ арміи безпорочной. Но, увы, рокъ, тяготѣющій надъ нашимъ военно-судебнымъ вѣдомствомъ, имѣетъ ту печальную особенность, что подражаніе вліяетъ у насъ тамъ, гдѣ оно наименѣе полезно. Отчего бы, напримѣръ, не подражать германскому военно-судебному законодательству и не установить у насъ гарантій несмѣняемости и независимости судей?

До какой степени легко и упрощенно гл. в. с. упр. ссылается на Западную Европу можетъ служить доказательствомъ слѣдующій примѣръ. По австрійскому кодексу пребываніе въ керкеръ вычитается изъ времени службы, а сроки заключенія въ керкеръ доходятъ до 20 лѣтъ. Такимъ образомъ, возвращеніе въ строй нижняго чина свыше 40 лѣтняго возраста является вполнѣ возможнымъ послѣдствіемъ принятой австрійскимъ законодательствомъ системы. Мы не думаемъ, чтобы нашелся хоть одинъ военно-служащій, который призналъ бы этотъ пріемъ зачета сообразнымъ съ интересами военной службы. Тѣмъ не менѣе Австрія тоже значится въ объяснительной запискѣ въ числѣ странъ, достойныхъ подражанія.

Въ довершеніе всего принятымъ проектомъ законодатель ставитъ свое новое пониманіе интересовъ военной службы въ коренное противорѣчіе съ имъ же самимъ совсѣмъ недавно провозглашеннымъ началомъ совершенно обратнаго характера. Въ приказѣ по военному вѣдомству 1910/597 было установлено правило, коимъ всѣ нижніе чины, отбывающіе наказанія въ дисциплинарныхъ батальонахъ, увольняются въ запасъ одновременно съ ихъ сверстниками и доканчиваютъ отбываніе наказанія въ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства. Съ 1910 года немного времени протекло и ничто не измѣнилось, чтобы законодателю приходилось мѣнять свой взглядъ на діаметрально противоположный.

Принятый Думой проектъ возвращаетъ насъ къ старому дореформенному строю, при коемъ военная служба считалась наказаніемъ, и въ нее сдавали лицъ порочныхъ. Лица наказанныя, возвращаясь вновь въ строй, внесутъ туда озлобленіе и сознаніе, что отбываютъ новую кару, населеніе страны испытаетъ чувство тяжелаго недоумѣнія. Четвертая Дума, конечно, вѣрна

себѣ: не продумавъ, не провѣривъ, не справившись съ научными воззрѣніями, она принимаетъ очередное ограниченіе и безъ того ничтожныхъ правъ русскихъ гражданъ. Она принимаетъ реформы, начатыя съ другого конца, и вмѣсто реорганизаціи военно-тюремныхъ заведеній колеблетъ начала воинскаго наказанія, выработанныя наукой. Положеніе, къ несчастью—естественное, ибо сама 4-ая Государственная Дума—продуктъ аналогичной реформы, когда вмѣсто реорганизаціи государственной системы, обнаружившей свою несостоятельность, русское общество тоже вновь вернули «на службу» актомъ 3-го іюня.

Въ выгодную сторону измѣнились и въ дѣйствующемъ уставѣ сроки давности. Исходя изъ вполнѣ правильнаго взгляда, что по чисто воинскимъ преступленіямъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ формальнаго характера, забвеніе происшедшаго наступаетъ значительно скорѣе, чѣмъ въ преступленіяхъ общеуголовныхъ, комиссія провела въ новомъ уставѣ значительно болѣе сокращенные сроки по сравненію съ принятыми въ уголовномъ уложеніи.

Сокращеніе это наглядно подтверждается приводимой ниже таблицей.

	Уставъ воинскій.	Угол. Уложеніе.
Максим.	10 л.	15 л.
Тяжк. преступл.	8 л.	10 л.
Исправ. домъ.	5 л.	8 л.
Разж. въ рядов., закл.		
Въ крѣп. или дисципл. части. .	3 г.	—
Преступленія	1 г.	3 г.
Проступки.	6 мѣс.	1 г.

Неблагопріятный исходъ, къ сожалѣнію, получило рѣшеніе злосчастнаго вопроса о нераспространеніи давности на побѣгъ, принятой въ 93 ст. дѣйствующаго устава. Отличаясь въ весьма невыгодную для насъ сторону отъ всѣхъ иностранныхъ военно-уголовныхъ кодексовъ и не будучи ни въ какой мѣрѣ обусловлена логическими доводами, мѣра эта была трудно понимаемымъ законодательнымъ анахронизмомъ. Въ результатѣ практика нашихъ судовъ иногда должна была сталкиваться съ необходимостью судить за побѣгъ лицъ, достигшихъ шестидесятилѣтняго возраста. Комиссія, принимая во вниманіе всѣ указанныя выше соображенія, установила въ принципѣ давность для побѣга, опредѣливъ начальнымъ срокомъ теченія давности день окончанія дѣйствительной службы виновнаго (стр. 199). Къ несчастію, это совершенно правильное и логичное заключеніе комиссіи подверглось полному измѣненію при обсужденіи проекта въ г. в. судѣ. Здѣсь начальный моментъ давности отодвинулся до окончательнаго пребыванія въ запасѣ для офицеровъ и чиновниковъ и дня окончанія срока пребыванія въ ополченіи для нижнихъ чиновъ. Если вспомнить, что срокъ этотъ равняется 43-хъ лѣт-

нему возрасту, то станетъ ясно, что новое положеніе о давности на практикѣ остается старымъ.

Только тамъ, гдѣ можно было вводить улучшенія чисто механически, возможно признать дѣйствительными улучшенія новаго устава. Такъ, старая лѣстница наказаній исчезаетъ такъ же, какъ исчезаетъ и вся та группа наказаній, которая заключалась въ спеціальномъ ограниченіи и лишеніи правъ и преимуществъ, изъ службы вытекающихъ (ст. 3 устава). Отдѣлъ второй воинскаго устава, устанавливающій пространство дѣйствія новаго закона, восполняетъ недостатки дѣйствующаго устава, который совершенно умалчивалъ объ этомъ обстоятельствѣ, оставляя разрѣшеніе проблемы весьма неполнымъ постановленіямъ воен.-суд. устава и соотвѣтственнымъ опредѣленіямъ устава о воинской повинности. Однако, такъ какъ пространство дѣйствія военно-уголовныхъ законовъ матеріальныхъ и процессуальныхъ при общей конструкціи нашего законодательства совпасть не могутъ, то уже потому постановленія второго отдѣла новаго устава, восполняющія этотъ недостатокъ, являются удовлетвореніемъ давно назрѣвшей необходимости.

Положенія ст. 5—7 устава воспроизводятъ соотвѣтственныя постановленія, выработанныя практикой, но, къ сожалѣнію, редакція статьи 5-ой устава, опредѣляющей объемъ дѣйствія въ отношеніи воинскихъ чиновъ, гораздо менѣе опредѣленна, нежели соотвѣтственная редакція ст. 5 проекта.

Уставъ ничего не говоритъ о распространеніи дѣйствія матеріальнаго закона на чиновъ пограничной стражи, корпуса жандармовъ и карантинной стражи, тогда какъ въ проектѣ это было выражено съ полной опредѣленностью. Статья 6 устава предоставляетъ рѣшеніе этого вопроса соотвѣтственнымъ положеніямъ объ этихъ частяхъ, но легко видѣть, что трудности не уменьшаются, если нерѣшенный вопросъ въ одномъ кодексѣ относитъ рѣшеніе его къ другому закону, гдѣ оно такъ же можетъ не найти себѣ мѣста. Извѣстно, что въ отношеніи корпуса жандармовъ распространеніе на него матеріальнаго воен.-угол. закона въ полномъ объемѣ до сихъ поръ держится на рѣш. г. в. суда $^{84}/_{133}$, и, сколько намъ извѣстно, никакихъ организаціонныхъ измѣненій въ этомъ отношеніи до сихъ поръ не имѣется. Точно также и примѣненіе воинскаго устава къ чинамъ карантинной стражи держится на весьма неполномъ и спорномъ въ этомъ отношеніи содержаніи 1112—1184 ст. устава врачебнаго, XIII т. св. зак. То же слѣдуетъ сказать о чинахъ пограничной стражи, о коихъ имѣется только чисто процессуальное постановленіе ст. 244 в. с. уст.

Принимая во вниманіе все сказанное, нельзя не пожалѣть, что, по совершенно непонятнымъ соображеніямъ, вполнѣ ясныя правила проекта комиссіи замѣнились неяснымъ и темнымъ содержаніемъ ст. 6 устава.

Весьма важнымъ является опредѣленіе въ новомъ уставѣ, въ

соотвѣтствіи со статьей 247 в. с. у., пространства дѣйствія матеріальнаго права въ отношеніи многочисленныхъ воинскихъ чиновъ, занимающихъ самыя разнообразныя должности по государственной и общественной службѣ. Сюда подойдутъ губернаторы, управляющіе удѣльными имѣніями, Императорскими театрами, градоначальники, полицеймейстеры и прочія лица, по существу своихъ обязанностей не имѣющія ни малѣйшаго отношенія къ военной службѣ. Отвѣтственность ихъ до сихъ поръ не получила надлежащей обрисовки въ законѣ, и на практикѣ возникали многочисленныя затрудненія въ истолкованіи и примѣненіи къ нимъ уголовныхъ законовъ. Уставъ опредѣляетъ нынѣ ихъ отвѣтственность по военно-уголовнымъ законамъ за всѣ воинскія преступныя дѣянія, «кромѣ нарушенія подчиненности по службѣ гражданской и общественной» (ст. 12).

Въ отношеніи начальнаго и конечнаго момента дѣйствія воен.-уголовныхъ законовъ уставъ далъ въ общемъ правильную конструкцію. Началомъ дѣйствительной службы уставъ опредѣляетъ для жеребьевыхъ нижнихъ чиновъ время явки на сборный пунктъ (моментъ этотъ опредѣленъ и новымъ уставомъ о воинской повинности ст. 177 по редакціи закона 27 ію я 1912 года), а для вольноопредѣляющихся, охотниковъ и сверхсрочно служащихъ время зачисленія на службу въ части состоящимъ налицо. Въ отношеніи офицеровъ и чиновниковъ начальнымъ моментомъ признается время объявленія имъ о принятіи на службу подлежащимъ воинскимъ начальникомъ или другой властью. Необходимо отмѣтить, что въ послѣднемъ случаѣ мы снова видимъ ничѣмъ не оправдываемое искаженіе гл. воен. судомъ первоначальныхъ вполнѣ ясныхъ постановленій проекта. Въ соотвѣтственной статьѣ 8 проекта говорилось «объ объявленіи въ Высочайшемъ приказѣ о принятіи на службу»; въ отношеніи же запасныхъ офицеровъ былъ установленъ признакъ «прибытія ихъ къ войскамъ». Теперешнія постановленія устава, ничего не прибавляя въ ясности, снова заставляютъ искать рѣшенія вопроса въ подлежащихъ организаціонныхъ законахъ. Окончаніемъ дѣйствительной службы въ отношеніи нижнихъ чиновъ уставъ опредѣляетъ для тѣхъ, кто подлежитъ явкѣ воинскому начальнику, роспускъ ихъ послѣднимъ, для необязанныхъ явкой (напр., запасныхъ мобилизованныхъ) моментъ отправленія ихъ изъ части или управленія. Для офицеровъ или гражданскихъ чиновниковъ окончаніе службы считается съ момента объявленія объ этомъ въ приказѣ по части.

Въ дальнѣйшихъ постановленіяхъ устава обращаетъ на себя наше вниманіе распространеніе его дѣйствія по преступленіямъ неявки въ срокъ на службу на новобранцевъ, принятыхъ воинскими присутствіями, и на чиновъ запаса и государственнаго ополченія, призванныхъ на дѣйствительную службу, на нижнихъ чиновъ, уволенныхъ въ продолжительный отпускъ по разстроенному здоровью, и на причинившихъ себѣ поврежденія здоровья въ цѣляхъ уклоненія отъ военной службы, а также на новобран-

цевъ, принятыхъ въ присутствіи или подлежащихъ пріему въ войска по военному жребію (15 и 15[1] ст.). По нашему мнѣнію, преступленія, предусмотрѣнныя уставомъ, по существу своему не имѣющія ничего общаго со спеціальными особенностями военной службы, являются совершенно недопустимымъ принципомъ расширенія отвѣтственности по военно-уголовнымъ законамъ. Отвѣтственность передъ военными трибуналами по матеріальнымъ военно-уголовнымъ законамъ гражданъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о военной дисциплинѣ и жизни, какъ это предусматриваетъ ст. 15[1], и запасныхъ, могущихъ не явиться въ ряды арміи по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ, представляется въ большей мѣрѣ дѣломъ политики, нежели вытекаетъ изъ существа вопроса. Въ какой мѣрѣ правильны наши соображенія, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что соотвѣтственный законъ 2 марта 1905 года во Франціи былъ использованъ правительствомъ Бріана съ цѣлью борьбы съ экономической забастовкой желѣзнодорожниковъ, а въ Австріи законъ 28 іюня 1890 г. нерѣдко служилъ правительству для той же цѣли такъ же, какъ аналогичныя постановленія швейцарскаго законодательства, которыя имѣли широкое примѣненіе въ Швейцаріи въ 90-хъ годахъ 19-го вѣка. Такимъ образомъ мы можемъ констатировать здѣсь совершенно опредѣленную тенденцію, которой не должно быть мѣста въ научномъ опредѣленіи предѣловъ дѣйствія военно-уголовныхъ законовъ.

Заканчивая свой краткій разборъ новаго устава, мы не можемъ не пожелать, чтобы особенная часть его, совершенно архаичная и полная вопіющихъ неясностей и несовершенствъ, была, наконецъ, переработана. Уже теперь возможно было бы привести уставъ въ большее соотвѣтствіе съ задачами существа воинскаго наказанія и подсудности полнымъ изъятіемъ XI и XII главъ устава, трактующихъ о противозаконныхъ поступкахъ по заготовленію предметовъ довольствія, по возведенію различныхъ сооруженій по военному вѣдомству, проступкахъ по военно-медицинской части и о преступныхъ дѣяніяхъ при пріемѣ и поставкѣ, за исключеніемъ дѣяній, касающихся храненія ввѣреннаго по службѣ имущества. Самое перечисленіе, здѣсь приведенное, показываетъ воочію, какъ мало общаго имѣютъ эти преступленія съ особенностями военной службы и дисциплины, и въ какой мѣрѣ правильно было бы немедленное изъятіе этихъ главъ изъ устава. Въ уставѣ уже сдѣланы кое-какія урѣзки и сокращенія: такъ, напр., 5-ый раздѣлъ, трактующій о карахъ лицъ, совершившихъ преступленія во время пребыванія въ дисциплинарныхъ батальонахъ, исчезъ, наконецъ, исчезла вся V глава о превышеніи и бездѣйствіи власти, исчезли ст.ст. 199, 201, 203, 204, 208, 211, 215 главы II-ой; ст.ст. 215 — 218, 220 — 225, 227, 228, 230, 234, 238 гл. XII-ой; исчезли всѣ статьи о преступленіяхъ по службѣ, общихъ военнослужащимъ съ чинами гражданскаго вѣдомства, о преступленіяхъ при веденіи приходо-расходныхъ

книгъ, ст. 240—242; исчезла вся глава I-ая третьяго раздѣла, отъ 243—264 ст. Однако, остался еще цѣлый рядъ преступленій общаго характера, коими не можетъ быть оправдано примѣненіе спеціальнаго закона: таковы ст.ст. 270, 273[1]—274 и получившая столь ужасную славу 279 ст., которая теперь ссылается на 453—6, 522 п. 2, 3, 562, 563 и 589 ст. угол. улож. Содержаніе этихъ статей столь плохо связано между собой, такъ мало вытекаетъ изъ особенностей военнаго времени, что непремѣнно назначеніе за нихъ смертной казни является трудно постигаемымъ пережиткомъ. Но и въ остальныхъ частяхъ нашего устава заключается такой кладезь ужасающихъ несовершенствъ и недоразумѣній, что надобно только желать скорѣйшаго полнаго его пересмотра и реорганизаціи. Напомнимъ только знаменитую редакцію ст.ст. 96—98, 153, 154, 161[1], 163[1], 127[1] и другихъ, которыя появлялись отъ случая къ случаю, лишенныя внутренней связи и органическаго взаимодѣйствія съ мыслью и духомъ закона. Суровостью, безусловностью и схематичностью своей редакціи нашъ кодексъ далеко превосходитъ въ этомъ отношеніи западно-европейскія законодательства.

По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, работы въ этомъ направленіи скоро начнутся, и нашимъ самымъ горячимъ пожеланіемъ, къ сожалѣнію, безнадежнымъ, является, чтобы люди науки не были забыты въ этомъ пересмотрѣ, и юридическая конструкція воинскаго преступленія покоилась бы на цѣнныхъ завѣтахъ уголовнаго законодательства, каковыми являются равенство, справедливость и человѣчность.

Къ вопросу о толкованіи 476 ст. уст. угол. суд.

Л. Н. Бровковича.

По окончаніи предварительнаго слѣдствія, какъ это ясно выражено въ ст. 476 у. у. с., судебный слѣдователь, предъявивъ обвиняемому, если онъ о томъ просить будетъ, слѣдственное производство, спрашиваетъ его: не желаетъ ли онъ представить еще что-либо въ свое оправданіе?

Такое, строго опредѣленное положеніе закона и на практикѣ повидимому не должно бы встрѣчать какихъ либо недоразумѣній. Помѣщенная въ главѣ 10-ой раздѣла 2-го «о заключеніи слѣдствія» 476 ст. уст. угол. суд. несомнѣнно указываетъ на право обвиняемаго быть освѣдомленнымъ о всѣхъ обстоятельствахъ произведеннаго о немъ предварительнаго слѣдствія такъ же, какъ 448 ст. того же устава предоставляетъ ему право требовать прочтенія допросовъ, снятыхъ со свидѣтелей въ его отсутствіе. Но ни указанными ни другими статьями всего 2 раздѣла «о предварительномъ слѣдствіи» на обвиняемаго не возложено *обязанности* чтенія свидѣтельскихъ показаній и *ознакомленія* со всѣми обстоятельствами дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ни одною изъ статей указаннаго раздѣла не предоставлено судебному слѣдователю права подвергать приводу тѣхъ изъ обвиняемыхъ, кои, получивъ въ той или иной формѣ извѣщеніе отъ слѣдователя на явку въ его канцелярію для предъявленія слѣдствія, по этому извѣщенію не явились.

А между тѣмъ, въ одномъ изъ окружныхъ судовъ Московской судебной палаты не въ особенно давнее время одному изъ судебныхъ слѣдователей въ порядкѣ начальственнаго надзора была разъяснена неправильность дѣйствій, выразившаяся въ томъ, что онъ не подвергнулъ приводу обвиняемыхъ, вызванныхъ имъ для предъявленія слѣдствія и неявившихся въ назначенный срокъ въ его канцелярію.

Вслѣдствіе господствующей въ данное время во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, такъ ревниво охраняемой канцелярской тайны, намъ не удалось освѣдомиться о мотивахъ такого рѣдкостнаго и столь авторитетнаго по формѣ, но въ такой же мѣрѣ и незаконнаго по существу разъясненія. Однако, мы твердо стоимъ на томъ, что указанное разъясненіе представляется логически необоснованнымъ и юридически неправильнымъ.

476 ст. уст. угол. суд. *обязываетъ* судебнаго слѣдователя *предъявлять обвиняемому слѣдственное производство лишь въ случаѣ его о томъ требованія*, а 477 ст. того же устава требуетъ отъ слѣдователя, чтобы въ случаѣ, буде обвиняемый, по предъявленіи слѣдственнаго производства, укажетъ на какія-либо новыя обстоятельства, онъ *провѣрилъ тѣ изъ нихъ, которыя могутъ имѣть вліяніе на рѣшеніе дѣла*.

Судебный слѣдователь, какъ судья, уже и самъ, по собственной инціативѣ, согласно требованію 265 ст. уст. угол. суд., при производствѣ слѣдствія обязанъ съ полнымъ безпристрастіемъ приводить въ извѣстность какъ обстоятельства, уличающія обвиняемаго, такъ и обстоятельства, его оправдывающія. Законодатель никогда не допускалъ мысли, чтобы слѣдственный судья могъ оставить безъ надлежащаго разслѣдованія каждое обстоятельство, долженствующее имѣть значеніе для будущаго судебнаго приговора. Правительствующій сенатъ, въ качествѣ верховнаго блюстителя закона, неоднократно провозглашалъ въ своихъ руководящихъ рѣшеніяхъ, что даже свѣдѣнія, характеризующія личность подсудимаго, свѣдѣнія о его занятіяхъ и образѣ жизни являются цѣнными обстоятельствами, подлежащими разслѣдованію представителями слѣдственной власти.

При условіи добросовѣстнаго выполненія этого требованія закона о полномъ безпристрастіи слѣдователя, законодатель естественно оставался въ увѣренности, что интересы подсудимаго достаточно охранены, и только, такъ сказать, *для вящшаго закрѣпленія* своего требованія, *высказалъ*, что, по приведеніи на предварительномъ слѣдствіи въ надлежащую ясность всѣхъ обстоятельствъ дѣла, *въ интересахъ обвиняемаго* надлежитъ предъявить (прочитать) ему всѣ акты слѣдственнаго производства, *если онъ о томъ будетъ просить*.

Кажется, уже самая редакція этого закона указываетъ, что предъявленіе слѣдственнаго производства обязательно для слѣдователя лишь при условіи требованія о семъ обвиняемаго. Было бы ничѣмъ не оправдываемымъ насиліемъ со стороны слѣдователя предъявлять, то есть читать обвиняемому протоколы допросовъ свидѣтелей и другихъ слѣдственныхъ актовъ, когда обвиняемый этого прочтенія не желаетъ и отъ слушанія этого чтенія отказывается. 476 ст. уст. угол. суд. установлена во всякомъ случаѣ въ интересахъ обвиняемаго, и нѣтъ законныхъ основаній заставлять его, особенно помощью такихъ чрезвычай-

ныхъ и суровыхъ мѣръ, какъ приводъ, непремѣнно являться въ канцелярію слѣдователя, чтобы тамъ заявить послѣднему о своемъ нежеланіи воспользоваться предоставляемымъ ему вышеозначенной статьей устава уголовнаго судопроизводства правомъ.

Нѣтъ для примѣненія такой принудительной явки обвиняемаго, какъ приводъ, законныхъ основаній и потому, что уже самая неявка по вызову *для предъявленія слѣдствія* достаточно указываетъ на отрицательное отношеніе обвиняемаго къ предоставляемому ему праву на предъявленіе. Не слѣдуетъ забывать и того, что глава 10-ая о заключеніи слѣдствія не вмѣщаетъ въ себѣ ни одной статьи, въ коей судебному слѣдователю предоставлялось бы право, уже *по окончаніи слѣдствія*, подвергать обвиняемаго приводу.

Право слѣдователя на приводъ обвиняемаго, какъ то видно изъ мѣста, занимаемаго ст.ст. 388 и 389 въ системѣ нашего устава уголовнаго судопроизводства, ограничивается временемъ представленія обвиняемаго къ слѣдствію и допросу его и никоимъ образомъ не можетъ быть, безъ извращенія обычныхъ пріемовъ въ толкованіи закона, распространяемо на тотъ моментъ производства предварительнаго слѣдствія, когда таковое уже закончено.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и того, что приводъ есть призывъ, сопровождаемый даже физическимъ принужденіемъ слѣдовать за призывающимъ или угрозою къ тому. По ст. 393 уст. угол. суд. обвиняемый, до исполненія требованія о приводѣ его, содержится въ домашнемъ арестѣ или даже подъ стражею. Такимъ образомъ, съ момента предъявленія повѣстки о приводѣ, обвиняемый лишается свободы: онъ долженъ или слѣдовать за предъявителемъ повѣстки или, если срокъ, назначенный слѣдователемъ для привода, еще далекъ, подвергается домашнему аресту или же содержанію подъ стражею, при чемъ избраніе той или иной мѣры заключенія, конечно, всецѣло зависитъ отъ лица, предъявляющаго повѣстку о приводѣ. Можно поэтому представить себѣ массу тяжелыхъ случаевъ, особенно при громадныхъ разстояніяхъ въ нашихъ слѣдственныхъ участкахъ сѣверныхъ окружныхъ судовъ, когда, при условіи неправильнаго толкованія судомъ 476 ст. уст. угол. суд., лица, коимъ въ видѣ наказанія предстоитъ семидневный арестъ, предварительно, за неявку къ слѣдователю для выслушанія актовъ слѣдственнаго производства, будутъ сидѣть подъ домашнимъ арестомъ или подъ стражею по двѣ недѣли, а можетъ быть, и долѣе. А вѣдь судъ, который затѣмъ будетъ разрѣшать дѣло по существу, лишенъ даже возможности зачесть это время лишенія свободы въ наказаніе, ибо засчитывается въ наказаніе лишь время заключенія, проведенное обвиняемымъ въ видѣ мѣры пресѣченія способовъ уклоненія отъ слѣдствія.

Вотъ къ какимъ нежелательнымъ послѣдствіямъ можетъ при-

вести неправильное истолкованіе судомъ 476 ст. уст. угол. суд. Неправильность такого толкованія указаннаго закона пріобрѣтаетъ особу ю остроту вслѣдствіе того, что указанія окружныхъ судовъ на неправильность дѣйствій подвѣдомственныхъ имъ судебныхъ слѣдователей, представляя собою разъясненія закона высшимъ въ порядкѣ подчиненности мѣстомъ, при условіи неподчиненія симъ разъясненіямъ, могутъ, по силѣ 250 ст. учр. суд. уст., влечь за собою даже дисциплинарныя мѣры взысканія.

III.

Судебная практика.

Процессуальные вопросы въ практикѣ Сената за 1912 г.

В. Н. Новикова.

Департаментскія рѣшенія: Отвѣтственность служащихъ частныхъ жел. дор. за оскорбленіе начальства. — Порядокъ объявленія постановленій лѣсоохранительнаго комитета.—Предъявленіе слѣдственнаго производства въ копіяхъ. — Примѣненіе закона о досрочномъ условномъ освобожденіи.

Рѣшенія угол. касс. д-та, которыми заканчивается сборникъ за 1912 годъ, возбуждаютъ, къ сожалѣнію, интересъ не столько своимъ юридическимъ содержаніемъ, сколько тѣмъ, что рѣшенія эти необычайно ярко рисуютъ картину современныхъ судебныхъ нравовъ.

Съ этой точки зрѣнія очень характерно рѣшеніе по дѣлу Виноградова подъ № 12.

Обстоятельства этого дѣла несложны. Помощникъ передаточнаго агента на одной изъ станцій Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ оскорбилъ словами и дѣйствіемъ находившагося при исполненіи служебныхъ обязанностей начальника станціи. Какова же уголовная его отвѣтственность?

Вопросъ сей разрѣшается всецѣло въ зависимости отъ признанія или непризнанія служебнаго положенія заинтересованныхъ лицъ. Если эти лица частныя, то ихъ конфликтъ разрѣшается по 31 ст. уст. о наказ., если же эти лица должностныя, то на сцену выдвигается грозная ст. 395 улож. о нак., а вмѣстѣ съ нею и ст. 201^1 у. у. с., послѣ чего дѣло переходитъ въ палату съ сословными представителями.

Весьма простыя соображенія устраняютъ всѣ сомнѣнія. Ст. 395 улож. о нак. примѣняется только къ лицамъ, указаннымъ въ ст. 392 улож., а послѣдняя статья имѣетъ нижеслѣдующее содержаніе: «За всякое нарушеніе обязанности повиноваться своимъ непосредственнымъ и главнымъ начальникамъ, какъ постановленнымъ надъ ними по закону властямъ, всѣ состоящія въ службѣ

государственной и общественной лица подвергаются опредѣленнымъ въ слѣдующихъ 393—397 статьяхъ наказаніямъ или взысканіямъ». Въ рѣшеніи общаго собранія 91/9 сенатъ подробно разъяснилъ, что желѣзнодорожные служащіе частныхъ дорогъ никакого отношенія къ государственной службѣ не имѣютъ и только въ военное время по преступленіямъ должностнымъ приравниваются къ служащимъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (у. к. д. 01,/30). Затѣмъ, такъ какъ подъ службой общественной, упоминаемой въ ст. 392 улож. о нак., нужно разумѣть ту службу въ административно-публичныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, которая по самому своему свойству приравнивается къ службѣ государственной, то совершенно не сомнительно, что служащіе акціонернаго общества Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ не могутъ быть признаны состоящими на службѣ государственной или общественной. Отсюда само собою слѣдуетъ, что ихъ столкновеніе между собою, хотя бы и на служебной почвѣ, разрѣшается по ст. 31 уст. о нак.

Именно такъ и безъ всякихъ другихъ дополнительныхъ аргументовъ разрѣшилъ поставленный вопросъ правительствующій сенатъ.

Изъ исторической части этого рѣшенія мы видимъ, что начало спора положила новочеркасская судебная палата, которая, вопреки мнѣнію своего прокурора и ссылаясь также на рѣшеніе 1901 г. № 30, признала въ дѣйствіяхъ обвиняемаго признаки преступленія 395 ст. Нельзя не порадоваться, что сенатъ счелъ необходимымъ напомнить законъ судебнымъ мѣстамъ, чрезмѣрно увлекшимся въ своемъ стремленіи ограничить общій порядокъ судебнаго производства. Но не рѣшеніями ли самого сената внушены тѣ соображенія о государственномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ, надо думать, исходила судебная палата? И не въ рѣшеніяхъ ли сената нашла палата также и образецъ для своего конечнаго вывода? Достаточно вспомнить извѣстное рѣшеніе уг. касс. деп. 06/13, гдѣ, по волѣ правительствующаго сената, установлено, что простой ямщикъ, служащій у частнаго почтосодержателя и обязанный лишь управлять лошадьми во время возки почты, почитается часовымъ.

Равнымъ образомъ никакого юридическаго интереса не представляетъ рѣшеніе подъ № 13, разъясняющее, какимъ порядкомъ, т. е. самому лѣсовладѣльцу или его повѣренному, должно быть объявлено постановленіе лѣсоохранительнаго комитета о воспрещеніи раскорчевки лѣсной площади въ имѣніи. Порядокъ таковаго объявленія установленъ въ ст. 747 уст. лѣсн. примѣнительно къ ст. 282—288 у. г. с. При этомъ, согласно ст. 721 того же уст., если на ходатайство о раскорчевкѣ лѣсного пространства въ теченіе 6 мѣсяцевъ не послѣдовало отвѣта отъ комитета, то она считается разрѣшенной. Пикантность даннаго дѣла заключается въ томъ, что помѣщикъ Островскій заявилъ свое ходатайство чрезъ повѣреннаго, послѣдній присутствовалъ въ засѣданіи комитета и

выслушалъ лично отказъ комитета, а затѣмъ чрезъ 3 мѣсяца получилъ письменное постановленіе комитета. Несмотря на это, Островскій приступилъ къ раскорчевкѣ и, будучи привлеченъ къ отвѣтственности по ст. 57[3] уст., былъ оправданъ и мировымъ судьей и съѣздомъ, ибо, по мнѣнію судей, объявленіе комитета должно быть вручено, согласно ст. 282 у. г. с., лично самому Островскому, а не его повѣренному.

Сенату ничего не стоило опровергнуть это столь странное по своему формализму истолкованіе закона простою ссылкой на нѣсколько рѣшеній гражд. касс. департ., согласно которымъ на просьбы, заявляемыя по довѣренности, достаточно объявленія однимъ повѣреннымъ. Казалось бы, не могло быть никакого спора по этому поводу, ибо какъ же иначе поступать, если хозяйство ведется черезъ управляющаго, а самъ помѣщикъ живетъ за-границей и адресъ его лѣсоохранительному комитету неизвѣстенъ.

Большой актуальный интересъ имѣетъ рѣшеніе сената подъ № 15, вынесенное по ордеру министра юстиціи. Въ интересахъ скорости производства министръ юстиціи запросилъ сенатъ въ порядкѣ ст. 259[1] учр., какъ быть, если слѣдователю необходимо предъявить слѣдствіе нѣсколькимъ обвиняемымъ (ст. 476 у. у. с.), проживающимъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи. Сенатъ въ тѣхъ же интересахъ призналъ, что въ такомъ случаѣ предъявленіе слѣдствія возможно въ копіяхъ, при чемъ таковое распоряженіе допустимо независимо отъ согласія на него обвиняемыхъ. Однако, продолжаетъ сенатъ, такъ какъ обвиняемыхъ нельзя лишить права обозрѣвать приложенные къ дѣлу вещественныя доказательства или подлинные документы, то ходатайство о семъ подлежитъ удовлетворенію, и въ такомъ случаѣ обвиняемому предъявляется подлинное производство. Такъ какъ въ 476 ст. у. у. с. не заключается категорическаго предписанія предъявлять подсудимому подлинное слѣдственное производство, то казалось бы, что его интересы не будутъ нарушены, если онъ съ протоколомъ судебнаго слѣдователя ознакомится въ копіяхъ, завѣренныхъ тѣмъ же слѣдователемъ. Поэтому на первый взглядъ кажется, что противъ рѣшенія сената нѣтъ принципіальныхъ возраженій. Но такъ какъ нашъ судъ пользуется, по увѣренію министра юстиціи, особымъ довѣріемъ начальства, то рѣшеніе сената возбуждаетъ большія сомнѣнія. Сенатъ устанавливаетъ, что требованіе обвиняемаго осмотрѣть подлинное производство обязательно для слѣдователя только при наличности въ дѣлѣ вещественныхъ доказательствъ и подлинныхъ документовъ, иначе его можно не удовлетворять. Однако, послѣ дѣла о партіи «Дашнакцутюнъ» всякій обыватель знаетъ, что изученіе подлинныхъ протоколовъ можетъ привести къ весьма неожиданнымъ результатамъ. Въ дѣлѣ этомъ и обвинительный актъ былъ составленъ и судебное слѣдствіе вначалѣ производилось по копіямъ, и все было благополучно. Но вотъ защита копнула въ подлинное производство и открыла въ немъ массу подлоговъ въ протоколахъ какъ допроса свидѣтелей,

такъ и экспертизы. Какъ видно изъ послѣднихъ преній по бюджету министерства юстиціи въ Государственной Думѣ, подлоги въ слѣдственномъ производствѣ вовсе не единичный случай, при чемъ наглость преступниковъ доходитъ до того, что цѣлыя показанія сочиняются отъ имени лицъ, ничего объ этомъ не вѣдающихъ. При такихъ условіяхъ слѣдуетъ ожидать, что подсудимый весьма часто будетъ не прочь просмотрѣть подлинное производство слѣдователя, и такое его требованіе нельзя не признать справедливымъ. Между тѣмъ, благодаря разъясненію сената, подсудимый будетъ лишенъ весьма важной гарантіи въ охранѣ своихъ правъ.

Теперь мы подошли къ гвоздю сборника за 1912 годъ, именно къ рѣшенію № 14, постановленному по ордеру министра юстиціи, по вопросамъ о примѣненіи на практикѣ закона 22 іюня 1909 года объ условномъ досрочномъ освобожденіи.

Прежде всего необычайна форма этого рѣшенія: на пространствѣ шести страничекъ сенатъ разсмотрѣлъ и разрѣшилъ около 20 вопросовъ, всякую мотивировку своихъ приказовъ сенатъ отбросилъ и собственно создалъ правила о непримѣненіи досрочнаго освобожденія, ибо вотумы сената со всѣхъ сторонъ суживаютъ область примѣненія закона 22 іюня 1909 года.

Разсматриваемое рѣшеніе особенно поразительно, если его сравнить съ рѣшеніемъ того же года за № 11, гдѣ разобранъ одинъ изъ многочисленныхъ вопросовъ, поставленныхъ въ рѣш. № 14 (п. 4). Рѣшеніе № 11 сенатъ счелъ, во-первыхъ, необходимымъ мотивировать, а, во-вторыхъ, общія положенія, изъ которыхъ исходитъ сенатъ въ рѣшеніи № 11, кореннымъ образомъ противорѣчатъ положеніямъ, на которыхъ основано рѣшеніе № 14. Для иллюстраціи послѣдняго положенія я сошлюсь на два примѣра.

Въ рѣшеніи № 11 сенатъ разрѣшалъ вопросъ о примѣненіи закона о досрочномъ освобожденіи къ лицамъ военнаго званія, заключеннымъ въ дисциплинарныхъ батальонахъ, послѣ перечисленія ихъ въ запасъ и передачи послѣ сего въ тюрьмы гражданскаго вѣдомства. Хотя въ ст. 416 уст. сод. стр. и не упомянуто о такой категоріи лицъ, однако, сенатъ совершенно правильно и на нихъ распространилъ льготу досрочнаго освобожденія по тѣмъ соображеніямъ, что «съ момента увольненія нижнихъ чиновъ, присужденныхъ въ дисциплинарные батальоны, въ запасъ назначенное имъ заключеніе въ дисциплинарномъ батальонѣ подлежитъ замѣнѣ заключеніемъ въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства, и со времени перехода ихъ въ эти тюрьмы, для отбытія остающагося наказанія, на нихъ, само собою разумѣется, должны распространяться всѣ тѣ постановленія закона, которыя касаются приговоренныхъ къ тюрьмѣ и отбывающихъ наказаніе въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства, а слѣдовательно, и постановленія закона 22 іюня 1909 года». Однако, въ рѣшеніи № 14 подобные же вопросы разрѣшены въ обратномъ смыслѣ. Въ пунктахъ 1 и 5 сенату были поставлены вопросы о примѣненіи досрочнаго освобожденія къ лицамъ, которыя присуждены къ штрафу и крѣпости,

но, въ силу тѣхъ или иныхъ въ законѣ предусмотрѣнныхъ основаній, отбываютъ наказаніе въ тюрьмѣ. Хотя тюремное наказаніе, какъ и въ рѣшеніи № 11, является замѣняющимъ наказаніемъ, однако безъ всякой мотивировки, въ явное противорѣчіе съ рѣшеніемъ № 11, сенатъ предписываетъ въ этихъ случаяхъ не примѣнять условнаго освобожденія.

Еще больше недоумѣнія вызываетъ второй примѣръ. Въ рѣшеніи № 11 сенатъ при исчисленіи сроковъ зачитываетъ въ интересахъ справедливости въ срокъ заключенія, подлежащаго отбытію, время, проведенное въ арестныхъ помѣщеніяхъ въ ожиданіи свободныхъ мѣстъ въ дисциплинарныхъ батальонахъ. Нельзя спорить противъ правильности этого разсужденія, ибо чѣмъ виноватъ преступникъ, что онъ своевременно не можетъ попасть въ мѣсто заключенія. Но вотъ въ рѣшеніи № 14 п. 6 возникаетъ вопросъ о промедленіи въ исполненіи приговора вслѣдствіе процедуры, предписанной ст. 945 у. у. с., а сенатъ жестокосердно одной ссылкой на текстъ стараго закона, который явно несогласованъ съ закономъ о досрочномъ освобожденіи, отвергаетъ право подсудимаго на досрочное освобожденіе. Здѣсь, повидимому, аргументъ справедливости изъ рѣшенія № 11 уже забытъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію содержанія рѣшенія № 14, мы должны признать, что оно заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ неправильныхъ и, во всякомъ случаѣ, неубѣдительныхъ положеній. Для примѣра возьмемъ нѣкоторыя.

Въ п. 2 рѣшенія сенатъ ставитъ вопросъ, распространяется ли досрочное освобожденіе на лицъ, осужденныхъ народными судами Кавказа, Туркестана и др., и разрѣшаетъ его отрицательно, ибо ст. 416 уст. сод. стр. касается лицъ, осужденныхъ по уложенію о наказ., уголовному уложенію и уставу о наказ. По справкѣ съ текстомъ закона утвержденіе сената оказывается произвольнымъ: указанія на суды, приговоры коихъ влекутъ примѣненіе условнаго освобожденія, въ законѣ не имѣется. Да ея и не могло быть, такъ какъ во время преній въ Государственной Думѣ и Совѣтѣ всѣми ораторами опредѣленно высказывалась мысль, что примѣненіе условнаго освобожденія исключительно зависитъ отъ рода наказанія: если наказаніе таково, что носитъ въ себѣ моментъ исправленія, то условное освобожденіе примѣняется. Но чѣмъ тюрьма по приговору народнаго суда отличается отъ всякой другой тюрьмы, это никому неизвѣстно.

Въ пунктѣ 3-мъ рѣшенія сенатъ имѣлъ дѣло съ вопросомъ о примѣненіи условнаго освобожденія къ лицамъ, осужденнымъ къ наказаніямъ, не допускающимъ условнаго освобожденія, но затѣмъ въ порядкѣ ст. 945 у. у. с. или въ порядкѣ конфирмаціи получившимъ наказаніе, указанное въ ст. 416 уст. Сенатъ отвергаетъ примѣненіе къ нимъ досрочнаго освобожденія, ибо «наказанія въ сихъ послѣднихъ случаяхъ, будучи уже уменьшенными противъ назначенныхъ первоначальнымъ приговоромъ, не могутъ влечь за собой, какъ окончательно опредѣленныя, ка-

кого-либо дальнѣйшаго пониженія». Ни ссылки на законъ, ни малѣйшей попытки объяснить, откуда заимствована столь произвольная сентенція. А между тѣмъ, нѣтъ никакихъ основаній въ разсматриваемомъ случаѣ не примѣнять условнаго освобожденія, ибо въ законѣ примѣненіе условнаго освобожденія поставлено исключительно въ зависимость отъ рода назначеннаго наказанія.

Равнымъ образомъ произвольно разрѣшенъ вопросъ въ пунктѣ пятомъ рѣшенія. Обвиняемый приговоренъ къ заключенію въ крѣпости, но такъ какъ таковыхъ мѣстъ заключенія у насъ нѣтъ, то онъ отбываетъ наказаніе въ обыкновенной тюрьмѣ, при чемъ такая замѣна предусмотрѣна въ самомъ приговорѣ. Слѣдовательно, мы имѣемъ приговоръ съ эвентуальной тюрьмой. Сенатъ отрицаетъ примѣненіе условнаго освобожденія на томъ основаніи, что заключеніе въ крѣпость по силѣ ст. 416 уст. не влечетъ примѣненія освобожденія. Всякому ясно, что мотивировка сената есть простая игра словами. Человѣкъ заключенъ въ тюрьму и отбываетъ тюремное наказаніе, а ему отказываютъ въ льготѣ, ибо эта тюрьма замѣняетъ крѣпость. Такой способъ истолкованія закона никакъ непріемлемъ. Конечно, въ данномъ случаѣ и обратное мнѣніе, представляющееся намъ болѣе правильнымъ, не можетъ быть признано окончательнымъ. Дѣло въ томъ, что во время преній въ законодательныхъ учрежденіяхъ были указанія на то, что заключеніе въ крѣпость необходимо внести въ ст. 416 уст., ибо это наказаніе подлежитъ замѣнѣ тюрьмой. Но правительство возражало противъ этого, ссылаясь на то, что замѣнительное тюремное заключеніе по своему режиму будетъ приравнено къ крѣпости. Наше требованіе примѣнять и въ этомъ случаѣ условное освобожденіе на томъ и основано, что никакого приспособленія тюрьмы для «крѣпостниковъ» не сдѣлано, а послѣдніе простѣйшимъ образомъ отсиживаютъ свой срокъ въ тюрьмѣ. Въ такомъ случаѣ простая справедливость, о которой сенатъ говоритъ въ рѣшеніи № 11, требуетъ, чтобы къ нимъ примѣнялось условное освобожденіе. Но, къ какому бы ни придти конечному выводу, законъ долженъ быть въ данномъ случаѣ разъясняемъ на почвѣ всего этого матеріала, а не путемъ совершеннаго его игнорированія.

Относительно пунктовъ 1, 4 и 6 рѣшенія № 14 мы выше уже сдѣлали указаніе; интересенъ еще п. 9-й. Лицо осуждено за конокрадство, но оно отбываетъ наказаніе по совокупности съ другимъ болѣе тяжкимъ наказаніемъ. Слѣдуетъ ли примѣнять досрочное освобожденіе, разъ по дѣламъ о конокрадствѣ оно не примѣняется? Сенатъ отвергаетъ такое примѣненіе, потому что (цитируемъ дословно) «нѣтъ основанія примѣнять условное досрочное освобожденіе къ симъ лицамъ и въ томъ случаѣ». Что можно сдѣлать изъ такой аргументаціи: не примѣняется, потому что не примѣняется. А между тѣмъ, имѣется путь для иного, болѣе серьезнаго разрѣшенія спорнаго вопроса. Сущность его сводится къ тому, что второе наказаніе болѣе тяжко, чѣмъ наказа-

ніе за конокрадство, по силѣ же ст. 152 улож. о нак. при совокупности преступленій обвиняемый приговаривается къ болѣе тяжкому наказанію. Слѣдовательно, наказаніе за конокрадство должно быть признано поглощеннымъ вторымъ наказаніемъ, и тогда какія же имѣются законныя основанія не примѣнять условнаго освобожденія? Сенатъ могъ бы найти обоснованіе своего рѣшенія въ соображеніяхъ уголовно-политическихъ, но, какъ мы видимъ изъ всего рѣшенія № 14, онъ стоитъ на формальной точкѣ зрѣнія, а послѣдняя всецѣло противъ него.

Изложеннымъ не исчерпывается содержаніе рѣшенія, однако и этого достаточно, чтобы сказать, что рѣшеніе № 14 абсолютно не годится для той цѣли, для которой оно издано. Предъ нами не кассаціонное изъясненіе истиннаго смысла закона о досрочномъ освобожденіи и даже не инструкція по его примѣненію, а какое-то печальное недоразумѣніе.

Слѣдующій нашъ обзоръ мы посвятимъ сборнику рѣшеній общаго собранія за 1912 годъ.

Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Сената.

За 1912 годъ [1]).

223 Ст. 137 и 152 Улож. о Нак.

При признаніи несовершеннолѣтнихъ дѣйствовавшими безъ разумѣнія, присужденіе ихъ къ заключенію въ исправительные пріюты, колоніи или особыя помѣщенія при тюрьмахъ или арестныхъ домахъ не почитается наказаніемъ; посему, опредѣляя подсудимому наказаніе по совокупности учиненныхъ имъ преступленій, судъ не въ правѣ зачесть въ срокъ назначеннаго новымъ приговоромъ наказанія опредѣленное подсудимому, согласно 137 ст., болѣе раннимъ приговоромъ и отбытое имъ заключеніе въ особое помѣщеніе для несовершеннолѣтнихъ при тюрьмѣ до достиженія 18-ти лѣтняго возраста. (Рез. 3 отд. 23 ноября 1912 г. по д. Лазарева и Перелыгина).

224 Ст. 372 Улож. о Нак.

По ст. 372 подлежитъ отвѣтственности находящееся на государственной или общественной службѣ лицо, которое, хотя и безъ нарушенія въ чемъ либо своихъ обязанностей, приметъ въ даръ деньги или вещи подъ какимъ бы то ни было видомъ или предлогомъ — не только за извѣстное, опредѣленное, касающееся службы его дѣйствіе, которое оно должно совершить безмездно, но и вообще по дѣлу, производящемуся въ томъ учрежденіи, гдѣ оно служитъ, и относящемуся въ большей или меньшей степени непосредственно къ его прямымъ обязанностямъ. (Рѣшеніе Общ. Собр. 1912 г. № 2 по д. Толстого и др.)

225 Ст. 392 Улож. о Нак. и ст. 31 Уст. о Нак.

Согласно ст. 392 Улож. о нак., постановленіе 395 ст. можетъ быть примѣняемо лишь къ лицамъ, состоящимъ на службѣ госу-

---

[1]) Въ первой книгѣ «Журнала Уг. Пр.» за текущій годъ неправильно обозначены номера нѣкоторыхъ рѣшеній Общ. Собр., изъ которыхъ извлечены положенія, а именно: въ тезисахъ 138, 139, 178 и 202 слѣдуетъ читать «№ 17», въ тезисахъ 194, 195 и 201 слѣдуетъ читать «№ 41» и въ тезисѣ 204 слѣдуетъ читать «№ 20».

дарственной или общественной (рѣш. Уг. Кас. Деп. 86/28, 902/8, 904/15 и 16 и Общ. Собр. 904/5), служащіе же въ частныхъ обществахъ и на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ подъ категорію лицъ, указанныхъ въ 392 ст., не подходятъ. Посему оскорбленіе словомъ и дѣйствіемъ начальника станціи частной жел. дороги, учиненное низшимъ относительно его агентомъ желѣзнодорожной службы, не составляетъ служебнаго нарушенія и квалифицируется по ст. 31 уст. о нак. (Рѣшеніе Уг. Кас. Деп. 1912 № 12 по д. Виноградова).

Ст. 1044 и 1044[1] Улож. о Нак. 226

Приведенное въ приговорѣ, въ опроверженіе ссылки обвиняемаго редактора на помѣщеніе инкриминируемой ему статьи въ газетѣ безъ его вѣдома и согласія, соображеніе относительно того, что, въ силу 1044 ст., отвѣтственность за содержаніе помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ статей обращается во всякомъ случаѣ, какъ на главнаго виновнаго, на редактора изданія, представляется неправильнымъ, какъ несогласное съ точнымъ смысломъ 1044[1] ст. (Рез. 4 отд. 5 декабря 1912 года по д. Элькина).

Ст. 1171 Улож. о Нак. и ст. 791 т. IX. 227

Внѣ черты еврейской осѣдлости евреямъ, хотя бы они и пользовались правомъ жительства, торговля разрѣшается лишь въ особо опредѣленныхъ случаяхъ, причемъ и евреи, имѣющіе право жительства внѣ черты осѣдлости, за производство ими недозволенной торговли подлежатъ отвѣтственности по 1171 ст. (Рѣш. Общ. Собр. 904/2). (Рѣшеніе Уг. Кас. Деп. 28 февраля 1912 г. № 3 по д. Гильдерманъ).

Ст. 1171 Улож. о Нак. и ст. 1 прил. къ ст. 68 Уст. Пасп. 228

Такъ какъ, согласно 1 прим. къ 1 ст. прил. къ 68 ст. уст. о пасп., евреи не имѣютъ права постояннаго жительства въ селеніяхъ Витебской и Могилевской губерній, то, слѣдовательно, селенія эти не принадлежатъ къ чертѣ еврейской осѣдлости, поэтому 1171 ст. улож. о нак. можетъ быть примѣняема къ тѣмъ евреямъ, которые въ означенныхъ селеніяхъ производятъ какую либо торговлю, кромѣ той, которая въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ имъ дозволена. (Рѣшеніе Уг. Кас. Деп. 28 февраля 1912 г. № 3 по д. Гильдерманъ).

Ст. 1171 Улож. о Нак., ст. 2 и 7 прим. къ ст. 791 т. IX и ст. 5 прил. къ ст. 68 Уст. Пасп. 229

Принадлежащее членамъ семействъ евреевъ купцовъ первой гильдіи (записаннымъ въ одномъ съ ними сословномъ купеческомъ свидѣтельствѣ) право жительства въ г. Кіевѣ не даетъ права на

торговлю въ означенномъ городѣ. (Рез. 3 отд. 20 января по д. Эдельманъ).

230 Ст. 1171 Улож. о Нак.

Рѣш. Уг. Кас. Деп. 74/731 и отдѣленскія резолюціи, указывающія, что право жительства въ извѣстной мѣстности (напр., для Ремесленниковъ) представляется само по себѣ недостаточнымъ для признанія за евреями во всѣхъ случаяхъ права на торговлю,— вовсе не разрѣшаютъ отрицательно вопроса о томъ, можетъ ли еврей, имѣющій право постояннаго жительства въ г. Кіевѣ, въ виду состоянія его при семействѣ и капиталѣ отца по 1-ой гильдіи, быть признанъ пріобрѣвшимъ, въ силу этого, право на торговлю въ г. Кіевѣ. (Рез. 3 отд. 11 мая 1912 г. по д. Баришпольскаго).

231 Ст. 1171 Улож. о Нак. и ст. 5 и 12 прил. къ ст. 68 Уст. Пасп.

Для причисленія евреевъ къ купечеству г. Кіева вовсе не требуется предварительное пребываніе въ первой гильдіи пять лѣтъ, а достаточно приписаться въ купечество первой гильдіи по г. Кіеву, не быть опороченнымъ судебнымъ приговоромъ, не быть замѣшаннымъ по дѣламъ о контрабандѣ и не состоять подъ надзоромъ полиціи, причемъ правила эти распространяются и на членовъ семействъ этихъ евреевъ, въ одномъ съ ними свидѣтельствѣ записанныхъ. (Рез. 3 отд. 20 апрѣля 1912 г. по д. Прицкера, 20/27 апрѣля 1912 г. по д. Ваховскаго и 18 мая 1912 г. по д. Голубчика и Гринберга).

232 Ст. 1171 Улож. о Нак. и 797 У. У. С.

Оставленіе безъ обсужденія ссылки обвиняемаго на то, что онъ пріобрѣлъ, на основаніи Выс. пов. 21 іюля 1893 г. и 10 іюня 1894 г., право на жительство въ г. Кіевѣ и на занятіе тамъ торговлей, составляетъ существенное нарушеніе 797 ст. (Рез. 3 отд. 2 марта 1912 г. по д. Табакова).

233 Ст. 1171 Улож. о Нак.

Выс. повелѣніемъ отъ 21 іюля 1893 г. допускалось, лишь въ случаяхъ исключительныхъ и въ видѣ льготы, евреевъ, не имѣющихъ права постояннаго жительства въ данной мѣстности, не выселять временно изъ мѣстъ пребыванія. Льгота эта не устраняетъ примѣненія ст. 1171, относящейся въ одинаковой мѣрѣ, какъ къ евреямъ, имѣющимъ право жительства внѣ черты ихъ осѣдлости, такъ и къ евреямъ, означеннаго права не имѣющимъ. (Рез. 3 отд. 16 марта 1912 г. по д. Зельдина) [1]).

[1]) Ср. тез. 232. Вообще согласовать противорѣчивую практику по примѣненію 1171 ст. Улож. о Нак. едва ли возможно.

Ст. 1171 Улож. о Нак. 234

Если подсудимые — евреи, занимавшіеся портняжнымъ ремесломъ, производили торговлю готовымъ платьемъ, которое изготовлялось посторонними подмастерьями у нихъ на дому, то, въ силу ст. 279 и п. 2 ст. 298 уст. пром. изд. 1893 г., судъ не имѣетъ основанія признавать въ этомъ дѣйствіи торговлю предметами не своего мастерства. (Рез. 3 отд. 2 марта 1912 г. по д. Дудкиной).

Ст. 1171 Улож. о Нак. 235

Примѣненіе ст. 1171 къ еврею-ремесленнику, производившему внѣ черты еврейской осѣдлости торговлю издѣліями не своего мастерства, не можетъ быть устранено выдачей ему городской управой свидѣтельства на право торговли данными товарами. (Рез. 3 отд. 16 марта 1912 г. по д. Шапиро).

Ст. 1171 Улож. о Нак. 236

Указаніе обвиняемой по 1171 ст. на то, что выселеніе ея въ черту еврейской осѣдлости поведетъ къ незаконнымъ послѣдствіямъ — разлученію супруговъ, лишено основанія, т. к. выселеніе въ черту осѣдлости является наказаніемъ, установленнымъ 1171 ст. (Рез. 3 отд. 6 апрѣля 1912 г. по д. Звягиной).

Ст. 1171 Улож. о Нак. и ст. 5 Учр. Суд. Уст. 237

При обвиненіи по ст. 1171 вопросъ о томъ, былъ ли обвиняемый только вкладчикомъ торговаго дома, производившаго торговлю въ г. Кіевѣ, или же принималъ лично и фактическое участіе въ означенной торговлѣ, относится къ существу дѣла. (Рез. 3 отд. 2 марта 1912 г. по д. Табакова).

Ст. 1171 Улож. о Нак. и 575 У. У. С. 238

При обвиненіи еврея въ производствѣ въ г. Кіевѣ торговли мануфактурными и галантерейными товарами, каковая торговля принадлежитъ ему по нотаріальному договору товарищества, подсудимому не можетъ быть отказано въ вызовѣ свидѣтелей для удостовѣренія того, что онъ торговлей не занимался и никакого участія въ торговлѣ не принималъ, и что товарищескій договоръ былъ заключенъ не для совмѣстной торговли, а для лучшаго обезпеченія, данныхъ имъ взаймы денегъ. (Рез. 3 отд. 20 янв. 1912 г. по д. Сливкера).

Ст. 1357^1 Ул. о Нак. и 161^{10} Уст. о Пром. 239

Въ виду ст. 1 конвенціи съ Швейцаріей отъ 19 апрѣля (1 мая) 1899 г. объ огражденіи клеймъ, согласно коей дозволяется

въ Россіи швейцарскимъ гражданамъ и въ Швейцаріи русскимъ подданнымъ предъявлять надлежащимъ образомъ клейма къ записи въ томъ видѣ, въ какомъ они были признаны на родинѣ,— слѣдуетъ заключить, что потерпѣвшіе швейцарцы, заявивъ въ отдѣлѣ промышленности къ записи товарные знаки, признанные уже на ихъ родинѣ, тѣмъ самымъ пріобрѣли и въ Россіи право на исключительное пользованіе этими товарными знаками.

(Рез. 3 отд. 14/20 декабря 1912 г. по д. Герцберга).

240 Ст. 1423^1 Улож. о Нак.

Ст. 1423^1 имѣетъ въ виду не одно лишь умышленное воспрепятствованіе русскимъ подданнымъ, не принадлежащимъ къ числу финляндскихъ гражданъ, пользоваться въ Финляндіи равными съ мѣстными гражданами правами, а предусматриваетъ умышленное воспрепятствованіе примѣненію закона 20 января 1912 г. въ полномъ его объемѣ. Посему всякое умышленное дѣйствіе финляндскихъ должностныхъ лицъ, не исключая и финляндскихъ судей, направленное къ воспрепятствованію производства дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 1423^1 улож. о нак., всякое съ ихъ стороны противодѣйствіе или вмѣшательство съ указанной цѣлью въ распоряженія и дѣйствія русскихъ судебныхъ властей и производство предварительныхъ слѣдствій по дѣламъ сего рода составляетъ одно изъ проявленій умышленнаго воспрепятствованія примѣненію закона 20 января 1912 г., которое предусмотрѣно ст. 1423^1 ул. о нак. (Рѣшеніе Уг. Касс. Деп. 1912 г. № 17).

241 Ст. 1665 Улож. о Нак. и ст. 141 и 232 Воинск. Уст. о Нак.

Въ дѣяніи отставного офицера, который, занимая должность хозяина офицерскаго собранія и дѣйствуя отъ имени этого собранія, вводилъ поставщиковъ собранія въ заблужденіе относительно своихъ правъ, вызывая въ нихъ завѣдомо ложное представленіе о томъ, что пріобрѣтаемые имъ продукты потребны для нуждъ собранія, и что на покупку ихъ онъ, обвиняемый, имѣетъ соотвѣтствующія полномочія, и полученные такимъ образомъ продукты обращалъ въ свою пользу,—заключаются признаки мошенничества.

Описанное дѣяніе не заключаетъ въ себѣ признаковъ служебной растраты (ст. 232 В. Уст. о Нак.), т. к. продукты пріобрѣтались обвиняемымъ не во исполненіе обязанностей, возложенныхъ на него по занимаемой имъ должности, а получались путемъ обмана непосредственно отъ поставщиковъ и помимо офицерскаго собранія, почему таковые предметы не могутъ почитаться ввѣренными обвиняемому по службѣ.

Описанное дѣяніе не заключаетъ въ себѣ также и признаковъ превышенія власти (ст. 141 В. Уст. о Нак.), т. к., согласно рѣш. гл. в. с. 98/22, превышеніе власти возможно только при томъ

условіи, когда лицо, уполномоченное закономъ или начальствомъ на какія либо дѣйствія, при совершеніи оныхъ выйдетъ изъ предѣловъ предоставленныхъ ему правъ, обвиняемый же не имѣлъ полномочія на покупку полученныхъ имъ продуктовъ, а потому и не могъ превысить власть, ибо таковой ему предоставлено не было. (Рѣшеніе Общ. Собр. 1912 г. № 27 по д. Плевако).

Ст. 9 и 169 Уст. о Нак. 242

Мировой судья, установивъ въ дѣяніи подсудимаго, обвиняемаго по ст. 169, отсутствіе корыстнаго умысла, другими словами, отсутствіе состава преступленія, обязанъ постановить оправдательный приговоръ, а не можетъ примѣнять 9 ст. (Опр. Соед. Прис. 20 іюля 1912 г. по дѣлу № 207) [1]).

Ст. 29 Уст. о Нак. 243

Такъ какъ содержаніе вывѣсокъ не изъято отъ правительственнаго контроля (опред. 1 общ. собр. 31 января 1897 г.—23 окт. 1898 г. по д. Кобальскаго), то неисполненіе требованія полиціи о представленіи документовъ на право именоваться поставщикомъ Велико-Княжескихъ Дворовъ или же о снятіи на вывѣскахъ ихъ гербовъ подходитъ подъ ст. 29 уст. о нак. (Рез. 3 отд., 14 декабря 1912 г., по д. Тедески).

Ст. 29 Уст. о Нак. и 147 Уст. Герб. 244

Приговоромъ съѣзда установлено, что предпріятіе обвиняемаго принадлежитъ къ числу учрежденій публичнаго характера, какъ имѣющее контору, магазины и склады, что предпріятіе это требуетъ совершенія большого числа сдѣлокъ и составленія связанныхъ с ними документовъ, подлежащихъ оплатѣ гербовымъ сборомъ. По сему неисполненіе предъявленнаго къ обвиняемому податнымъ инспекторомъ, на основаніи ст. 147 уст. герб., законнаго требованія представить для обревизованія всѣ находящіеся въ конторѣ дѣла и документы подходитъ подъ ст. 29 уст. о нак. (Рез. 3 отд. 14 дек. 1912 г. по д. Пагельса).

Ст. 29 Уст. о Нак., ст. 421 Общ. Угр. Губ., ст. 567 Уст. Сельск. Хоз. и ст. 1021 Св. Гр. Узак. Губ. Приб. 245

Ни ст. 567 Уст. сельск. хоз., ни ст. 1021 Св. гр. узак. губ. прибалт. не содержатъ въ себѣ указаній на предоставленіе губернаторамъ изданія, въ развитіе или въ дополненіе ихъ, особыхъ постановленій, а потому измѣненіе, а тѣмъ болѣе ихъ отмѣна могли бы послѣдовать только въ порядкѣ 94 ст. осн. зак. Между тѣмъ воспрещеніе обяз. постановленіемъ лифляндскаго губерна-

[1]) Журн. Мин. Юст. 1913 г. № 5, стр. 246.

тора отъ 11 марта 1910 г. лова снѣтка на разстояніи одной версты во всѣ стороны отъ устья рѣки, впадающей въ Чудское озеро, является не только развивающимъ или дополняющимъ помянутыя законоположенія, но и ихъ отмѣняющимъ. Посему къ нарушенію таковаго, несогласнаго съ закономъ обяз. постановленія не можетъ быть примѣнена 29 ст. уст. о нак. (Рез. 3 отд. 23/30 ноября 1912 г. по д. Кулака).

246 Ст. 57^2 Уст. о Нак. и 634 У. У. С.

Установивъ, что обвиняемый въ принадлежащей ему лѣсной дачѣ произвелъ выборочную и сплошную рубку лѣса, несогласную съ планомъ лѣсного хозяйства, судъ обязанъ примѣнить къ его дѣянію 57^2 ст. и не имѣетъ законнаго основанія его оправдывать лишь на томъ основаніи, что данныя дѣла недостаточны для точнаго опредѣленія размѣра слѣдуемаго съ него денежнаго взысканія, а въ случаѣ признанія необходимости въ дополнительномъ изслѣдованіи этого вопроса обязанъ руководствоваться 634 ст. у. у. с. (Рез. 4 отд. 13 декабря 1912 г. по д. Березкина).

247 Ст. 57^3 Уст. о Нак. и ст. 721 и 747 Уст. Лѣсн.

Постановленіе лѣсоохранительнаго комитета объ отклоненіи просьбы объ обращеніи лѣсныхъ площадей въ другой видъ угодій не должно быть непремѣнно объявлено въ порядкѣ 747 ст. Уст. лѣсн. Постановленіе это можетъ быть объявлено и повѣренному лѣсовладѣльца, если самое заявленіе о расчисткѣ лѣса подано лѣсовладѣльцемъ не лично, а черезъ повѣреннаго. (Рѣшеніе Уг. Касс. Деп. 1912 г. № 13 по д. Островскаго и Ланьцуцкаго).

248 Ст. 61^1 Уст. о Нак.

Согласно 2 п. Выс. утв. 15 апрѣля 1898 г. мнѣнія гос. сов. и 391 ст. уст. врач., провизоры, занимающіеся въ аптекахъ и принимаемые туда и увольняемые отъ службы въ аптекахъ содержателями или управляющими оныхъ, должны быть отнесены къ тѣмъ лицамъ, кои не изъяты отъ платежа больничнаго сбора. (Рез. 1 отд. 20 сентября 1912 г. по д. Савельева).

249 Ст. 66 и 68 Уст. о Нак. и 107 Уст. Строит.

Постройка зданія на смежной съ церковнымъ погостомъ землѣ въ разстояніи ближе пяти саженъ къ церкви, до отчужденія сей земли по 575 и посл. ст. 1 ч. X т. св. зак., не отнесена къ числу уголовно-наказуемыхъ проступковъ, совершеніе коихъ сопряжено съ послѣдствіями по 66 и 68 ст.ст. уст. нак. (Рѣшеніе Уг. Касс. Деп. 1912 г. № 10 по д. Шевченко-Гончукова).

Ст. 66 и 68 Уст. о Нак. 250

При наличности установленнаго въ приговорѣ факта возведенія обвиняемымъ деревяннаго навѣса, не соотвѣтствующаго обязательнымъ постановленіямъ,—то обстоятельство, что онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по приказанію хозяина своего, не исключало права съѣзда, освободивъ обвиняемаго отъ личной отвѣтственности по ст. 66, возложить обязанность сломки упомянутаго навѣса на него, а не на хозяина его, такъ какъ, при разрѣшеніи вопроса о примѣненіи ст. 68 при доказанности нарушенія ст. 66, вполнѣ безразлично, дѣйствовалъ ли обвиняемый самостоятельно или по порученію своего хозяина. (Рез. 1 отд. 18 октября 1912 г. по д. Смирницкаго).

Ст. 76^3 Уст. о Нак. 251

Ст. 76^3 караетъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, виновныхъ въ нарушеніи техническихъ или спеціальныхъ правилъ, ограждающихъ безопасность на сихъ дорогахъ, и, примѣняя ее, судъ долженъ указать, какія именно техническія или спеціальныя правила нарушены или не соблюдены обвиняемымъ. (Рез. 3 отд. 20 дек. 1912 г. по д. Паніотова).

Ст. 145 Уст. о Нак. 252

Въ силу 377 ст. уст. пут. сообщ. и 8 ст. город. полож., набережная рѣки Москвы принадлежитъ городу (р. Гр. Касс. Д-та 1906 г. № 77), а въ виду 426 ст. 1 ч. X т. владѣльцу береговой земли предоставляется право пользоваться обсохшею землею, оставшеюся отъ уклоненія воды; посему обвиняемый, беря самовольно песокъ съ этой отмели, нарушаетъ право собственности города, при чемъ дѣяніе его правильно подведено подъ дѣйствіе 145 ст. уст. о нак. (Рез. 3 отд. 7 декабря 1912 г. по д. Фогетъ).

Ст. 158^1 Уст. о Нак. 253

Размѣръ взысканія, присуждаемаго съ обвиняемыхъ въ лѣсной порубкѣ, опредѣляется по таксѣ, составляемой на основаніи 811 ст. уст. лѣсн., а не по казенной таксѣ, составляемой по 193 ст. уст. лѣсн. (Рез. 4 отд. 29 ноября 1912 г. по д. Дубасова).

Ст. 180^2 Уст. о Нак. 254

Указаніе на неправильное возбужденіе уголовнаго преслѣдованія по 180^2 ст. уст. о нак., до разрѣшенія судомъ гражданскимъ вопроса о значеніи спорныхъ обязательствъ, лишено основанія, такъ какъ преступность ссуды капитала въ чрезмѣрный ростъ обусловливается наличностью данныхъ, которыя могутъ быть установлены лишь при разсмотрѣніи дѣла въ судѣ уголовномъ. (Рез. 2 отд. 2 ноября 1912 г. по д. Пржедеча).

255 Ст. 1 и 214 У. У. С.

Указаніе на нарушеніе ст. 1, состоявшее въ производствѣ врачебнаго осмотра и вскрытія трупа убитаго властями германской имперіи, въ предѣлахъ коей совершено было преступленіе, лишено всякаго основанія, такъ какъ означенныя слѣдственныя дѣйствія произведены были на точномъ основаніи ст. 214 у. у. с. и 173 улож. о нак. (Рез. 4 отд. 22 ноября 1913 г. по д. Амбраваса).

256 Ст. 3 У. У. С. и 43[1] Уст. о Нак.

Изъ сопоставленія п. «и» § 3 и § 79 устава Россійскаго Общества покровительства животнымъ надлежитъ придти къ заключенію, что по протоколамъ, составленнымъ участковымъ попечителемъ при участіи полиціи, судебное преслѣдованіе обвиняемыхъ въ жестокомъ обращеніи съ животными можетъ быть возбуждено непосредственно самимъ обществомъ или уполномоченными имъ членами. (Рез. 3 отд. 20 декабря 1912 г. по д. Поттолетъ) [1]).

257 Ст. 33 У. У. С. и 158[1] Уст. о Нак.

Для опредѣленія подсудности по 2 прим. къ 33 ст. У. У. С. стоимость лѣсныхъ произведеній должна быть опредѣляема по таксѣ, составляемой на основаніи 811 ст. уст. лѣсн., а не по таксѣ, составляемой по 193 ст. уст. лѣсн. (Рез. 4 отд. 29 ноября 1912 г. по д. Дубасова).

258 Ст. 42 и 49 У. У. С. и ст. 90 Уст. о Нак.

Закономъ не установлено никакихъ ограниченій права чиновъ полиціи возбуждать преслѣдованіе по 90 ст. уст. о нак. (Рез. 2 отд. 30 ноября 1912 г., по д. Гардта).

259 Ст. 173 и 1215 У. У. С.

Въ силу 1215 и 173 ст. у. у. с. и рѣш. Уг. Деп. 95|44 право непосредственнаго обжалованія полиціей приговоровъ мировыхъ судебныхъ установленій по дѣламъ о нарушеніяхъ уст. строит. принадлежитъ начальствующимъ органамъ мѣстной полицейской

---

[1]) Ср. тез. 30|1912 г. (Ж. У. Пр. 1912 г. № 2). Въ рез. по д. Поттолеръ Прав. Сенатъ добавляетъ: «ссылка на опредѣленіе Правительствующаго Сената по дѣлу Джильды Рифенсталь въ данномъ случаѣ значенія имѣть не можетъ, такъ какъ названная Рифенсталь не имѣла уполномочія отъ общества покровительства животнымъ на возбужденіе преслѣдованія Петропавловскаго и веденіе дѣла по обвиненію его». Такимъ образомъ, Сенатъ повидимому признаетъ право возбужденія преслѣдованія по 43[1] ст. за Обществомъ, но не за отдѣльными членами (коль скоро, конечно, они не уполномочены Обществомъ на возбужденіе даннаго обвиненія).

власти (т. е. уѣздному или городскому полицейскому управленію и т. п.), а не подчиненнымъ имъ чинамъ, если они начальствомъ своимъ особо не уполномочены на это посредствомъ документа, удовлетворяющаго требованіямъ 2292 ст. 1 ч. X т. и 250 и 1286 ст. у. гр. суд. (Рез. 1 отд. 11 октября 1913 г. по д. Багенскаго).

Ст. 201¹ У. У. С. 260

Дворники, при исполненіи возложенныхъ на нихъ обязательнымъ постановленіемъ спб. градоначальника 4 сентября 1911 г. обязанностей содѣйствія полиціи по надзору за общественной безопасностью, являются должностными лицами, нападеніе на коихъ, съ цѣлью воспрепятствованія отправленію ими должностныхъ обязанностей, съ покушеніемъ на ихъ жизнь, подлежитъ разсмотрѣнію въ порядкѣ 201¹ ст. (Рез. 4 отд. 13 декабря 1912 г. по д. Андреева).

Ст. 201¹ У. У. С. 261

Хотя должностными лицами сельскаго и волостного управленія и должны быть признаны, наравнѣ съ упомянутыми въ ст. 181 Особ. Прил. къ IX т. полевыми и лѣсными сторожами, также ночные караульщики, но лишь при томъ условіи, если они состоятъ таковыми по назначенію отъ общества и приняли на себя эту должность по выбору или найму; но съ подобнымъ назначеніемъ отъ общества на должность ночного караульщика ничего общаго не имѣетъ тотъ случай, когда отдѣльные члены общества отбываютъ отправляемую натурой мірскую повинность содержать ночные караулы (ст. 361 Особ. Прил. къ IX т.). Посему нанесеніе тяжкихъ ранъ, отъ коихъ послѣдовала смерть, лицу, бывшему не постояннымъ караульщикомъ, а лишь очереднымъ ночнымъ, не подлежитъ разсмотрѣнію въ порядкѣ 201¹ ст. (Рез. 4 отд. 22 ноября 1912 г. по д. Чиркова).

Ст. 222 У. У. С. и 247 Воен.-Суд. Уст. 262

Такъ какъ подсудность воинскихъ чиновъ, не состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ (къ каковымъ относятся воинскіе чины, находящіеся въ запасѣ или отставкѣ, а въ отношеніи нижнихъ чиновъ—также и въ продолжительномъ отпуску), опредѣляется особыми постановленіями ст. 220 и 221 съ прим. 1 у. у. с. и ст. 245 съ прим. и 248 уст. воен. суд., то очевидно, что ст. 226 у. у. с. уже не можетъ относиться къ этимъ же самымъ воинскимъ чинамъ, но имѣетъ въ виду иную ихъ категорію, а именно тѣхъ воинскихъ чиновъ, которые, занимая должности по гражданской службѣ, продолжаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, числиться на военной службѣ, состоя на ней по роду оружія или по роду прежней службы. (Рѣшеніе Общ. Собр. 1912 г. № 32 по д. Гандурина и др.).

263 Ст. 222 У. У. С. и 247 Уст. Воен. Суд.

Воинскіе чины, занимая должности по гражданскому и, въ частности, по военно-народному управленію и числясь вмѣстѣ съ тѣмъ на дѣйствительной военной службѣ, хотя бы даже и въ строевой части, по этимъ своимъ должностямъ должны быть разсматриваемы все же, какъ должностныя лица, состоящія на службѣ по гражданскому управленію, и за преступленія по этимъ должностямъ, на основаніи ст. 222 уст. уг. суд. и ст. 247 воен.-суд. уст., должны подлежать уголовному суду гражданскаго вѣдомства въ порядкѣ, опредѣленномъ для дѣлъ о преступленіяхъ должности гражданской службы. (Рѣш. Общ. Собр. 17 дек. 1912 г. № 32 по д. Гандурина и др.).

264 Ст. 264 и 352 У. У. С.

Въ уставѣ уголовнаго судопроизводства нѣтъ воспрещенія судебнымъ слѣдователямъ, въ случаяхъ необходимости (ст. 264 уст. уг. суд.), производить освидѣтельствованіе лицъ, хотя бы и не привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ; единственное въ этомъ отношеніи ограниченіе указано для лицъ женскаго пола (ст. 352 уст. уг. суд.), особое упоминаніе о коихъ доказываетъ, что въ отношеніи лицъ мужского пола такого ограниченія нѣтъ. (Опр. Соед. прис. 21 апрѣля 1912 года по дѣлу № 459).

265 Ст. 413 и 547 У. У. С.

Не провѣренныя на судѣ показанія неграмотнаго отца подсудимаго не могутъ имѣть рѣшающаго значенія на опредѣленіе его возраста; посему, не истребовавъ къ дѣлу метрической справки подсудимаго и назначивъ ему наказаніе, какъ достигшему 17-ти лѣтняго возраста, судъ допустилъ существенное нарушеніе 547 и 413 ст. у. у. с., тѣмъ болѣе, что сомнѣніе при опредѣленіи возраста подсудимаго должно быть истолковано не во вредъ, а въ пользу подсудимаго. (Рез. 3 отд. 23 ноября 1912 г. по д. Николаенки).

266 Ст. 476 У. У. С.

Если обвиняемыхъ по дѣлу нѣсколько, и притомъ они проживаютъ или содержатся подъ стражей въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, то, въ видѣ исключенія изъ общаго правила 476 ст., допустимо, независимо отъ согласія на это обвиняемыхъ, предъявленіе слѣдственнаго производства по копіямъ съ него. При этомъ, когда къ дѣлу приложены вещественныя доказательства или подлинные документы, ходатайство обвиняемаго о предъявленіи ему подлиннаго слѣдственнаго производства подлежитъ удовлетворенію. (Рѣшеніе Уг. Кас. Деп. 1912 г. № 15).

Ст. 557 У. У. С. 267

Требованіе ст. 557 объ указаніи избраннаго подсудимымъ защитника въ семидневный срокъ по врученіи копіи обвинительнаго акта установлено въ интересахъ обвиняемаго и вовсе не заключаетъ въ себѣ правила, ограничивающаго права подсудимаго въ отношеніи избранія защитника именно указаніемъ на него суду въ порядкѣ 557 ст.; такое заявленіе можетъ послѣдовать во всякое время, и выдача и представленіе общей довѣренности на веденіе всѣхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ равносильны заявленію объ избраніи защитникомъ лица, которому такая довѣренность выдана. (Опр. Сод. Прис. 13 окт. 1912 г. по д. № 923).

Ст. 629 и 687 У. У. С. 268

Жалоба, поданная потерпѣвшею судебному слѣдователю, не относится къ числу тѣхъ протоколовъ и документовъ, оглашеніе коихъ допускается по 687 и 629 ст. (Рез. 1 отд. 20 іюня 1912 г. по д. Каненко и др.).

Ст. 687 и 429[1] У. У. С. 269

Учрежденная при прокурорѣ С.-Петербургской судебной палаты фотографическая лабораторія, преобразованная въ кабинетъ научно-судебной экспертизы (ст. 429[1] у. у. с. по закону 28 іюня 1912 г.), имѣла цѣлью «содѣйствовать слѣдственной власти къ обнаруженію виновнаго и выясненію преступленія», а потому составленные ею акты изслѣдованія и фотографическіе по дѣламъ о подлогахъ снимки подлежатъ, по требованію сторонъ, прочтенію и предъявленію на судѣ. (Рез. 3 отд. 23 ноября 1912 г. по д. Волобуевыхъ и др.).

Ст. 711, 714 и 97 У. У. С. 270

Старообрядцы, не принадлежащіе къ зарегистрированнымъ общинамъ, могутъ быть приводимы къ присягѣ ихъ «стариками» и «начетчиками», не состоящими въ званіи зарегистрированныхъ наставниковъ. (Рѣшеніе Общ. Собр. 26 ноября 1912 г. № 26).

Ст. 893, 894 и 896 У. У. С. 271

Опредѣленіе суда о признаніи лица гражданскимъ истцомъ не относится къ тѣмъ, точно перечисленнымъ въ 893, 894 и 896 ст. предметамъ, по коимъ допускается принесеніе частныхъ жалобъ и протестовъ отдѣльно отъ ходатайствъ объ отмѣнѣ приговоровъ судебныхъ мѣстъ по дѣламъ уголовнымъ. (Рез. 2 отд. 7/14 декабря 1912 г., по д. Венеціанова).

272 Ст. 910 и 916[1] У. У. С.

При устраненіи Сенатомъ кассаціонной жалобы, на основаніи 916[1] ст., отъ разсмотрѣнія, кассаціонный залогъ подлежитъ обращенію въ казну. (Рез. 2 отд. 20 августа 1912 г. по д. Пемурова).

273 Ст. 1066, 1077, 1085 и 1088 У. У. С.

Члены уѣздныхъ землеустроительныхъ комиссій, по выбору отъ крестьянъ, подлежатъ преслѣдованію за преступныя дѣянія, совершенныя ими по исполненію обязанностей членовъ помянутыхъ комиссій, въ порядкѣ, установленномъ для преступленій должности; возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ нихъ зависитъ отъ губернатора, а преданіе ихъ суду—отъ губернскаго правленія. (Рѣшеніе Общ. Собр. 1912 г. № 29).

274 Ст. 1077 и 1088 У. У. С.

е Возбужденіе преслѣдованія противъ предсѣдателя и членовъ іmлеустроительныхъ комиссій, въ составѣ присутствія, и преданiе ихъ суду за преступныя дѣянія, совершаемыя при разрѣшен и подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ, зависитъ отъ Соед. Прис. 1 и Касс. Деп. Пр. Сен., съ соблюденіемъ относительно губернаторовъ прим. 6 къ ст. 1088. (Рѣшеніе Общ. Собр. 1912 г. № 29).

275 Ст. 17 и 19 Прав. о мѣстн., объявл. на воен. пол. (прил. къ 23 ст. 1 ч. II т. Общ. Учр. Губ.).

Неразрѣшенныя ко времени снятія военнаго положенія дѣла объ указанныхъ въ ст. 17 преступныхъ дѣяніяхъ, учиненныхъ непринадлежащими къ арміи лицами гражданскаго вѣдомства, въ мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи, не могутъ быть подчинены порядку, установленному примѣчаніемъ 1 къ ст. 1278 уст. военн. суд., и подсудны военному суду лишь въ томъ случаѣ, если преданіе по нимъ суду лицъ гражданскаго вѣдомства послѣдовало въ установленномъ порядкѣ, при дѣйствіи военнаго положенія. (Рѣш. Общ. Собр. 17 дек. 1912 г. [1]).

276 Ст. 1127 Уст. Акц. Сбор. (Св. Зак. т. V).

Дѣяніе обвиняемаго, заключающееся въ томъ, что онъ, не имѣя патента на производство торговли крѣпкими напитками, отдаетъ желающимъ помѣщеніе для устраиваемыхъ ими вечеровъ, обѣдовъ и пр., при чемъ допускаетъ въ этомъ помѣщеніи распитіе крѣпкихъ напитковъ, должно быть квалифицируемо по ст. 1127. (Рез. 1 отд., 1/8 ноября 1912 г., по д. Фролова).

[1]) Журн. М. Юст 1913 г. № 5, стр. 235—240.

Ст. 1200 Уст. Акц. Сбор. 277

Въ случаѣ установленія судомъ, что обвиняемый хранилъ въ своемъ торговомъ помѣщеніи, не имѣющемъ патента на право продажи табачныхъ издѣлій, вмѣстилища съ нѣкоторыми издѣліями, онъ можетъ быть признанъ оправданнымъ по обвиненію въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ ст. 1200, только въ томъ случаѣ, если будетъ признано, что въ дѣяніи его нѣтъ ни умышленной вины, ни какой-либо неосторожности или небрежности. (Рез. 1 отд. 29 ноября 1912 г. по д. Рыдень).

Ст. 1207 Уст. Акц. Сбор. и ст. 846 и сл. У. У. С. 278

Въ случаяхъ, означенныхъ въ ст. 1207 уст. объ акц. сбор., для постановленія о конфискаціи отобранныхъ у обвиняемаго предметовъ вовсе не требуется производства сыска обвиняемаго по правиламъ 846 и слѣд. у. у. с., каковой сыскъ даже не можетъ быть произведенъ, если обвиняемый подлежитъ наказанію ниже тюремнаго заключенія (рѣш. У. К. Д. 1886 г. № 11), а необходима лишь публикація о вызовѣ скрывшагося обвиняемаго къ извѣстному сроку. Таковая публикація должна быть сдѣлана судомъ, къ которому обращается казенное управленіе съ ходатайствомъ о конфискаціи. (Рез. 1 отд. 13 декабря 1912 г. по д. Канкари).

Ст. 1115 Уст. Тамож. (Св. Зак. т. VI). 279

Ст. 1115 не можетъ быть примѣнена въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло передано, по подсудности, въ судебныя установленія, коими будетъ признано, что въ дѣяніи подсудимаго имѣются признаки не уголовно наказуемаго нарушенія таможеннаго устава, а лишь нарушенія, подлежащаго разсмотрѣнію въ административномъ порядкѣ. (Рез. 1 отд. 11/18 октября 1912 г. по д. Эрфрахта).

Ст. 416 Уст. Сод. Страж., по прод. 1909 г. (Св. Зак. т. XIV). 280

Условное досрочное освобожденіе примѣняется и къ содержащимся въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства запаснымъ нижнимъ чинамъ, переведеннымъ въ эти тюрьмы по увольненіи въ запасъ изъ дисциплинарныхъ частей. Необходимымъ условіемъ примѣненія является содержаніе нижнихъ чиновъ въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства въ теченіе не менѣе шести мѣсяцевъ, безъ зачета въ этотъ срокъ времени, проведеннаго до того подъ стражею; но время это должно причисляться къ зачету при исчисленіи $^3/_4$ срока опредѣленнаго имъ наказанія по приговорамъ, которыми нижніе чины до выхода въ запасъ присуждены къ отдачѣ въ дисциплинарные баталіоны. (Рѣшеніе Уг. Кас. Деп. 1912 г. № 11).

281 Ст. 92 Уст. Ссыльн. (Св. Зак. т. XIV).

Законъ, изложенный въ послѣдней части 92 ст., имѣетъ въ виду сокращать для несовершеннолѣтнихъ, осужденныхъ въ каторжныя работы, на $^1/_3$ время испытанія, соотвѣтствующее тѣмъ срокамъ, къ которымъ они въ окончательномъ выводѣ, по примѣненіи къ нимъ ст. 139 улож. о нак., дѣйствительно приговорены. (Рѣшеніе Уг. Кас. Деп. 1912 г. № 16).

282 Прил. 1 къ ст. 8 Воинск. Уст. о Нак.

При замѣнѣ наказанія по воинск. уст., вмѣсто назначеннаго по уст. о нак., налаг. мир. суд., заключенія въ тюрьмѣ на четыре мѣсяца — одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ не можетъ быть назначено выше двухъ мѣсяцевъ. (Рез. 2 отд. 12 октября 1912 г. по д. Масюкаса).

283 Ст. 271, 334 и 338 Воен.-Суд. Уст.

На точномъ основаніи ст. 271 воен.-суд. уст., дѣла по обвиненіямъ лицъ, подлежащихъ вѣдѣнію военнаго суда, въ совершеніи преступнаго дѣянія, учиненнаго ими за - границею, являются всегда подсудными военно-окружному суду и, вслѣдствіе сего, въ дальнѣйшемъ своемъ направленіи (въ частности — въ отношеніи производства предварительнаго слѣдствія) должны подчиняться тому порядку, какой установленъ для дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію военно-окружнаго суда, а не полкового суда, хотя бы данное дѣло, по мѣрѣ угрожающей обвиняемому отвѣтственности, по существу являлось подсуднымъ полковому суду. (Рѣшеніе Общ. Собр. 1912 г. № 28 по д. Ксендзова).

За 1913 годъ.

1 Ст. 529 Уг. Ул.

Подъ понятіемъ «притонъ разврата» (п. 2 ч. 1 ст. 500, ч. 2 ст. 527 и ст. 529 угол. улож.) ни въ коемъ случаѣ нельзя разумѣть притонъ тайный, такъ какъ такимъ толкованіемъ закона была бы совершенно извращена его мысль, заключающаяся въ охранѣ женщинъ отъ поставленія ихъ въ наиболѣе опасныя для ихъ нравственности условія, сходныя въ семъ отношеніи въ тайныхъ и явныхъ притонахъ. Поэтому не можетъ быть признано правильнымъ соображеніе съѣзда, что подъ притономъ разврата (ст. 529 угол. улож.) законъ разумѣетъ такого рода квартиры, которыя не подчиняются правиламъ, издаваемымъ врачебно-полицейскимъ комитетомъ, и укрываются ихъ содержателями отъ надзора. (Рез. 3 отд. 25 января 1913 г. по д. Лобсъ № 15681).

Ст. 529 Угол. Улож. 2

Ч. 1 ст. 529 угол. улож., въ отличіе отъ ст. 500 (п. 2 ч. 1) сего улож., предусматриваетъ принятіе въ притонъ разврата лица женскаго пола моложе 21 года, независимо отъ того, имѣетъ или нѣтъ несовершеннолѣтняя свидѣтельство отъ полиціи на занятіе проституціей. Поэтому, съѣздъ, установивъ, что обвиняемая была хозяйкой притона разврата, а не обыкновенной хозяйкой квартиры, гдѣ только жили посторонніе, не состоящіе съ нею въ какихъ-либо соглашеніяхъ, жилички проститутки, что обвиняемая имѣла въ своемъ притонѣ несовершеннолѣтнюю проститутку, правильно примѣнилъ ст. 529 угол. улож. (Рез. 3 отд. 26 апрѣля 1913 г. по д. Зуевой № 4735).

Ст. 529 Угол. Улож. 3

Удержаніе въ притонѣ разврата можетъ быть осуществляемо всякими способами, лишающими женщину возможности оставить притонъ. Такими способами могутъ быть задержаніе въ выдачѣ паспорта, необходимаго для перемѣны мѣстожительства, а также вещей проститутки, если только въ послѣднемъ случаѣ она лишена необходимыхъ принадлежностей, безъ коихъ она не имѣетъ возможности перемѣнить мѣсто своего пребыванія (рез. 3 отд. 10 Мая по д. Хазановой № 5932).

Ст. 131 и 152^1 Улож. о Нак. и ст. 14^1 и 16^1 Уст. о Наказ. 4

Лицо, коему предварительное заключеніе засчитано въ наказаніе полностью, не можетъ считаться не отбывшимъ наказанія, хотя бы время зачтеннаго ареста было равно времени присужденнаго заключенія. Поэтому такое наказаніе должно быть принимаемо во вниманіе при опредѣленіи отвѣтственности за повтореніе (рез. 3 отд. 1 марта 1913 г. по д. Максимова № 1685).

Ст. 296 и 1395 Улож. о Наказ. 5

Наложеніе фальшиваго пробирнаго клейма, съ цифрою 56 для обозначенія пробы золота, на мѣдное кольцо подходитъ не подъ ст. 1395 улож. наказ., а подъ ст. 296 сего улож. (рез. 3 отд. 26 апрѣля—10 мая 1913 г. по д. Барановскаго № 4238).

Ст. 1171 Улож. о Наказ. 6

Изъ сопоставленія прим. 1 (п. 2) къ ст. 13 прил. къ ст. 68 уст. пасп., изд. 1903 г., предоставляющаго аптекарскимъ помощникамъ право повсемѣстнаго жительства, со ст. 13^1 того же прил., по прод. 1906 г., предоставляющей право повсемѣстно производить торговлю евреямъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, къ числу коихъ аптекарскіе помощ-

ники не принадлежатъ, слѣдуетъ, что на послѣднихъ, имѣющихъ право жительства внѣ черты еврейской осѣдлости, право производства торговли внѣ оной не распространяется. Посему судебная палата, признавъ, что еврей аптекарскій помощникъ производилъ въ Нижегородской губ. торговлю аптекарскими товарами и музыкальными инструментами, правильно примѣнила къ нему ст. 1171 улож. наказ. (рез. 3 отд. 15 февраля 1913 г. по д. Моносзонъ № 568).

7 Ст. 1171 Улож. о Наказ.

Вкладчикъ въ торговомъ предпріятіи подлежитъ отвѣтственности по ст. 1171 улож. наказ., если онъ производилъ торговлю, напр., принималъ заказы и наблюдалъ за магазиномъ (рез. 3 отд. 17 мая 1913 г. по д. Гохлернера № 6271).

8 Ст. 1353 Улож. о Наказ.

Для признанія наличности преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго ст. 1353 улож. наказ., вовсе не требуется, чтобы виновные въ нарушеніи привилегіи точно воспроизвели изобрѣтеніе владѣльца привилегіи. Такое положенія не вытекаетъ ни изъ существа понятія о привилегіи на изобрѣтенія, ни изъ законнаго опредѣленія сего понятія, ибо а), при требованіи точнагс воспроизведенія изобрѣтенія, каждый могъ бы воспользоваться самымъ оригинальнымъ изобрѣтеніемъ и плодами геніальной мысли и продолжительнаго труда изобрѣтателя, сдѣлавъ въ запатентованномъ изобрѣтеніи незначительное измѣненіе, и б), какъ видно изъ точнаго смысла ст. 198[3] уст. пром. (по прод. 1906 г.), привилегіи выдаются на изобрѣтенія или усовершенствованія, представляющія во всемъ своемъ объемѣ, или въ нѣкоторыхъ частяхъ, или въ своеобразномъ сочетаніи, хотя бы извѣстныхъ въ отдѣльности, частей, существенную новизну. Посему судебная палата, при разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимыхъ въ нарушеніи привилегіи, должна установить не то, представляютъ ли машины, продаваемыя подсудимыми, явное сходство съ запатентованными машинами, а то, отличаются ли продаваемыя машины отъ машинъ, описанныхъ въ патентѣ, существенной новизной, и представляютъ ли свойства двигателей, продаваемыхъ подсудимыми, значеніе самостоятельнаго изобрѣтенія (рез. 3 отд. 15 февраля—8 марта 1913 г. по д. Левина № 8869).

9 Ст. 1354 и 1357[1] Улож. о Наказ.

Ст. 1354 и 1357[1] улож. наказ. предусматриваютъ два различныя преступленія: ст. 1357[1] караетъ виновныхъ въ самовольномъ пользованіи чужимъ или сходственнымъ съ чужимъ товарнымъ знакомъ, тогда какъ ст. 1354 имѣетъ въ виду самую поддѣлку чужого товарнаго знака или клейма. Поэтому представляется неправильнымъ примѣненіе этой послѣдней статьи къ дѣянію подсу-

димаго, выразившемуся въ томъ, что онъ торговалъ бальзамомъ, снабженнымъ завѣдомо для него чужимъ товарнымъ знакомъ (этикетомъ), безъ установленія однако, чтобы онъ чѣмъ-либо проявилъ свое участіе въ самой поддѣлкѣ этикетовъ (рез. 3 отд. 3/10 мая 1913 г. по д. Бидермана и др. № 5061).

Ст. 1357[1] Улож. о Наказ. 10

Самовольное пользованіе обвиняемымъ для торговли фруктовыми водами бутылками чужого завода съ отлитымъ на стеклѣ ихъ товарнымъ знакомъ послѣдняго, находящимся завѣдомо для обвиняемаго въ исключительномъ пользованіи сего завода, подходитъ подъ ст. 1357[1] улож. наказ. (рез. 3 отд. 22 марта 1913 г. по д. Пигрова № 1562).

Ст. 1357[1] Улож. о Наказ. 11

Составъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1357[1] улож. наказ., право владѣльца товарнаго знака преслѣдовать лицъ, самовольно пользующихся симъ знакомъ, не стоитъ въ зависимости отъ того, пользуется самъ владѣлецъ или нѣтъ этимъ именно знакомъ (рез. 3 отд. 11 января 1913 г. по д. Гловицкаго № 12266).

Въ самовольномъ пользованіи не всѣмъ товарнымъ знакомъ, состоящимъ изъ рисунка и слова (наименованіе лекарственнаго вещества), а только означеннымъ словомъ не заключается состава преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1357[1] улож наказ., ибо, согласно п. 4 ст. 161[8] уст. пром., не могутъ быть почитаемы товарнымъ знакомъ отдѣльныя цифры, буквы или слова, не представляющія отличительнаго знака (рез. 3 отд. 8 февраля 1913 г. по д. Гандина № 9701).

Прим. къ ст. 1357[3] Улож. о Наказ. 12

Лицо, пріобрѣвшее по договору право на товарный знакъ, можетъ преслѣдовать за самовольное пользованіе симъ знакомъ лишь въ томъ случаѣ, если при пріобрѣтеніи знака были соблюдены условія, предписанныя ст. 161[16] уст. пром. для отчужденія товарныхъ знаковъ новому владѣльцу (рез. 3 отд. 8 февраля 1913 г. по д. Гандина № 9701).

Ст. 1528 Улож. о Наказ. 13

Дѣйствіе ст. 1528 улож. наказ. не ограничивается только присужденными къ каторжнымъ работамъ; поэтому судъ, назначивъ признанному виновнымъ по означенной статьѣ отдачу въ исправительныя арестантскія отдѣленія, обязанъ опредѣлить высшую мѣру по избранной имъ степени сего наказанія (рез. 3 отд. 29 марта 1913 г. по д. Колесникова № 3656).

14 Ст. 18 и 146^{1} Уст. о Наказ.

Возбужденіе уголовнаго преслѣдованія за самовольную охоту въ Лифляндіи на землѣ, пріобрѣтенной крестьяниномъ отъ помѣщика, принадлежитъ не только помѣщику (прим. къ ст. 883 св. гражд. узак. губ. прибалт.), но и крестьянину—собственнику земли (ст. 874 того же свода). (Рез. 3 отд. 1/22 марта 1913 г. по д. Линтера № 16843).

15 Ст. 29 Уст. о Наказ.

Заявленіе объ избранномъ общиною сектантовъ молитвенномъ помѣщеніи должно быть сдѣлано въ порядкѣ ст. 8 и 9 отд. II Высочайшаго указа 17 октября 1906 г. (собр. узак., ст. 1728), и административная власть не имѣетъ права требовать испрошенія еще особаго разрѣшенія на молитвенныя собранія въ избранныхъ общиною домахъ, а если признаетъ заявленное помѣщеніе несоотвѣтствующимъ строительнымъ правиламъ, установленнымъ для обезпеченія общественной безопасности, то можетъ предъявить требованіе о прекращеніи собранія въ такомъ помѣщеніи (рез. 3 отд. 11 января 1913 г. по д. Сервинскаго № 10543).

16 Ст. 57^{10} Уст. о Наказ. (по закону 9 мая 1911 г.).

Ст. 57^{10} уст. наказ. (по закону 9 мая 1911 г.) примѣнима къ продажѣ маломѣрной рыбы въ бассейнѣ рѣки Волги, хотя бы рыба и не была уловлена въ этомъ бассейнѣ (рез. 3 отд. 1 марта 1913 г. по д. Суворова № 14883).

17 Ст. 57^{11} Уст. о Наказ. и ст. 932 уст. сельск. хоз.

Закономъ не установлена конфискація рыбы, наловленной запрещенными орудіями, у покупщиковъ и продавцевъ ея, такъ какъ ст. 932 уст. сельск. хоз. предписываетъ конфисковать рыбу только у лицъ, виновныхъ въ ея ловлѣ съ нарушеніемъ установленныхъ закономъ правилъ (рез. 3 отд. 11 января 1913 г. по д. Доброхотова № 11425).

18 Ст. 69 Уст. о Наказ.

Договоръ арендатора дома съ домовладѣльцемъ объ исправленіи мостовой не можетъ перенести уголовную отвѣтственность по ст. 69 уст. наказ. за неисправленіе мостовой съ хозяина дома на арендатора (рез. 3 отд. 10 мая 1913 г. по д. Пилата № 5578).

19 Ст. 142 Уст. о Наказ.

Ст. 142 уст. наказ. можетъ быть примѣнена къ случаямъ вторженія въ чужое жилище лишь тогда, когда такое вторженіе сопро-

вождалось насиліемъ. Поэтому съѣздъ, установивъ только, что обвиняемая ночью звонила къ потерпѣвшей съ такою силой, что оборвало звонокъ, не имѣлъ основанія для примѣненія къ дѣянію обвиняемой означенной статьи (рез. 3 отд. 25 января 1913 г. по д. Смирновой № 13861).

Ст. 142 Уст. о Наказ. 20

Въ губерніяхъ прибалтійскихъ наймодатель въ правѣ задержать имущество квартиранта до удовлетворенія своихъ требованій, вытекающихъ изъ договора (прим. къ ст. 1403 св. гражд. узак. губ. прибалт., по прод. 1890 г.). Поэтому, если дѣйствія наймодателя, выразившіяся въ приставленіи караула къ вещамъ его квартирантки, являлись лишь законнымъ огражденіемъ его правъ, то онъ не можетъ подлежать отвѣтственности за самоуправство по ст. 142 уст. наказ. (Рез. 3 отд. 25 января — 1 февраля 1913 г. по д. Майма № 14144).

Ст. 573—577 У. У. С. 21

При неуказаніи товарищемъ прокурора въ требованіи о вызовѣ свидѣтелей тѣхъ обстоятельствъ, которыя свидѣтели должны удостовѣрить, подсудимый имѣетъ право ходатайствовать объ отсрочкѣ засѣданія для вызова новыхъ свидѣтелей, въ опроверженіе свидѣтелей, вызванныхъ по требованію товарища прокурора (1886 г. № 17). Если же защитникъ подсудимаго не просилъ судъ объ ознакомленіи его съ тѣми обстоятельствами, въ подтвержденіе коихъ вызваны были дополнительные свидѣтели, не указалъ ни самыхъ свидѣтелей со стороны подсудимаго ни, тѣмъ болѣе, обстоятельствъ, кои они должны удостовѣрить, а ограничился только ходатайствомъ о предоставленіи семидневнаго срока для вызова свидѣтелей, то при такихъ условіяхъ отказъ суда въ этомъ ходатайствѣ не составляетъ нарушенія, такъ какъ судъ, лишенный возможности войти въ обсужденіе означенныхъ обстоятельствъ, имѣлъ законное основаніе къ такому отказу (рез. 3 отд. 26 Апрѣля 1913 г. по д. Дроненко № 4695).

Ст. 575 У. У. С. 22

Если подсудимый въ прошеніи своемъ о вызовѣ свидѣтелей указалъ, что свидѣтели эти спрошены на предварительномъ слѣдствіи, то судъ, имѣя возможность ознакомиться съ показаніями, данными ими на предварительномъ слѣдствіи, обязанъ, за силою ст. 575 уст. угол. суд., войти въ разсмотрѣніе вопроса, насколько эти показанія являются относящимися къ дѣлу, и не въ правѣ отказывать въ вызовѣ этихъ свидѣтелей лишь на томъ основаніи, что подсудимый не указалъ, въ подтвержденіе какихъ обстоятельствъ онъ проситъ о вызовѣ свидѣтелей (рез. 3 отд. 25 Января 1913 г. по д. Звягиныхъ № 17482).

23

Ст. 575 У. У. С.

Отказъ суда въ ходатайствѣ подсудимыхъ о вызовѣ свидѣтелей на томъ основаніи, что обстоятельства, которыя должны установить свидѣтели, не давали подсудимымъ права и не вызывали съ ихъ стороны необходимости употреблять насиліе противъ потерпѣвшихъ, составляетъ существенное нарушеніе ст. 575 Уст. Угол. Суд., если подсудимые просили о вызовѣ свидѣтелей въ опроверженіе того, что они дѣйствовали съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, каковое обстоятельство представляется весьма важнымъ въ виду обвиненія ихъ въ предумышленномъ нанесеніи ранъ (рез. 3 отд. 15 марта 1913 г. по д. Иванова № 2327).

24

Ст. 575—577 У. У. С.

Судъ въ правѣ, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, отмѣнить свое опредѣленіе объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей, за неуказаніемъ подсудимымъ обстоятельствъ, которыя свидѣтели должны удостовѣрить, или за пропускомъ установленнаго ст. 557 Уст. Угол. Суд. срока, и, несмотря на возраженіе товарища прокурора, допустить къ допросу на судѣ приведенныхъ подсудимымъ свидѣтелей, о вызовѣ коихъ было отказано, если признаетъ, что обстоятельства, о коихъ свидѣтели должны показывать, относятся къ существу дѣла, являются новыми и имѣющими настолько существенное для дѣла значеніе, что допросъ ихъ вызываетъ отсрочку засѣданія (рез. 3 отд. 18 января 1913 г. по д. Трошина № 16437).

25

Ст. 576 У. У. С.

Судъ, обусловивъ вызовъ свидѣтеля лишь представленіемъ со стороны подсудимаго необходимыхъ для уплаты свидѣтелю денегъ, не въ правѣ отказать въ допросѣ этого свидѣтеля потому, что онъ явился въ засѣданіе по добровольному соглашенію съ подсудимымъ (рез. 3 отд. 29 марта 1913 г. по д. Деревянки № 3905).

26

Ст. 577 У. У. С.

Удовлетвореніе судомъ ходатайства подсудимаго о вызовѣ свидѣтелей по вновь открывшимся обстоятельствамъ не обязываетъ судъ вызывать всѣхъ тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ сталъ бы впослѣдствіи ссылаться подсудимый по сему же основанію (рез. 3 отд. 26 апрѣля 1913 г. по д. Пелипенка № 4905).

27

Ст. 611, 801 и 802 У. У. С.

Приведеніе предсѣдателемъ во время судебнаго слѣдствія объясненій для оцѣнки доказательства, основанныхъ при томъ на

данныхъ, только ему извѣстныхъ изъ другого когда-то разсматривавшагося въ судѣ дѣла, составляетъ существенное нарушеніе ст. 611, 801 и 802 уст. угол. суд. (рез. 3 отд. 10 Мая 1913 г. по д. Шелопаева № 5708).

Ст. 692 У. У. С. 28

Признаніе необходимости въ производствѣ освидѣтельствованія потерпѣвшихъ на предметъ опредѣленія вліянія причиненныхъ имъ поврежденій на состояніе ихъ памяти зависитъ отъ суда, рѣшающаго дѣло по существу, и повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ не подлежитъ (рез. 3 отд. 15 Марта 1913 г. по д. Чалаго № 3111).

Ст. 801 и 804 У. У. С. 29

Уст. угол. суд. не предоставлено присяжнымъ засѣдателямъ права возбуждать ходатайство о помилованіи осужденныхъ. Поэтому разъясненіе предсѣдателемъ въ его напутственномъ словѣ о правѣ присяжныхъ ходатайствовать въ путяхъ Монаршаго милосердія о смягченіи участи подсудимаго или его помилованіи, а тѣмъ болѣе указаніе предсѣдателя въ дополнительномъ объясненіи о случаяхъ непредставленія Министромъ Юстиціи подобныхъ ходатайствъ на Высочайшее благоусмотрѣніе представляется существеннымъ нарушеніемъ ст. 801 и 804 уст. угол. суд., такъ какъ подобнымъ разъясненіемъ и указаніемъ присяжные какъ бы побуждаются основать свое рѣшеніе не на совокупности всѣхъ, выяснившихся по дѣлу обстоятельствъ, по внутреннему убѣжденію, а на соображеніяхъ о способахъ и условіяхъ облегченія участи или полнаго помилованія подсудимаго (рез. 3 отд. 15 Марта 1913 г. по д. Михайловой № 2927).

Ст. 802 У. У. С. 30

Отказъ предсѣдателя въ ходатайствѣ со стороны защиты разъяснить присяжнымъ засѣдателямъ, какіе ограничительные отвѣты они могутъ дать на вопросъ о виновности подсудимаго въ предумышленномъ убійствѣ, послѣдовавшій на томъ основаніи, что путемъ ограничительныхъ отвѣтовъ на означенный вопросъ нельзя перейти къ признанію подсудимаго виновнымъ по ч. 2 ст. 1484 улож. наказ., составляетъ существенное нарушеніе ст. 802 уст. угол. суд., ибо, въ случаѣ отрицанія присяжными засѣдателями того, что подсудимый «заранѣе задумалъ лишить жизни» потерпѣвшаго, равно какъ того, что онъ дѣйствовалъ «съ цѣлью лишить жизни», подсудимый былъ бы признанъ виновнымъ въ умышленномъ нанесеніи раны, послѣдствіемъ которой была смерть потерпѣвшаго, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ч. 2 ст. 1484 улож. наказ., по коей наказывается нанесеніе раны не только въ состояніи аф-

фекта (запальчивости и раздраженіи), но и по простому умыслу (рез. 3 отд. 15 Марта 1913 г. по д. Запѣвалова № 3084).

31 Ст. 816. У. У. С.

Если присяжные засѣдатели, отвѣтивъ отрицательно на первый вопросъ о виновности подсудимаго въ томъ, что, съ цѣлью лишить жизни потерпѣвшихъ, онъ нанесъ имъ ножемъ раны (ч. 2 ст. 1455 улож. наказ.), по второму вопросу о виновности того же подсудимаго по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1456 улож. о наказ., признали его виновнымъ, установивъ этимъ своимъ отвѣтомъ, что подсудимый, нанося означеннымъ въ первомъ вопросѣ потерпѣвшимъ раны, имѣлъ намѣреніе лишить ихъ жизни, то такіе отвѣты присяжныхъ засѣдателей представляются противврѣчивыми, указывающими на произвольное разрѣшеніе ими однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствующими, что предсѣдательствующимъ не было присяжнымъ засѣдателямъ дано надлежащее, въ порядкѣ ст. 801 уст. угол. суд., разъясненіе, а со стороны суда не было исполнено требованіе ст. 816 сего уст. о возвращеніи ихъ къ новому совѣщанію въ виду содержащагося въ ихъ отвѣтахъ внутренняго противорѣчія (рез. 3 отд. 10 Мая 1913 г. по д. Кузнецова № 5604).

32 Ст. 816 У. У. С.

Утвердительный отвѣтъ присяжныхъ засѣдателей на вопросъ о событіи преступленія, въ коемъ заключалось указаніе, что преступленіе было дѣяніемъ подсудимаго, и отрицательный отвѣтъ на вопросъ о виновности не содержатъ въ себѣ, въ виду рѣшенія 1904 г. № 5 по д. Семенова, противорѣчія (рез. 3 отд. 15 Марта 1913 г. по д. Резонтова № 3130).

33 Ст. 816 У. У. С.

Присяжные засѣдатели могутъ, не впадая въ противорѣчіе, признать похитителя виновнымъ въ кражѣ на сумму менѣе 300 руб., а укрывателей похищеннаго—виновными съ сокрытіи слѣдовъ кражи на сумму болѣе 300 руб. (рез. 3 отд. 15 Марта 1913 г. по д. Кайриша № 3037).

IV.

Библіографія.

Новое изслѣдованіе въ области ученія о виновности въ уголовномъ правѣ.

Max Kauffmann, Privatdozent für Medicin an der Universität Halle a. d. S. Das Verschuldungsprinzip im Strafrecht. Halle. 1912.

Ученіе о виновности и ея формахъ въ послѣднее время привлекаетъ особенное вниманіе нѣмецкихъ и австрійскихъ ученыхъ и разрабатывается ими съ большой тщательностью. Достаточно назвать работы Франка, Гиппеля, Леффлера, Майера, Бара и др. Выходъ въ свѣтъ проектовъ германскаго и австрійскаго уложеній вновь вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній по вопросамъ, связаннымъ съ тѣмъ же предметомъ. Счастливой особенностью многихъ новѣйшихъ работъ является то, что виновность разсматривается въ нихъ не исключительно съ абстрактно-логической стороны: дѣлаются попытки подвести подъ ученіе о виновности научно-психологическій фундаментъ. Юридическая конструкція формъ виновности ставится въ зависимость отъ того, является ли исходнымъ пунктомъ ассоціаціонистическая или волюнтаристическая концепція. Willens- и Vorstellungstheorie—съ точки зрѣнія этихъ теорій разсматриваются коренные вопросы ученія о винѣ.

Изслѣдованіе М. Кауффманна о принципѣ виновности въ уголовномъ правѣ примыкаетъ къ числу работъ въ духѣ новаго направленія.

Въ первыхъ двухъ главахъ своей работы Кауффманнъ останавливается на анализѣ общихъ положеній ученія о виновности, а въ послѣдней, самой обширной, изслѣдуетъ значеніе вины въ уголовномъ правѣ, касаясь, въ заключеніе, довольно кратко и ея роли въ гражданскомъ правѣ.

Происходя отъ древне-нѣмецкихъ реченій Sculda или Schulde, слово Schuld (вина) въ своемъ первоначальномъ смыслѣ означаетъ долгъ, повинность, а въ религіозномъ пониманіи—нарушеніе

договора между богами и людьми («ein Verstoss gegen die Verträge mit den Göttern»). Подобно всѣмъ нашимъ современнымъ нравственнымъ понятіямъ, которыя образовались постепенно изъ понятій міра вещественнаго (guter Wein, frommes Pferd), и понятіе вины, ранѣе чисто практическое, лишь постепенно пріобрѣло значеніе этическое и уголовно-правовое.

Первоначальное вмѣненіе было вмѣненіемъ объективнымъ. Человѣкъ на первобытной ступени развитія могъ считаться лишь съ фактами внѣшняго порядка. Постепенный переходъ отъ отвѣтственности за послѣдствіе (Erfolghaftung) къ отвѣтственности за вину (Schuldhaftung) сопутствовалъ культурной эволюціи, былъ обусловленъ накопленіемъ духовнаго инвентаря, тѣмъ процессомъ, который авторъ характеризуетъ не поддающимся переводу выраженіемъ «Verinnerlichung des Lebens» (S. 12). Отвѣтственность за вину можно охарактеризовать, какъ «принятіе во вниманіе душевныхъ процессовъ, предшествующихъ дѣянію».

Соотвѣтственно этому широкому пониманію виновности, многообразны и признаки вины въ уголовно-правовомъ смыслѣ. Авторъ останавливается на различныхъ опредѣленіяхъ виновности въ нѣмецкой литературѣ, на опредѣленіяхъ Биндинга, Гейнеманна, Листа, Франка, Белинга, Ф. Сикорскаго, Фингера, Майера, Леффлера, Миржичка, Куленбека, гр. Дона, Липманна. Отмѣчая различія въ пониманіи вины, Кауффманнъ, не входя въ критическій разборъ каждаго изъ высказанныхъ взглядовъ, высказываетъ слѣдующія общія соображенія, относящіяся къ психологической характеристикѣ виновности.

Если мы говоримъ о психологическомъ моментѣ въ понятіи вины, напр. о противоправной волѣ, то мы должны ранѣе уяснить, что мы разумѣемъ подъ терминомъ «воля». Вѣдь, выраженіе это многозначаще, и, быть можетъ, различіе во взглядахъ на вину отчасти объясняется тѣмъ, что смыслъ выраженій, служащихъ для обозначенія различныхъ душевныхъ явленій, напр. мотивъ, воля, свобода воли, не отличается единствомъ. На анализѣ этихъ понятій и надлежитъ остановиться. Если мы понимаемъ подъ преступленіемъ наказуемое дѣяніе, нарушеніе нормы уголовнаго закона, то мы должны прежде всего осмыслить сущность человѣческой дѣятельности. Не всякое тѣлодвиженіе представляетъ собою дѣяніе въ тѣсномъ смыслѣ слова, — вѣдь и рефлективныя движенія, напр., въ сонномъ состояніи, являются тѣлодвиженіями. Авторъ вслѣдъ за Цигеномъ признаетъ, что понятіе дѣянія требуетъ психо-физіологическаго отграниченія отъ другихъ смежныхъ понятій. Подъ дѣяніемъ слѣдуетъ разумѣть «каждое сознательное движеніе мускулатуры скелета», т. е. движеніе, которому предшествовало сознаніе его, — движеніе сознательное, иначе говоря, обусловленное представленіями [1]). Поэтому, нельзя, напр., на-

---

[1]) Къ этому авторъ дѣлаетъ слѣд. поясненіе: «Für die Handlungen würden wir die kortikal ausgelösten Bewegungen reservieren» (S. 20).

звать дѣяніемъ превышеніе обороны вслѣдствіе волненія или страха. Здѣсь рѣчь идетъ о рефлективныхъ или автоматическихъ движеніяхъ.

Критикуя опредѣленія воли, данныя Гербартомъ, Эрдманномъ, Шопенгауэромъ, Гартманномъ, Зигвартомъ и др., авторъ заявляетъ себя сторонникомъ того взгляда, согласно которому воля не является какой-то единой «силой», но сочетаніемъ, смѣшеніемъ представленій и чувствованій, вообще такимъ содержаніемъ сознанія, которое при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ приводить къ сознательному мускульному движенію, т. е. къ дѣянію, но весьма часто выражается исключительно въ актахъ внутреннихъ. Именно эту внутреннюю волевую дѣятельность часто игнорируютъ, а между тѣмъ она имѣетъ первостепенное значеніе для уясненія нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяній. Если утверждаютъ, подобно Биндингу, что виновное дѣяніе есть противоправная воля, то при этомъ не должны забывать, что воля можетъ выражать знаніе и желаніе, ибо актъ воленія представляетъ, какъ уже сказано, сочетаніе представленій и чувствованій. Для выявленія момента вины дѣятельность представленій можетъ быть вообще выдѣлена изъ хотѣнія. Опредѣленіе вины у Биндинга основывается на смѣшеніи преступной рѣшимости съ процессомъ представленія.

Далѣе слѣдуютъ довольно бѣглыя замѣчанія по вопросу о свободѣ воли. Авторъ исходитъ изъ того положенія, что процессы сознанія во время ихъ теченія не могутъ быть одновременно предметомъ рефлектирующей дѣятельности: мы никогда не можемъ имѣть увѣренности, что воспроизведенные процессы тождественны во всѣхъ пунктахъ съ дѣйствительными. Детерминизмъ, если и не можетъ быть доказанъ, долженъ быть принятъ, какъ необходимый постулатъ.

Обращаясь къ вопросу о мотивѣ, Кауффманнъ высказываетъ мнѣніе, что мотивъ нельзя отождествлять съ представленіемъ: мотивомъ можно назвать всякое душевное явленіе, которое разрѣшаетъ волевой процессъ (собств. «Jedes geistige Geschehen, welches Willensvorgänge auslöst»). Побужденія являются самымъ элементарнымъ и потому самымъ неопредѣленнымъ въ человѣческой психикѣ. Они могутъ заключать въ себѣ и чувствованіе.

Сводя воедино сказанное, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Можно сказать, что всякая вина есть вина воли, ибо намъ можетъ быть вмѣнено въ преступленіе только то, что было нами волимо. Содержаніе воли можетъ быть дурнымъ или хорошимъ, но оно представляется таковымъ не абсолютно, а лишь примѣнительно къ извѣстному критерію цѣнности. Выраженіе добрая или злая воля устарѣло. Оно заимствовано изъ религіознаго оборота рѣчи, но непріемлемо при трактованіи психологическомъ. Равнымъ образомъ, и обоснованіе виновной дѣятельности родомъ мотивовъ вызываетъ сомнѣніе, такъ какъ мотивы не просто представленія, но гораздо чаще, чѣмъ мы думаемъ, подсознательныя общія чувства.

Этимъ и оканчивается общая часть рецензируемой работы. Авторъ переходитъ далѣе къ анализу уголовно-правового значенія вины въ ея основныхъ формахъ. Согласно опредѣленію нѣмецкаго писателя, умыселъ есть предвидѣніе лицомъ причиннаго значенія своего поведенія. Не всякое умышленное дѣяніе есть деликтъ. Это разумѣется само собой, ибо большая часть нашихъ обыденныхъ дѣйствій совершается умышленно, «сознательно и волимо». Поэтому умыселъ an und für sich не входитъ въ опредѣленіе вины, и мы можемъ воспользоваться понятіемъ умысла только въ цѣляхъ отрицательнаго ограниченія вины, признавъ, что неумышленное дѣяніе не есть дѣяніе виновное (eine nicht vorsätzliche Handlung ist keine schuldhafte Handlung). Въ соотвѣтствіи съ дефиницiей умысла, неосторожность опредѣляется, какъ непредвидѣніе причиннаго значенія дѣйствія и притомъ такое непредвидѣніе, которое могло бы быть избѣгнуто. Неосторожность въ обыденной жизни, — замѣчаетъ авторъ,—большею частью проявляется въ такихъ областяхъ, гдѣ бдительность и не вызывается обстоятельствами. Напр., если я держу въ рукѣ предметъ изъ простого стекла, то я и не думаю о томъ, разобью я его или нѣтъ. Но если у меня въ рукѣ дорогой хрустальный предметъ, то мое вниманіе, моя осторожность какъ бы подстегиваются,—и я прилагаю особое стараніе удержать предметъ. Наказуемая неосторожность, въ сущности, не отличается отъ неосторожности въ обыденной жизни. Но оцѣнка неосторожности со стороны уголовнаго закона придаетъ ей особое значеніе. Она является какъ бы требованіемъ бдительности.

Въ дальнѣйшемъ своемъ анализѣ неосторожности авторъ высказываетъ слѣдующія весьма спорныя положенія. Неосторожность,—утверждаетъ онъ,—немыслима безъ сознанія отвѣтственности, безъ сознанія возможности правонарушенія; при ней отсутствуетъ только представленіе объ опредѣленномъ послѣдствіи дѣянія. Отъ умышленнаго неосторожное дѣяніе рѣзко отличается тѣмъ, что при немъ не можетъ быть рѣчи о желаніи, намѣреніи, ибо причиненныя послѣдствія влекутъ для лица большія непріятности. Неосторожность заключаетъ въ себѣ пренебреженіе къ интересамъ (другого?) и это ея свойство авторъ именуетъ «die Vorsatzkomponente». Въ заключеніе авторъ утверждаетъ, что общими признаками умышленной и неосторожной вины являются: 1) сознаніе отвѣтственности за поведеніе, 2) пренебреженіе къ интересамъ другого.

Въ то время, какъ умышленное дѣяніе становится дѣяніемъ виновнымъ только въ томъ случаѣ, когда оно заключаетъ въ себѣ посягательство на охраняемое закономъ правовое благо, въ самомъ понятіи неосторожности заключается указаніе на извѣстную погрѣшность. Но и умыселъ и неосторожность являются лишь общими обозначеніями свойствъ человѣческой дѣятельности. Если § 58 предварительнаго проекта германскаго уголовнаго уложенія говоритъ, что наказанію подлежитъ лишь тотъ, кто дѣйствуетъ

виновно, а виновно дѣйствуетъ тотъ, кто поступаетъ умышленно или неосторожно, то слѣдуетъ признать, что V. E. вообще не содержитъ опредѣленія виновности.

Виновнымъ, наказуемымъ дѣяніемъ слѣдуетъ, по мнѣнію автора, назвать наказуемое дѣяніе, учиненное съ сознаніемъ отвѣтственности за поведеніе (собств., «mit dem Bewusstsein der Verantwortlichkeit des Verhaltens»). Согласно этому, всякая вина есть вина сознанія (eine Wissensschuld).

Выраженіе «вина» имѣетъ не только уголовно-правовое, но и гораздо болѣе общее значеніе. Я могу дѣйствовать виновно и не становясь въ противорѣчіе съ закономъ. Вину вообще можно опредѣлить, какъ сознаніе неправильности поведенія (съ точки зрѣнія общественнаго мнѣнія). Сознаніе неправильности (Unrichtigkeit) предполагаетъ сознаніе причиннаго значенія поведенія. И неосторожность также есть сознаніе, — именно сознаніе эвентуальной отвѣтственности за свое поведеніе. Если понятіе деликта обнимаетъ собой внѣшнюю дѣятельность, то виной слѣдуетъ назвать душевный процессъ, предшествующій деликту, и такъ какъ «воля», намѣреніе (das Vorhaben) также принадлежитъ къ деликту, то на долю вины остается сознаніе неправильности поведенія, которое и составляетъ существо понятія о винѣ.

Сознаніе неправильности, ошибочности поведенія является для законодателя основаніемъ установленія отвѣтственности за вину. Но бываютъ случаи, когда законодатель опредѣляетъ отвѣтственность, не обусловливая ея наличностью сознанія неправильности поведенія (т. н. чистая отвѣтственность за послѣдствіе), а равнымъ образомъ и такіе, которые представляютъ собой сочетаніе отвѣтственности за вину и за послѣдствіе.

Неправильность поведенія и наказуемость дѣянія зависятъ отъ господствующихъ воззрѣній, отъ оцѣнивающихъ сужденій и, слѣдовательно, представляютъ нѣчто эмпирическое. Развитіе уголовнаго права направляется въ сторону все болѣе и болѣе глубокаго проникновенія во внутреннюю, психологическую сторону дѣянія.

Въ соотвѣтствіи съ чисто-субъективной природой отвѣтственности за вину, и основанія, по которымъ устанавливается размѣръ кары, стоятъ въ зависимости отъ народныхъ воззрѣній. Такъ, древніе германцы карали очень строго тайную кражу, ибо считали ее трусливой; напротивъ, римляне угрожали болѣе суровымъ наказаніемъ за кражу открытую.

Сопоставляя еще разъ вину умышленную и неосторожную, авторъ приходитъ къ выводу, что если въ неосторожности мы можемъ усмотрѣть вину воли, а въ умыслѣ—вину сознанія, то общее опредѣленіе вины, какъ сознанія отвѣтственности, объединяетъ оба вида виновности. Отличіе эвентуальнаго умысла отъ неосторожности лежитъ въ томъ, что при первомъ лицо втайнѣ (?) желаетъ или, по крайней мѣрѣ, не отвергаетъ эвентуальнаго

деликта, тогда какъ при неосторожномъ дѣяніи послѣдствіе вовсе не желается.

Что касается отношенія между понятіями виновности и вмѣняемости, то они не покрываютъ другъ друга. Многіе душевнобольные дѣйствуютъ вполнѣ виновно, т. е. сознательно. Одержимый маніей преслѣдованія убиваетъ своего врага. Мы можемъ говорить о томъ, что человѣкъ смотритъ на міръ съ болѣзненно-извращенной точки зрѣнія, что имъ руководятъ ненормальные мотивы, и поэтому виновное дѣяніе не можетъ быть вмѣнено ему, но не можемъ отрицать, что оно въ общемъ смыслѣ виновно.

Согласно принятой авторомъ концепціи вины, нельзя говорить объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ или смягчающихъ вину, такъ какъ сознаніе (Wissen), составляющее сущность вины, можетъ быть только болѣе или менѣе яснымъ. Въ частности, для оцѣнки вины (но не дѣянія) не имѣютъ значенія ни предумышленіе, ни безчестныя побужденія, ни рецидивъ.

Авторъ подробно останавливается на вопросѣ, значеніе котораго въ послѣднее время вполнѣ основательно подчеркивается нѣмецкими юристами, именно на томъ, что принципъ отвѣтственности только за вину далеко не безраздѣльно господствуетъ въ современномъ правѣ. Слѣды чисто объективной отвѣтственности за послѣдствіе замѣтны въ цѣломъ рядѣ параграфовъ дѣйствующаго германскаго уложенія (§§ 87, 223, 224, 227, 229, 239, 251, 307, 309, 314, 316, 322, 323, 324, 326, 328, 330 и др.). Предварительный проектъ германскаго уложенія значительно сокращаетъ сферу объективной отвѣтственности при всѣхъ общеопасныхъ преступленіяхъ.

Извѣстное положеніе «ignorantia juris nocet», по утвержденію Кауффманна, также плохо согласуется съ принципомъ виновности, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ знанія (Wissen), нѣтъ и вины, но отвѣтственность за послѣдствіе въ ея чистомъ видѣ. Если, напр., турокъ совершитъ въ Германіи плодоизгнаніе, то онъ будетъ наказанъ только вслѣдствіе того внѣшняго обстоятельства, что онъ совершилъ деликтъ за границей, ибо въ его отечествѣ плодоизгнаніе дозволено и закономъ и религіей.

Въ заключеніе авторъ затрагиваетъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ принциповъ виновности и объективной причинности въ уголовномъ и гражданскомъ правѣ. Въ уголовномъ правѣ мы должны изслѣдовать душевную жизнь человѣка, въ томъ числѣ мотивы, опредѣлившіе его къ дѣятельности. Мы различаемъ вину умышленную и неосторожную. Все это требуетъ проникновенія въ сложный міръ человѣческихъ мыслей и чувствованій. Если бы потребовалось указать на самое существенное различіе между гражданскимъ и уголовнымъ правомъ, то слѣдовало бы сказать, что гражданское право оперируетъ съ волеизъявленіями, а уголовное право, не довольствуясь этимъ, считается и съ мотивами воли, будь то чувствованія или представленія. Поэтому уголовное право должно обращаться къ содѣйствію науки о душевныхъ явленіяхъ. Въ гра-

жданскомъ правѣ почти исключительно господствуетъ отвѣтственность за послѣдствія, а въ уголовномъ правѣ этого рода отвѣтственность только въ извѣстныхъ случаяхъ нарушаетъ господство принципа виновности.

Резюмируя содержаніе своей работы, авторъ формулируетъ слѣдующія положенія. Существуетъ общее понятіе вины, означающее сознаніе неправильности поведенія (въ смыслѣ общественнаго мнѣнія). Въ уголовномъ правѣ виной слѣдуетъ назвать сознаніе отвѣтственности за поведеніе. Слѣдовательно, вина является лишь отношеніемъ общаго содержанія сознанія лица и даннаго его дѣянія и представляетъ чисто-формальное понятіе. Усиленное наказаніе, которое связывается съ извѣстными душевными состояніями, опредѣляется не потому, что вина при этомъ больше, а потому, что способъ осуществленія преступнаго дѣянія или внѣшнее послѣдствіе его представляютъ особую опасность для общества. Нельзя говорить о степеняхъ вины, а только объ основаніяхъ усиленія наказанія. Правильное трактованіе понятія вины затрудняется вслѣдствіе словоупотребленія, которое часто смѣшиваетъ понятія вины и преступленія. Необходимость уразумѣнія психологической стороны дѣянія обусловливаетъ болѣе субъективный характеръ уголовнаго права по сравненію съ гражданскимъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе работы Кауффманна. Многія положенія ея вызываютъ серіозныя сомнѣнія. Прежде всего, страдаетъ значительной неопредѣленностью общая позиція автора въ отношеніи двухъ спорящихъ между собой теорій—теоріи воли и теоріи представленія. Какъ извѣстно, разногласія представителей этихъ двухъ направленій проистекаютъ изъ различія ихъ психологическихъ концепцій, тѣхъ психологическихъ предпосылокъ, изъ которыхъ они исходятъ. Область вопросовъ, относящихся къ ученію о винѣ умышленной и неосторожной и ихъ разграниченіи, является той ареной, на которой происходитъ идейная борьба двухъ теченій. Въ настоящее время совершенно немыслимо въ изслѣдованіи, посвященномъ вопросу о виновности, избѣжать обсужденія идейной коллизіи, которая происходитъ между ними. Общее пониманіе умысла и неосторожности и юридическая конструкція формъ виновности будетъ необходимо находиться въ зависимости отъ той или иной концепціи воли, а слѣдовательно, отъ того или иного отношенія къ теоріямъ предвидѣнія и воли.

Какъ же опредѣляетъ свою позицію авторъ? Съ одной стороны, онъ совершенно правильно указываетъ, что въ актахъ сознанія отдѣльные элементы не являются изолированными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ признаетъ возможнымъ говорить о внутреннихъ волевыхъ актахъ. Наконецъ, онъ прямо утверждаетъ, что всякая вина есть вина воли. Казалось бы, всего этого достаточно для признанія автора сторонникомъ Willenstheorie. Но нѣтъ! Наряду съ этимъ мы видимъ, что авторъ отказывается усматривать въ волѣ что-либо другое, кромѣ сочетанія чувствованій и представленій. Онъ

не могъ бы присоединиться къ основному положенію волюнтаризма, къ признанію самостоятельности воли. Положеніе это превосходно формулировано Гефдингомъ. Дѣйствительно, говоритъ знаменитый психологъ, при помощи психологическаго анализа мы не находимъ никогда ничего, кромѣ ощущеній, чувствованій и представленій, если только подъ анализомъ подразумѣвать сосредоточиваніе вниманія на опредѣленныхъ обособленныхъ пунктахъ. Но наши ощущенія, чувствованія и представленія никогда не являются изолированными. Мы впадаемъ въ атомистическую схоластику, если будемъ ихъ разсматривать внѣ той связи, въ которой они реально протекаютъ. Они являются какъ капли въ струѣ: капли можно уподобить ощущеніямъ, чувствованіямъ и представленіямъ, а волю—направленію струи, опредѣляющему ихъ взаимоотношеніе. Воля, какъ постоянное направленіе сознательной жизни, какъ ея активное начало, есть самостоятельный и существенный элементъ душевной жизни.

Не признавая самостоятельности воли, авторъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи явно отступаетъ отъ высказаннаго ранѣе положенія, что всякая вина есть вина воли. Онъ заявляетъ, что моментъ волевой принадлежитъ къ понятію деликта, а на долю вины остается лишь сознаніе неправильности поведенія.

Шаткость общей позиціи автора отражается и на тѣхъ его положеніяхъ, которыя касаются разграниченія сферы умысла и неосторожности. Страннымъ кажется то, что авторъ какъ будто игнорируетъ интересныя и богатыя выводами работы нѣмецкихъ авторовъ объ эвентуальномъ умыслѣ, какъ пограничной между умысломъ и неосторожностью области. Утверждать, что при эвенуальномъ умыслѣ лицо втайнѣ желаетъ наступленія противоправнаго послѣдствія, значитъ, въ сущности, совершенно извращать природу этой формы виновности. Такое утвержденіе тѣмъ болѣе неожиданно, что авторъ его почти ничѣмъ не мотивируетъ.

Что касается вины неосторожной, то и здѣсь мы сталкиваемся съ чрезвычайно спорными положеніями. Если подъ общее опредѣленіе виновности, предлагаемое авторомъ, можно подвести т. наз. сознаваемую неосторожность, то совершенно непонятно, куда слѣдуетъ отнести т. наз. несознаваемую неосторожность. Исключается ли она вовсе изъ сферы виновности? Если да, то такое существенное «новшество» требовало бы солиднаго обоснованія, котораго авторъ не даетъ.

Болѣе основательны замѣчанія автора, затрагивающія вопросъ о взаимоотношеніи Culpahaftung и Causahaftung въ уголовномъ правѣ.

Въ общемъ, слѣдуетъ сказать, что основная мысль автора—уяснить значеніе принципа виновности и указать родовые признаки вины—заслуживаетъ полнаго вниманія. Къ сожалѣнію, работа, заключая въ себѣ рядъ интересныхъ соображеній по отдѣльнымъ вопросамъ ученія о виновности, не даетъ сколько-нибудь

убѣдительной синтетической концепціи виновности и въ этомъ отношеніи оставляетъ читателя неудовлетвореннымъ.

Прив.-доцентъ Ал. Маклецовъ.

«Труды кружка уголовнаго права при С.-Петербургскомъ университетѣ» съ предисловіемъ и подъ редакціей М. М. Исаева. Ц. 1 р. 25 к.

Нельзя не привѣтствовать появленіе сборника работъ кружка уголовнаго права, дающаго возможность широкой публикѣ познакомиться съ дѣятельностью студенческихъ семинаріевъ. Въ Москвѣ подобный опытъ былъ удачно осуществленъ М. Н. Гернетомъ, выпустившимъ четыре сборника студенческихъ работъ.

Сборникъ кружка М. М. Исаева состоитъ изъ трехъ статей, являющихся воспроизведеніемъ докладовъ, послужившихъ темой научныхъ собесѣдованій членовъ кружка.

Первая изъ нихъ принадлежитъ г. фонъ-Шуттенбаху и озаглавлена «Лишеніе чести и правъ». Авторъ разбиваетъ свою работу на двѣ части—лишеніе чести и лишеніе правъ, при чемъ главною цѣлью ставитъ себѣ выясненіе этихъ институтовъ въ историческомъ и догматическомъ отношеніяхъ. Начавъ съ опредѣленія понятія чести, подраздѣляемой имъ на субъективную и объективную, онъ послѣднюю характеризуетъ, какъ «нравственное достоинство личности, выражающееся въ уваженіи со стороны общества и тѣхъ болѣе тѣсныхъ кружковъ, въ составъ которыхъ личность входитъ въ частности».

Вторая, бо́льшая часть статьи г. Шуттенбаха посвящена изученію вопроса о лишеніи правъ, которое онъ считаетъ совпадающимъ во многомъ съ понятіемъ гражданской чести. Въ послѣдней онъ видитъ извѣстное предоставленіе со стороны государства права на общій или особенный почетъ. Принявъ за основаніе точку зрѣнія проф. Сергѣевскаго, авторъ выясняетъ сущность и значеніе факторовъ, вліявшихъ на развитіе института лишенія правъ, видя въ немъ единственную цѣль обезпеченія общества и отбрасывая элементы устрашенія и исправленія. Анализируя составъ понятія почетныхъ правъ, авторъ останавливается на спорныхъ вопросахъ относительно лишенія ученыхъ званій и отличій и правъ сословныхъ, разрѣшая вопросъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ въ положительномъ смыслѣ.

Необходимость лишенія правъ сословныхъ авторъ строитъ на опредѣленіи нашимъ закономъ дворянскаго званія, какъ «слѣдствія, истекающаго отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами». Принимая во вниманіе, что преступленіе уничтожаетъ эти качества и эту добродѣтель, авторъ высказывается за необходимость перевода потомства такихъ лицъ, рожденнаго послѣ осужденія, въ

разрядъ «обыкновенныхъ» гражданъ. Далѣе отаивается сохраненіе сословныхъ праволишеній по тѣмъ соображеніямъ, что это вопросъ не права уголовнаго, а государственнаго, и потому, до разрѣшенія его въ отрицательномъ смыслѣ въ правѣ государственномъ, авторъ считаетъ безполезными какія бы то ни было разсужденія объ этомъ въ уголовномъ правѣ.

Касаясь вопроса относительно объема праволишеній, авторъ относится отрицательно ко взгляду проф. Сергѣевскаго, высказывавшагося противъ спеціализаціи лишенія правъ въ зависимости отъ характера нарушенной нормы, и находитъ нужнымъ при тяжкихъ и позорящихъ преступленіяхъ лишать осужденнаго всѣхъ правъ. Въ вопросѣ о срокахъ лишенія правъ авторъ выставляетъ критерій «интересовъ культурнаго общенія, которымъ государство обязано обезпечить благопріятныя условія», не допуская въ нихъ нежелательныхъ элементовъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ подробно перечисляетъ систему праволишеній въ дѣйствующемъ правѣ Франціи и Германіи, Англіи, Австріи, Италіи и затѣмъ, послѣ краткаго историческаго очерка, подробно останавливается на дѣйствующемъ правѣ Россіи. Прослѣдивъ внимательно вопросъ о лишеніи правъ въ уложеніи о наказ., авторъ формулируетъ его систему слѣдующими чертами: 1) лишеніе правъ по уложенію есть наказаніе и притомъ наказаніе дополнительное, 2) проникнутое началомъ сословности, 3) безсрочное. 4) Эта система соединяетъ въ уголовномъ кодексѣ гражданско-правовыя послѣдствія, наступающія въ связи съ осужденіемъ къ тяжкимъ наказаніямъ. Обращаясь затѣмъ къ изученію института праволишеній въ уголовномъ уложеніи 1903 г., авторъ сравниваетъ въ наиболѣе важныхъ случаяхъ окончательную редакцію съ первоначальнымъ проектомъ редакціонной комиссіи, указывая во многихъ случаяхъ на невыгодное измѣненіе въ предположеніяхъ комиссіи, сдѣланное Государственнымъ Совѣтомъ.

Затѣмъ авторъ касается вкратцѣ правопораженій по воинскому уставу о наказ., по финляндскому уголовному уложенію и, наконецъ, разсматриваетъ институтъ возстановленія въ правахъ, классифицируя виды существующаго въ этомъ отношеніи законодательства по тремъ группамъ: 1) судебной или старо-французской, 2) административной или датской и 3) норвежской и ново-французской.

Таково содержаніе этой большой и обстоятельной статьи, доказывающей серьезное и внимательное отношеніе автора къ затронутымъ вопросамъ. Признавая въ общемъ достоинство новизны и интереса за этой работой, мы не можемъ не указать на нѣкоторые недостатки ея, относящіеся къ принципіальнымъ и частнымъ недочетамъ. Къ первымъ приходится отнести нѣкоторую, досадную, схематичность положеній автора по вопросамъ, имѣющимъ для работы рѣшающее значеніе. Касаясь вопроса о сущности чести въ первой части, авторъ опирается всецѣло на

работу Вальберга, который смѣшиваетъ въ одномъ понятіи, такъ называемыя, внѣшнюю и внутреннюю честь, придавая совершенно исключительное значеніе въ содержаніи понятія чести общественному мнѣнію. Взглядъ этотъ, нашедшій себѣ обоснованіе въ извѣстномъ ученіи Шопенгауэра, имѣетъ сильныхъ противниковъ, нѣкоторые изъ которыхъ, какъ напр. проф. Экштейнъ, весьма рѣзко критикуютъ это смѣшеніе и подчиненность субъективныхъ состояній личности вліяніямъ общественной среды.

Результаты такого устраненія изъ сферы обсужденія вопроса весьма сильныхъ доводовъ противниковъ отразились и на дальнѣйшихъ ея частяхъ, гдѣ авторъ, отождествляя честь съ правовымъ благомъ и воспроизводя въ этомъ отношеніи теоріи Крауса и Аренса, совершенно игнорируетъ новыя теченія въ области научной мысли, которыя возводятъ понятіе чести къ психическому феномену, отличая весьма рѣзко честь, какъ нравственное достоинство личности, отъ чести гражданской.

Вмѣстѣ съ этимъ авторъ совершенно не остановился на весьма интересныхъ взглядахъ школы Маурера, который вообще отрицаетъ возможность относить понятіе чести къ области права.

Высказывая далѣе свое основное положеніе, по коему лишеніе правъ служитъ лишь охраненію культурной дѣятельности государства отъ вредныхъ элементовъ, авторъ ограничивается въ этомъ отношеніи бѣглой ссылкой на аналогичное мнѣніе Листа, совершенно не обосновывая своихъ основныхъ посылокъ. А между тѣмъ, отрицая за институтомъ лишенія правъ характеръ наказанія и устраняя изъ него цѣли исправленія, авторъ приходитъ къ цѣлому ряду выводовъ весьма спорныхъ въ настоящее время. Таковы, напримѣръ, вопросы о срочности или безсрочности праволишеній.

Точно также перечисляя всѣ тяжелыя послѣдствія безсрочныхъ праволишеній, поражающихъ публичныя права безотносительно къ характеру нарушенной нормы, авторъ не находитъ никакой оцѣнки этому порядку, который самъ по себѣ, въ условіяхъ русской жизни, показалъ свою полную неудовлетворительность.

Затѣмъ авторъ никакъ не формулируетъ своего собственнаго отношенія къ чрезвычайно важному вопросу о лишеніи правъ, связанномъ съ политическими преступленіями.

Кромѣ этихъ общихъ замѣчаній мы должны указать на нѣкоторыя неточности: такъ, напр., касаясь вопроса о праволишеніяхъ для военнослужащихъ, авторъ упустилъ изъ вида нѣкоторыя весьма значительныя измѣненія въ дѣйствующемъ военномъ законодательствѣ, послѣдовавшія со времени 1905 года.

Однако же, мы повторяемъ, трудъ г. Шуттенбаха заслуживаетъ полнаго вниманія и обнаруживаетъ и значительную работоспособность и большую вдумчивость автора.

Другая статья, помѣщенная въ сборникѣ, принадлежитъ г. Олейнику и озаглавлена «Преступный абортъ въ доктринѣ и за-

конодательствѣ». Статья эта, затрагивающая одинъ изъ самыхъ острыхъ вопросовъ современности, по нашему мнѣнію совершнеео правильно нашла себѣ мѣсто въ работахъ кружка М. М. Исаева. Явившись въ видѣ отклика на боевой вопросъ практики и науки, она написана живо и горячо, обнаруживая страстное и непосредственное отношеніе автора къ обсуждаемому предмету.

Работу г. Олейника выгодно отличаетъ прежде всего знакомство съ западно-европейской литературой и привлеченіе къ изслѣдуемому предмету такихъ солидныхъ работъ, какъ сочиненія Листа, Гутцейта, Левина и другихъ. Установивъ въ первой части работы фактическое состояніе вопроса объ абортѣ и отмѣтивъ необычайно прогрессирующій ростъ случаевъ аборта, авторъ указываетъ на почти полную безплодность судебной борьбы съ этимъ явленіемъ. Такъ, онъ отмѣчаетъ интересные подсчеты Левина и Шнейкерта, по коимъ дѣйствительное число разсматриваемыхъ судомъ случаевъ аборта относится къ числу фактически имѣвшихъ мѣсто, какъ 1 : 1000.

Далѣе приводятся статистическія данныя изъ судебной практики Германіи, Франціи, Англіи и Россіи, при чемъ авторъ отмѣчаетъ распредѣленіе преступности по соціальному составу осужденныхъ, равно какъ и территоріальное ея распространеніе (сельск. и городск.).

Въ дальнѣйшемъ авторъ приводитъ интересный и содержательный историческій очеркъ, отмѣчая проходящую красной нитью черезъ законодательство всѣхъ народовъ библейскую точку зрѣнія, сводящуюся къ совершенно невѣрному, по его мнѣнію, отождествленію плодоизгнанія съ посягательствомъ противъ жизни.

Переходя далѣе къ теоретической оцѣнкѣ наказуемости аборта, авторъ разбираетъ юридическую конструкцію сторонниковъ въ доктринѣ начала наказуемости, доказываетъ интересными соображеніями невозможность конструировать это правонарушеніе, какъ посягательство противъ жизни. Далѣе, исходя изъ основного положенія, что въ уголовномъ правѣ немыслимы фиктивные субъекты, авторъ доказываетъ, что «въ плодоизгнаніи нельзя видѣть нарушеніе чьихъ-либо индивидуальныхъ интересовъ, будь то интересы эмбріона, родителей его или 3-ихъ лицъ». Останавливаясь далѣе на наиболѣе существенныхъ положеніяхъ защитниковъ наказуемости аборта, авторъ по очереди разбираетъ ихъ аргументы съ точки зрѣнія нравственности, интересовъ государства, права, семьи и т. д., выдвигая критеріемъ рѣшенія спора «точку зрѣнія права, а не чувства». Отмѣчая съ большимъ сочувствіемъ результаты анкеты 1908 г., произведенной по вопросу о наказуемости аборта среди выдающихся представителей науки и литературы современной Германіи, авторъ констатируетъ, что огромное большинство изъ нихъ высказалось противъ наказуемости аборта, чѣмъ по его мнѣнію подтвердилось расхожденіе законодателя съ интуитивными правовоззрѣніями народа.

Излагая содержаніе этой интересной и содержательной статьи, мы отмѣтимъ также и нѣкоторые ея дефекты.

Такъ, напр., прежде всего бросается въ глаза недостаточно внимательное отношеніе къ положенію вопроса въ русской литературѣ. Авторъ совершенно не приводитъ интереснаго, оригинальнаго по мысли доклада на съѣздѣ гинекологовъ, сдѣланнаго профессоромъ Чубинскимъ. Докладъ тотъ послужилъ основой къ постановленію съѣзда о созывѣ спеціальной комиссіи для выработки проекта уголовнаго законодательства объ абортѣ, съ цѣлью ознакомленія съ нимъ нашихъ законодательныхъ учрежденій. Затѣмъ авторъ недостаточно полно, по нашему мнѣнію, остановился на догматической сторонѣ вопроса въ современныхъ законодательствахъ, ограничившись только общимъ обзоромъ ихъ. Между тѣмъ въ положеніяхъ нашего дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ можно было бы найти вѣскія доказательства полной непригодности этого кодекса, даже принимая въ основаніе точку зрѣнія суровой наказуемости аборта. Вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ весьма существенныхъ вопросахъ, затронутыхъ имъ при обсужденіи взглядовъ сторонниковъ доктрины наказуемости, авторъ не развилъ своихъ положеній до нужныхъ размѣровъ: напр., совершенно выпустилъ разборъ весьма важныхъ противорѣчій, являющихся при примѣненіи началъ доктрины о соучастіи къ «этому правонарушенію». Есть въ работѣ и нѣкоторые другіе промахи, но тѣмъ не менѣе мы высказываемъ свое полное удовлетвореніе этой искренней, смѣлой и проникнутой духомъ гуманнаго новаторства работой.

Третья статья въ сборникѣ принадлежитъ г. Эстрину и озаглавлена «Взяточничество». Предметомъ ея также взята злободневная, особенно для русской жизни, тема, послужившая уже докладомъ на предыдущемъ съѣздѣ криминалистовъ.

Указывая на весьма большую запутанность вопроса въ доктринѣ, авторъ примыкаетъ по своимъ воззрѣніямъ къ ученымъ, разсматривающимъ взяточничество, какъ преступное нарушеніе началъ безвозмездности актовъ власти или служебной дѣятельности. Авторъ основательно возражаетъ на доводы противниковъ, видящихъ въ существѣ взяточничества борьбу съ обнаруженіемъ нежелательнаго направленія воли служащаго, вредящаго интересамъ государства. Опредѣляя въ § 3-мъ границы взяточничества по субъекту, авторъ правильно находитъ вреднымъ излишнее расширеніе понятія «служащаго» вопреки тому, какъ это дѣлаетъ послѣдній пунктъ ст. 636 угол. улож. 1903 года.

Высказываясь въ пользу признанія взяточничества самостоятельнымъ видомъ преступной дѣятельности, авторъ расширяетъ кругъ лицъ, подлежащихъ карѣ за взяточничество въ случаяхъ корыстнаго нарушенія права публичныхъ выборовъ и требуетъ въ этихъ случаяхъ признанія виновной, какъ активной, такъ и пассивной дѣятельности.

Обращаясь затѣмъ къ выясненію понятія лиходательства, авторъ, излагая законодательныя системы, устанавливающія отвѣтственность и безотвѣтственность лиходателей, высказывается за послѣднія и критикуетъ съ этой точки зрѣнія какъ положенія угол. улож., такъ и законопроектъ министра юстиціи, внесенный въ Государственную Думу въ 1911 году.

Развивая свои аргументы, авторъ вполнѣ послѣдовательно высказывается въ пользу полнаго проведенія принципа независимости наказанія взяточника отъ лиходателя. Примѣняя установленные имъ принципы къ анализу дѣйствующаго законодательства въ Россіи, авторъ указываетъ на присущую ему неполноту и неясность, удѣляя широкое мѣсто толкованіямъ сенатской практики.

Систематичность и ясность изложенія, стройность и послѣдовательность взглядовъ, наряду съ правильностью юридическаго анализа, являются отличительными чертами работы г. Эстрина.

Таково содержаніе сборника, который полностью свидѣтельствуетъ о серьезности и вдумчивости научной работы кружка, которому нельзя не пожелать дальнѣйшей работы въ томъ же направленіи.

В. Плетневъ.

Kriegsmann, Einführung in die Gefängnisskunde, Heidelberg, 1912, VIII+350 стр.

«Справедливо требуютъ, чтобъ уголовный судья больше, чѣмъ до сихъ поръ, знакомился съ примѣненіемъ тѣхъ наказаній, къ которымъ онъ ежедневно приговариваетъ, въ особенности же, чтобъ молодой юристъ былъ посвященъ въ тѣ задачи, которыя здѣсь выступаютъ въ ихъ своеобразной трудности. Это требованіе можетъ быть исполнено лишь въ томъ случаѣ, если и тюрьмовѣдѣніе, съ своей стороны, будетъ сохранять связь съ наукой уголовнаго права, въ качествѣ вспомогательной его дисциплины. Цѣнныя обработки вопросовъ исполненія наказанія, сдѣланныя за послѣднее время медиками и богословами, страдаютъ отчасти именно тѣмъ, что онѣ не отвѣчаютъ этимъ предпосылкамъ. Даже образцовый трудъ Кроне не вполнѣ свободенъ отъ этого недостатка».

Этими словами авторъ въ предисловіи своемъ ясно характеризуетъ отличительныя свойства своего труда: наряду съ описаніемъ постановки тюремнаго дѣла и критической ея оцѣнкой, въ книгѣ Кригсмана подвергнуты обсужденію также и тѣ юридическіе вопросы, которые вызываются примѣненіемъ тюремнаго заключенія. Особенно интересна въ этомъ отношеніи глава, посвященная выясненію правового положенія лица, отбывающаго наказаніе. Когда Кригсманъ характеризуетъ исполненіе наказанія въ качествѣ опредѣленнаго правоотношенія и точнѣе выясняетъ его природу, то для него идетъ здѣсь рѣчь далеко не объ однихъ красивыхъ построеніяхъ юридической логики, на бумагѣ изображенныхъ и на ней же остающихся, а о юридическихъ нормахъ, которыя должны получать въ жизни реальное свое осуществленіе,

о дѣйствительныхъ предѣлахъ, въ которыхъ только и можетъ имѣть мѣсто воздѣйствіе на личность арестанта. И какъ бы широко ни были очерчены эти предѣлы, какъ бы велико ни было повиновеніе, къ которому обязанъ арестантъ, какъ бы тяжки ни были лишенія и страданія, которымъ онъ можетъ быть подвергаемъ, все сіе должно происходить лишь на точномъ основаніи закона и должно получать въ законѣ твердое и опредѣленное выраженіе. Въ частности, по поводу дисциплинарныхъ наказаній Кригсманъ замѣчаетъ: «Непонятную аномалію составляетъ въ вѣкъ конституціонализма предоставленіе администраціи права опредѣлять по своему усмотрѣнію, до какой степени она пожелаетъ подвергнуть непослушнаго арестанта чувствительному физическому страданію въ цѣляхъ осуществленія карательнаго принужденія».

Усматривая въ тюремныхъ правилахъ настоящія, такъ сказать, полновѣсныя юридическія нормы, Кригсманъ послѣдовательно настаиваетъ на томъ, что арестантъ не долженъ быть лишаемъ права требовать соблюденія въ отношеніи его постановленій закона и даже добиваться этого своего права судебнымъ порядкомъ. «Чѣмъ болѣе,—говоритъ Кригсманъ,—подчеркиваютъ правовой характеръ исполненія наказанія, тѣмъ болѣе должно требовать, чтобъ разрѣшеніе жалобъ арестантовъ было обставлено гарантіями судейской независимости. Правда, было бы неправильно передать судамъ разрѣшеніе, по жалобамъ арестантовъ, всѣхъ отдѣльныхъ техническихъ вопросовъ исполненія наказанія; зато въ отношеніи глубоко захватывающихъ мѣръ дисциплинарнаго воздѣйствія, а также въ отношеніи, напр., предоставленія права выбора занятій должно быть допущено судебное разсмотрѣніе на основаніи ходатайства арестанта». Отмѣтивъ, что эти пожеланія отчасти получили выраженіе какъ въ проектѣ германскаго уголовнаго уложенія, такъ и въ контръ-проектѣ, составленномъ проф. Калемъ, Лиліенталемъ, Листомъ и Гольдшмидтомъ, авторъ добавляетъ, что въ осуществленіи этого пожеланія заинтересованы сами же органы исполненія наказанія; ибо тюремное вѣдомство ограждается такимъ путемъ «отъ подозрѣнія, что оно является судьею въ собственномъ дѣлѣ; распоряженія его лишь выиграютъ въ своемъ авторитетѣ, если ихъ закономѣрность будетъ опредѣленно подтверждена независимымъ судомъ».

Внимательное отношеніе Кригсмана къ правовому положенію арестанта и къ другимъ юридическимъ вопросамъ, возникающимъ на почвѣ исполненія наказанія лишеніемъ свободы, отнюдь не идетъ въ ущербъ разсмотрѣнію вопросовъ о цѣлесообразномъ тюремномъ устройствѣ, о содержаніи арестантовъ и объ исправительномъ на нихъ воздѣйствіи. Тюремное устройство и управленіе, виды лишенія свободы, системы содержанія арестантовъ, тюремная работа, тюремное образованіе, мѣры охранительнаго содержанія и принудительнаго воспитанія, полицейскій надзоръ, высылка, патронатъ, возстановленіе въ правахъ—по каждому изъ этихъ предметовъ даны краткіе, но содержательные обзоры. Опи-

сательная часть ихъ касается почти исключительно Германіи, но зато историческое введеніе и уголовно-политическое заключеніе даютъ матеріалъ, касающійся другихъ государствъ. Слѣдуя за Ленцемъ (Die anglo-amerikanische Reformbewegung im Strafrecht), авторъ разсматриваетъ во вступительной части своего труда тѣ англо-американскія учрежденія, которыя легли въ основу тюремной реформы континентальной Европы въ прошломъ вѣкѣ, а въ заключительной части останавливается на тѣхъ явленіяхъ англо-американской карательной системы, которыя даютъ матеріалъ для предстоящей новой реформы, проникнутой стремленіемъ къ большему подчеркиванію цѣли спеціальнаго предупрежденія и къ большей индивидуализаціи пріемовъ карательно-исправительнаго воздѣйствія на преступника,

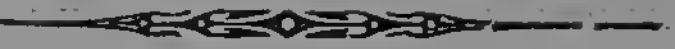
Е. Кулишеръ.

Schuppe, Das Problem der Verantwortlichkeit. Berlin 1913 53 стр.

Выходящая подъ редакціей Коблера серія юридическихъ очерковъ для юристовъ и для не-спеціалистовъ, подъ общимъ названіемъ «Das Recht», успѣла уже дать и въ области уголовнаго права нѣсколько полезныхъ работъ. Монографія Липмана объ оскорбленіи представляетъ, какъ и всѣ работы этого блестящаго криминалиста, цѣнный вкладъ въ науку уголовнаго права. Очерки Вахенфельда объ убійствѣ и Штэра о психологіи свидѣтельскихъ показаній, не отличаясь оригинальностью, толково и популярно знакомятъ съ соотвѣтствующими вопросами.

Такими достоинствами, къ сожалѣнію, совершенно не отличается вышедшая недавно, въ томъ же изданіи, брошюра Шуппе, долженствующая, по заглавію, дать представленіе объ одномъ изъ важнѣйшихъ и сложнѣйшихъ вопросовъ уголовнаго права—о проблемѣ отвѣтственности. Большая часть брошюры занята туманными философскими разсужденіями, нисколько не содѣйствующими выясненію вопроса о природѣ уголовной отвѣтственности и ея предѣлахъ. Разсужденія эти находятся въ трудно-уловимой связи съ послѣдними страницами книги, занятыми поверхностными разговорами о вмѣненіи, причинной связи и свободѣ воли. Собственное мнѣніе автора объ основаніяхъ уголовной отвѣтственности сводится къ старой теоріи порицанія, хотя, впадая съ самимъ собою въ противорѣчіе, Шуппе бросаетъ между прочимъ и слѣдующее вполнѣ правильное замѣчаніе: «О внутренней необходимости наказанія можно было бы говорить лишь въ томъ случаѣ, если бъ оно продолжало слѣдовать за злодѣяніемъ, хотя бы отмѣна наказанія не вызывала никакихъ другихъ послѣдствій. Но многіе ли не отказались бы отъ души отъ всего уголовнаго правосудія, если бы отмѣна наказанія привела бы не къ увеличенію, а къ уменьшенію числа преступленій».

Е. Кулишеръ.

V.

Протоколъ засѣданія Комитета Русской Группы Международнаго Союза Криминалистовъ 20 сентября 1913 года.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Предсѣдатель В. Д. Набоковъ, М. П. Чубинскій, А. А. Жижиленко, П. И. Люблинскій, Е. М. Кулишеръ, И. И. Зайцевъ.

I. Почтивъ вставаніемъ память Ивана Яковлевича *Фойницкаго*, Комитетъ ПОСТАНОВИЛЪ: возложить на его могилу вѣнокъ и просить П. И. Люблинскаго произнести на ближайшемъ Общемъ Собраніи Группы рѣчь, посвященную памяти покойнаго.

II. Комитетъ ПОСТАНОВИЛЪ: временемъ засѣданія ближайшаго Общаго Собранія Группы избрать 4-ое, 5-ое и 6-ое января 1914 г.

III. П. И. Люблинскій доложилъ, что, вмѣсто него, выразилъ согласіе представить Общему Собранію докладъ о наказуемости аборта Е. М. Кулишеръ. Комитетъ ПОСТАНОВИЛЪ: просить Е. М. Кулишера прочитать на Общемъ Собраніи докладъ о наказуемости аборта.

IV. Во устраненіе несогласованности въ докладахъ на одну тему, Комитетъ ПОСТАНОВИЛЪ: поручить М. П. Чубинскому устроить собесѣдованіе содокладчиковъ по вопросу о хулиганствѣ, а Е. М. Кулишеру—по вопросу о наказуемости аборта.

V. И. И. Зайцевъ огласилъ письма, полученныя отъ А. А. Піонтковскаго, П. П. Пусторослева и Л. Я. Таубера въ отвѣтъ на предложеніе Комитета представить Общему Собранію сообщенія. А. А. Піонтковскій избралъ темою сообщенія—«Судьба условнаго осужденія въ Россіи и за-границей», П. П. Пустороcлевъ—«Къ вопросу о несмѣняемости судей», Л. Я. Тауберъ—«Предположенная реформа нашего законодательства о преступленіяхъ неоффиціальныхъ». Комитетъ ПОСТАНОВИЛЪ: благодарить А. А. Піонтковскаго, П. П. Пустороcлева и Л. Я. Таубера и увѣдомить ихъ, что предложенныя ими сообщенія включены въ программу Общаго Собранія.

VI. Комитетъ ПОСТАНОВИЛЪ: просить всѣхъ докладчиковъ озаботиться представленіемъ докладовъ не позже 1-го ноября.

VII. Комитетъ ПОСТАНОВИЛЪ: напечатать въ 3-ей книжкѣ «Журнала Уголовнаго Права и Процесса» предварительную программу ближайшаго Общаго Собранія Группы.

VIII. Согласно сдѣланнымъ предложеніямъ, приняты въ число членовъ Группы: 1) прис. пов. Иванъ Викентьевичъ Вилейшисъ, 2) докторъ правъ Іоаннъ Власьевичъ Мусіенко, 3) докторъ правъ Самуилъ Драбкинъ.

Издатель *В. Д. Набоковъ.* Редакторъ *И. И. Зайцевъ.*

Типографія т-ва „Общественная Польза“, СПБ., Б. Подъяческая, 39.

одно, а выраженіе своихъ мнѣній въ произведеніи печати, это—другое. Я пошелъ по второму пути, но я повторяю, это былъ тотъ гордіевъ узелъ, который нужно было разрубить, если не распутать. Вотъ то возраженіе, которое я считалъ нужнымъ отмѣтить. Всѣ остальные оппоненты мнѣ кажется, заключили между собою договоръ, чтобы сыграть надъ нами милую шутку, которую мы сумѣемъ легко раскрыть. М. М. Исаевъ совершенно серьезно говорилъ передъ вами—онъ, конечно, шутилъ—что мы хотимъ создать положеніе хуже, чѣмъ теперь, тѣмъ, что хотимъ привлекать и автора. Я не излагалъ системы, которая существуетъ въ настоящее время, она подробно изложена въ моемъ печатномъ докладѣ, я полагалъ, что вы всѣ знаете уголовное уложеніе и знаете, что по уголовному уложенію система отвѣтственности по общимъ началамъ соучастія есть та система, которой мы боимся, которую мы хотимъ ограничить. Не можетъ быть, чтобы М. М. забылъ хотя бы дѣло Ратнера который былъ только книгопродавцемъ и былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Я перехожу къ возраженіямъ О. О. Грузенберга, который прежде всего ставитъ передъ нами имя маститаго писателя Арсеньева, которое одно должно было бы быть уже предостереженіемъ, а между тѣмъ Арсеньевъ выставляетъ принципы прямо противоположные. О. О. Грузенбергъ знаетъ, что бельгійская система имѣетъ своею ближайшею цѣлью посадить автора на скамью подсудимыхъ—въ этомъ весь смыслъ, вся задача бельгійской системы, а затѣмъ О. О. Грузенбергъ вдругъ переходитъ къ защитѣ института отвѣтственнаго редактора, когда это нѣчто совсѣмъ другое и общаго ничего съ бельгійской системой не имѣетъ. Другой оппонентъ, Зарудный, совершенно серьезно увѣрялъ,—но и онъ шутилъ вѣроятно,—что преступленія печати только политическія преступленія. Развѣ не знаетъ онъ, что посредствомъ печати совершается и оскорбленіе, и клевета, и порнографія, и подрывъ кредита? А на Западѣ—преступленій политическихъ тамъ почти нѣтъ (вамъ М. Н. Гернетъ объ этомъ разсказывалъ)—въ Англіи число политическихъ преступленій равняется нулю, а преступленія печати совершаются въ огромномъ числѣ, и литература о преступленіяхъ печати—это западная литература и это колоссальная литература. Затѣмъ два оратора, Куликовъ и графъ Толстой, утверждали, что наша система отвѣтственнаго автора должна быть отвергнута потому, что при нашихъ русскихъ условіяхъ она повлечетъ за собою обыски у каждаго изъ насъ. Не слѣдуетъ ли тогда отвергнуть преступленія кражи и разбоевъ, потому что при нашихъ условіяхъ и они могутъ повлечь обыски въ каждомъ домѣ? Вотъ собственно всѣ тѣ возраженія, которыя были здѣсь сдѣланы. Но позвольте мнѣ, господа, обратиться къ вамъ со слѣдующимъ. Вы, мнѣ кажется, нарушили презумпцію добросовѣстности докладчика, вы исходили изъ презумпціи противоположной тому, что каждый считается добросовѣстнымъ до тѣхъ поръ, пока противное будетъ доказано. Вы предполагали, что мы хотимъ создать для печати положеніе худшее, чѣмъ оно есть. Вы бросили упрекъ, на

который вы не имѣли права, большой и тяжелый упрекъ, что мы не поняли страданій печати. Мы тоже работники печати и страданія печати также близки намъ, какъ и вамъ. Вы не имѣли права бросать этого упрека, но у васъ есть одно извиняющее вину обстоятельство,—то, что вопросъ этотъ былъ поставленъ, какъ нѣкоторый отрывокъ изъ цѣлой системы того наряда, въ который должна была бы быть облечена красота нашей будущей печати. Мы взяли нѣкоторый отрывокъ и оторвали его отъ лучшаго будущаго, и это оказывается не вполнѣ удобнымъ, потому что, я совершенно согласенъ, нельзя обсуждать вопросъ объ отвѣтственности за преступленія печати внѣ цѣлой системы. Поэтому я первый буду стоять за предложеніе не принимать никакихъ резолюцій, ибо невозможно принять резолюцію, обсуждая одинъ маленькій отдѣлъ вопроса о преступленіяхъ печати. Эта резолюція дѣйствительно можетъ произвести впечатлѣніе чего-то лживаго и обманчиваго. Но когда этотъ отрывокъ будетъ вставленъ въ цѣлую систему права о печати съ точки зрѣнія криминалистической, тогда онъ, быть можетъ, получитъ другой аспектъ и другое освѣщеніе. У Горькаго одинъ герой говоритъ—«человѣкъ для лучшаго живетъ»—и вотъ, я думаю, что мы, Союзъ Криминалистовъ, должны жить для лучшаго будущаго, если мы безсильны въ настоящемъ.

В. Н. Новиковъ. Я займу ваше вниманіе на нѣсколько минутъ и начну съ возраженія графу Толстому, который стоитъ на противоположной моей точкѣ зрѣнія и говоритъ, что редакторъ—это есть понятіе формальное. Противъ этого можно много спорить, но едва ли мы придемъ къ окончательному выводу, ибо я считаю, что и та и другая точки зрѣнія могутъ быть оправданы только болѣе глубокимъ анализомъ понятія преступленій печати. Я отвѣчу только, почему я ссылался на мотивы комиссіи 1862 и 1863 г.г., а не ссылался на мотивы комиссіи Кобеко:—потому, что въ соображеніяхъ къ анализируемому закону имѣются ссылки на законъ 1865 и 1905 г.г., но нѣтъ ссылокъ на комиссію Кобеко, и поэтому мотивы комиссіи Кобеко не могутъ опредѣлить толкованія дѣйствующаго закона. Что касается до практики правительствующаго сената, я укажу, что конструкція отвѣтственнаго редактора по русскому праву затруднительна потому, что въ конструкцію входитъ разрѣшеніе правительства, а если оно опредѣляетъ возможность быть редакторомъ, то всѣ остальныя соображенія отпадаютъ. Переходя къ возраженіямъ другого оппонента, который страдаетъ боязнью чтенія книгъ,—къ сожалѣнію, его здѣсь нѣтъ,—скажу, что если бы этотъ оппонентъ попытался прочесть книгу, которая является необходимой при трактованіи вопроса о печати, то, можетъ быть, не произошло бы печальнаго недоразумѣнія. Онъ говоритъ: «вы, докладчики, трактуете вопросъ внѣ времени и мѣста, вы устраиваете перекличку ученыхъ». Да всегда, если какой-нибудь вопросъ труденъ, то сначала разсматривается литература, разсматривается то, что дали ученые, приводится на справку все, къ чему пришли ученые, и дѣлается

выводъ, можно ли принять итогъ науки, которая трудилась надъ этимъ вопросомъ.—Вы должны, говорилъ онъ, сказать собственное самое хорошее мнѣніе. Посмотримъ, къ чему это «самое хорошее» мнѣніе сводится. По вопросу о печати научная постановка возможна только въ Англіи, а въ Бельгіи невозможна. Почему? Научная точка зрѣнія заключается и въ томъ, что берутъ положительное право, разсматриваютъ и говорятъ: вотъ какова конструкція. Почему въ Бельгіи и Россіи это невозможно? Затѣмъ произошла и вторая ошибка. Мы доказывали, что невозможно лицо не виновное присуждать къ ссылкѣ на поселеніе, если мы не можемъ доказать его вины. Какова же отвѣтственность, которую я провожу? Я стою на той точкѣ зрѣнія, что редакторъ долженъ редактировать свой органъ, знать его, отвѣчать за то, что распространяетъ статью, заключающую въ себѣ преступныя мысли, а если онъ просмотрѣлъ, тогда наступаетъ то, что дѣлается со всякимъ человѣкомъ, который отвѣчаетъ за нерадѣніе къ своему дѣлу, такъ что отвѣтственность редактора только устанавливается за неисполненіе его редакторскаго долга. Можетъ быть, недосмотръ объясняется причинами уважительными, тогда нужно карать за нерадѣніе, или же возможенъ такой недосмотръ, который можетъ быть причисленъ къ умыслу, и отвѣтственность тогда должна быть болѣе тяжкой. Редакторъ говоритъ:—«сегодня пишетъ г. А., онъ пишетъ противъ правительства, я лучше не приду въ редакцію». Если мы установимъ, что нужно будетъ доказать умыселъ, то и будутъ отвѣчать дѣйствительно виновныя лица, а редакторъ будетъ отвѣчать только за нерадѣніе по службѣ, за недосмотръ. Было одно предложеніе, что редакторъ отвѣчаетъ и за содержаніе статей—это нужно отвергнуть, нужно построить особую отвѣтственность редактора, какъ отвѣтственнаго наблюдателя за содержаніемъ сочиненій. Если мы привлечемъ опытъ науки и опытъ нашъ, то не будемъ говорить, что мы сюда явились и совершенно забыли людей, которые грудью своей выдержали то, что происходило въ Россіи въ 1905—1906 годахъ. Н. Н. Полянскій, Г. Н. Штильманъ и я, мы тоже грудью своею вынесли это, мы тоже адвокаты, но мы еще читаемъ книжки и приносимъ опытъ, который имѣемъ. Я не знаю, можно ли такимъ образомъ нападать на доклады. Говорятъ, что нужно отбросить науку, что нужно исходить изъ того соображенія, что мнѣ такъ хочется, мнѣ такъ нравится. Но если бы критическій методъ былъ примѣненъ къ тому, что мнѣ такъ нравится, мнѣ такъ хочется, то было бы усмотрѣно, что по уголовному уложенію существуетъ отвѣтственность на основаніи общаго закона о соучастіи. Это—общеизвѣстное положеніе, а наши доклады стремятся эту отвѣтственность свести къ минимуму. И вотъ это-то вы и просмотрѣли.

Предсѣдатель. За подписью 6 лицъ внесена слѣдующая резолюція: «За произведенія, помѣщенныя въ органахъ періодической печати, отвѣтственнымъ лицомъ является единственно отвѣтственный редакторъ. За произведенія не-періодическія дол-

женъ быть сохраненъ порядокъ послѣдовательной отвѣтственности, установленной по прил. къ ст. 45 изд. 1885 г.».

В. Д. Набоковъ. Я думаю, что на этой резолюціи отразился основной недостатокъ сегодняшнихъ преній, которыя должны были, по моему мнѣнію, привести дѣйствительно къ тому, что мы сегодня должны по этому вопросу, разойтись, сказавъ, что вопросы объ установленіи порядка отвѣтственности по преступленіямъ въ печати неразрывно связаны, какъ я уже сказалъ во вступительномъ словѣ, съ вопросомъ о правовомъ положеніи печати вообще, и что поэтому разрѣшить этотъ вопросъ можно только тогда, когда вопросъ о правовомъ положеніи печати будетъ разрѣшенъ теоретически и практически. Изъ содержанія резолюціи неясно, говорится ли въ первомъ тезисѣ, что то-то желательно, или говорится о практической возможности, потому что говорится «является отвѣтственнымъ»,—долженъ ли быть отвѣтственнымъ или желательно, чтобы былъ отвѣтственный редакторъ. Затѣмъ здѣсь вѣдь уже указывали въ преніяхъ, что нельзя же все сводить къ политическимъ преступленіямъ. Едва ли всѣ внесшіе эту формулу будутъ настойчиво доказывать, что лица, выбравшія газету орудіемъ распространенія клеветы, подвергнувшія отвѣтственности редактора посылкой клеветнической телеграммы изъ провинціальнаго города, должны, по какимъ-то принципамъ, оставаться безотвѣтственными. Я думаю, никакія соображенія о свободѣ печати этого вывода не могутъ поддержать. Я сейчасъ не буду критиковать этихъ тезисовъ, потому что это выходило бы изъ предѣловъ того, что я хочу сказать, но мнѣ кажется, что основная ошибка заключается въ томъ, что тезисы, которые были выставлены докладчиками, которые должны были высказать въ сжатыхъ выраженіяхъ основную догматическую точку зрѣнія на институтъ отвѣтственнаго редактора съ одной стороны, и должны были дать съ ихъ точки зрѣнія теоретическое и догматическое разрѣшеніе вопроса о томъ, какой долженъ быть установленъ принципъ отвѣтственности за эти преступленія,—эти ихъ теоретическія и догматическія построенія были приняты за практическія формулы сегодняшняго дня. Затѣмъ была нарисована чрезвычайно грозная картина тѣхъ послѣдствій, которыя должны наступить при этомъ. Я думаю, что это совершенно неправильно. Я думаю, господа, что здѣсь таится болѣе общій упрекъ. Можетъ быть, намъ скажутъ, что мы должны вообще на засѣданія Русской Группы вносить только злободневные вопросы и давать только злободневное рѣшеніе. Мы этой точки зрѣнія не держались. Какъ я уже указывалъ, мы становились на точку зрѣнія болѣе широкую, мы пытались подходить къ различнымъ научнымъ промблемамъ и давать посильное ихъ разрѣшеніе, теоретическое и догматическое. Если мы ошиблись, если докладчики ошибались—это другое дѣло. Но не слѣдуетъ заподазривать, что мы желаемъ эти свои теоретическія построенія сейчасъ же осуществлять, несмотря на то, что окружающія условія жизни совершенно этого не допускаютъ,

Докладчики предлагаютъ никакой резолюціи не выносить сегодня. Комитетъ не предлагаетъ сегодня никакой резолюціи, кромѣ одного только выраженія пожеланія, чтобы этотъ вопросъ былъ поставленъ въ общемъ вопросѣ о правовомъ положеніи печати. Съ этой точки зрѣнія я бы просилъ отъ имени комитета лицъ, подписавшихъ эту формулу, снять ее съ очереди.

(Зарудный, гр. Толстой и др. подписавшіе заявляютъ съ мѣста согласіе снять формулу).

Предсѣдатель. Объявляю засѣданіе закрытымъ.

Засѣданіе 31 марта 1912 года.

Засѣданіе открывается въ 2 ч. 5 м.

Предсѣдатель А. Д. Киселевъ. Слово для сообщенія предоставляется Н. А. Окуневу.

(*Сообщеніе Н. А. Окунева: «Первый международный конгрессъ о судахъ для малолѣтнихъ въ Парижѣ», см. «Журн. Угол. Права и Проц.» 1912 г. № 4*).

Предсѣдатель В. Ф. Матвѣевъ. Предоставляю слово для заявленія В. Д. Набокову.

В. Д. Набоковъ. Господа, сейчасъ намъ предстоитъ выслушать сообщеніе В. Н. Ширяева, послѣ чего будетъ объявленъ перерывъ. Комитетъ проситъ всѣхъ, кто желаетъ внести проекты резолюцій или поправокъ къ нимъ по вопросу объ опасномъ состояніи личности преступника, сдѣлать это до перерыва, дабы къ моменту возобновленія нашего засѣданія авторы проектовъ могли между собою столковаться и, по возможности, согласовать свои пожеланія въ небольшомъ количествѣ проектовъ. Возраженій нѣтъ?

Предсѣдатель. Слово для сообщенія принадлежитъ В. Н. Ширяеву.

(*Сообщеніе В. Н. Ширяева: «О наказуемости лиходательства» см. «Журн. Угол. Права и Проц.» 1912 г. № 3*).

Предсѣдатель. Слово принадлежитъ В. Д. Набокову.

В. Д. Набоковъ. Разрѣшите огласить поступившіе проекты резолюцій.

1) За подписью В. Каплуна и Е. Рудаева:

«Признавая, что подавляющее большинство факторовъ преступности кроется въ области соціальныхъ явленій, что борьба съ соціальными факторами преступности немыслима путемъ уголовной репрессіи и возможна лишь при помощи широкихъ соціальныхъ реформъ, что цѣлью уголовнаго законодательства является борьба лишь съ индивидуальными факторами преступности, лежащими въ сферѣ біологическихъ признаковъ каждой отдѣльной личности, что уголов-

ная репрессія должна всецѣло покоиться на принципѣ цѣлесообразности, и что этому принципу кореннымъ образомъ противорѣчитъ понятіе воздаянія за метафизическую нравственную вину, — 9-ое Общее Собраніе Русской Группы Международнаго Союза Криминалистовъ постановило:

1) что основаніемъ уголовной репрессіи должны служить біологическія свойства данной конкретной личности, поскольку изъ нихъ вытекаетъ вѣроятность совершенія въ будущемъ со стороны преступившаго законъ лица дальнѣйшихъ преступныхъ дѣяній,

2) что при наличности такого чисто психологическаго основанія уголовной репрессіи необходимы особыя гарантіи свободы и неприкосновенности личности,

3) что единственной подобной гарантіей можетъ служить распространеніе на уголовно-репрессивную дѣятельность государства принциповъ права необходимой самообороны,

4) что уголовная репрессія государства должна поэтому соразмѣряться исключительно со степенью грозящей ему со стороны біологическихъ свойствъ данной личности опасности и считаться съ важностью нарушеннаго блага, лишь какъ съ однимъ изъ признаковъ таковой опасности,

5) что поводомъ къ примѣненію уголовной репрессіи должно служить лишь совершеніе данной личностью преступнаго дѣянія,

6) что разсмотрѣніе вопроса объ опасномъ состояніи личности и примѣненіе уголовной репрессіи должно принадлежать исключительно суду,

7) что при возникновеніи у суда разумнаго сомнѣнія въ опасности состоянія подсудимаго, сомнѣніе это должно быть истолковано въ пользу признанія подсудимаго неопаснымъ,

8) что уголовная репрессія по отношенію къ подсудимымъ, признаннымъ неопасными, не можетъ быть примѣнена вовсе,

9) что во всѣхъ остальныхъ случаяхъ уголовная репрессія,—въ формѣ мѣръ наказанія, либо исправленія, либо лѣченія, либо изоляціи—должна соразмѣряться со степенью опасности преступника и со свойствами его психики,

и 10) что хотя предоставленіе столь широкихъ правъ судебной власти въ полицейскихъ государствахъ можетъ возбудить опасеніе въ вѣроятности злоупотребленій со стороны суда въ ущербъ свободѣ личности, но подобное опасеніе должно оставаться не менѣе глубокимъ при наличности стѣсненія предѣловъ усмотрѣнія суда закономъ, ибо характерной чертой полицейскихъ государствъ является игнорированіе закона со стороны какъ исполнительной, такъ и судебной власти».

2) За подписью М. М. Исаева, М. Н. Гернета, С. К. Гогеля, Э. Ю. Грюнберга, А. А. Исаева, А. Н. Кремлева и I. Фукса:

«Общее Собраніе Русской Группы Международнаго Союза Криминалистовъ признаетъ внесеніе въ уголовное законодательство понятія опаснаго состоянія личности преступника, въ виду его крайней широты и неясности, нежелательнымъ и угрожающимъ личной свободѣ».

3) За подписью С. П. Ордынскаго:

«Русская Группа М. С. К. признаетъ, что существующая степень разработки теоріи опаснаго состоянія не даетъ пока логическаго права на переходъ къ проектированію практическихъ мѣръ ея осуществленія въ жизни».

4) Проектъ, предложенный Комитетомъ:

«IX-ое Общее Собраніе находитъ:—

I. Карательная дѣятельность государства, покоясь на признаніи начала личной виновности и отличаясь по самому существу отъ всякихъ иныхъ формъ принудительнаго воздѣйствія на личность, основывается на оцѣнкѣ свойства и тяжести учиненнаго преступленія.

II. Что касается мѣръ соціальной защиты отъ опасныхъ для общества лицъ, то введеніе этихъ мѣръ въ законодательство допустимо лишь при наличности широкихъ и прочныхъ гарантій свободы и правъ личности.

III. При существованіи такихъ гарантій государство можетъ прибѣгать въ дѣлѣ борьбы съ преступностью къ указаннымъ мѣрамъ, независимо отъ примѣненія если это окажется необходимымъ въ виду опасныхъ свойствъ личности преступника, мѣръ, указанныхъ въ уголовномъ законѣ и признанныхъ судомъ. Принятіе этихъ мѣръ должно быть предоставлено уголовному суду, контролирующему и самое ихъ осуществленіе.

IV. Собраніе признаетъ желательной дальнѣйшую разработку вопроса въ двоякомъ направленіи:

1) конкретнаго выясненія тѣхъ категорій преступниковъ, въ отношеніи которыхъ могутъ быть приняты мѣры защиты (какъ наприм., душевно-больныхъ, алкоголиковъ, профессіональныхъ преступниковъ);

2) установленія процессуальныхъ условій разрѣшенія вопроса объ опасности и мѣрахъ защиты (какъ наприм., соотвѣтствующая постановка психіатрической экспертизы, разрѣшеніе вопроса присяжными засѣдателями, особая научная подготовка судей и расширеніе рамокъ судебнаго слѣдствія по этимъ дѣламъ)»,

Къ этому проекту имѣются поправки Н. С. Таганцева и А. М. Круглякова.

Предсѣдатель. Объявляю перерывъ засѣданія на одинъ часъ.

Засѣданіе прервано въ 4 ч. и возобновляется въ 5 ч. дня.

Предсѣдатель М. П. Чубинскій. Засѣданіе возобновляется. Слово принадлежитъ В. Д. Набокову.

В. Д. Набоковъ. Господа, позвольте прежде всего огласить

тѣ двѣ резолюціи, къ которымъ послѣ совѣщанія свелись наши разногласія. Одна резолюція, подписанная М. М. Исаевымъ, С. К. Гогелемъ и др., гласитъ:

«Общее собраніе русской группы международнаго союза криминалистовъ признаетъ внесеніе въ уголовное законодательство понятія опаснаго состоянія личности преступника, въ виду его крайней широты и неясности, нежелательнымъ и угрожающимъ личной свободѣ».

Другая резолюція, которая предлагается комитетомъ, гласитъ такъ:

1) «Карательная дѣятельность государства, покоясь на признаніи начала личной виновности и отличаясь по самому существу отъ всякихъ иныхъ формъ принудительнаго воздѣйствія на личность, должна быть основана на оцѣнкѣ какъ свойства и тяжести учиненнаго преступленія, такъ и особенностей личности преступника, выразившихся въ этомъ преступленіи. 2) Что касается мѣръ соціальной защиты отъ опасныхъ для общества лицъ, то введеніе этихъ мѣръ въ законодательство допустимо лишь при установленіи въ законѣ широкихъ и прочныхъ гарантій свободы и правъ личности. 3) При существованіи такихъ гарантій государство можетъ прибѣгать въ дѣлѣ борьбы съ преступностью къ указаннымъ мѣрамъ независимо отъ примѣненія наказанія, если это окажется необходимымъ въ виду опасныхъ свойствъ личности преступника, точно указанныхъ въ уголовномъ законѣ и установленныхъ судебнымъ приговоромъ. Принятіе этихъ мѣръ должно быть предоставлено уголовному суду, контролирующему и самое ихъ осуществленіе. 4) Собраніе, не считая допустимымъ введеніе въ уголовный законъ общаго понятія опаснаго состоянія, признаетъ желательнымъ дальнѣйшую разработку вопроса въ двоякомъ направленіи: 1) конкретнаго выясненія тѣхъ спеціальныхъ категорій опасныхъ преступниковъ, въ отношеніи которыхъ могутъ быть приняты мѣры защиты, и 2) установленія процессуальнаго порядка разрѣшенія вопроса о мѣрахъ защиты и условіяхъ ихъ примѣненія».

Какъ видите, господа, резолюція, предлагаемая комитетомъ, отличается отъ резолюціи, предлагаемой другими членами собранія тѣмъ, что она не ограничивается однимъ отрицательнымъ тезисомъ, а къ этому отрицательному тезису прибавляетъ рядъ тезисовъ положительнаго характера. Съ другой стороны, господа, Вы можете видѣть изъ того, что текстъ резолюціи комитетской подвергся уже извѣстнымъ измѣненіямъ и довольно существеннымъ, что не авторское самолюбіе, не стремленіе во что бы стало навязать свою точку зрѣнія руководитъ нами въ нашемъ призывѣ поддержать эту резолюцію комитета. Мы исходимъ въ данномъ случаѣ изъ интереса дѣла, какъ мы его понимаемъ, съ одной стороны, а съ другой стороны—изъ признанія положе-

нія русской группы среди другихъ группъ международнаго союза. Несомнѣнно, что вопросъ, который мы разсматриваемъ, поставленъ и осуществляется практически, и русская группа, давая отрицательный и чисто отрицательный, ничѣмъ инымъ не сопровождаемый отвѣтъ, устранила бы себя такимъ образомъ, отъ дальнѣйшаго изученія этого вопроса въ сотрудничествѣ съ международнымъ союзомъ. Какія могутъ быть для этого основанія? Тутъ указывалось на опасность этой идеи—на ея преждевременность, на угрозу, которую она представляетъ для политической и гражданской свободы. Мы именно и считаемъ, что устанавливая точку зрѣнія, какъ она выразилась въ положеніи комитета, мы идемъ къ нашимъ западнымъ сосѣдямъ и указываемъ имъ на то, при какихъ условіяхъ возможно только введеніе этого понятія,—при его конкретизаціи, установленіи тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ мѣръ по отношенію къ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ категоріямъ преступниковъ. Съ этой точки зрѣнія я считаю весьма важнымъ принятіе нашего второго тезиса, который говоритъ о гарантіяхъ свободы и правъ личности. Съ этой точки зрѣнія я считаю весьма цѣлесообразнымъ и важнымъ подчеркнуть, что эти мѣры должны примѣняться только уголовнымъ судомъ въ примѣненіи къ лицамъ, уже совершившимъ преступленіе. Но центръ тяжести тезисовъ лежитъ въ конечномъ 4 тезисѣ, гдѣ мы намѣчаемъ дальнѣйшую программу дѣятельности. Когда мы, признавая себя членами международнаго общенія, приходимъ къ нашимъ западнымъ друзьямъ съ чистымъ листомъ, на которомъ ничего не написано, то, разумѣется, мы не можемъ считать себя призванными участвовать въ дальнѣйшей общей работѣ. Между тѣмъ, когда мы говоримъ о практическихъ условіяхъ, при которыхъ только данная идея можетъ быть осуществляема, то тѣмъ самымъ мы пріобщаемся къ общей работѣ. Не забудьте, господа, что третьяго дня мы апплодировали словамъ д-ра Чехова, который приглашалъ насъ поставить этотъ вопросъ на обсужденіе будущаго съѣзда и призвать къ участію въ этой работѣ психіатровъ. Согласитесь, если мы не дадимъ опредѣленнаго положительнаго указанія, то эта работа становится безцѣльной. На ней мы ставимъ крестъ, и такимъ образомъ мы вычеркиваемъ себя изъ участія въ этой общей работѣ. Поэтому, господа, съ точки зрѣнія нашихъ будущихъ работъ, съ точки зрѣнія практической программы этихъ работъ и съ точки зрѣнія нашего положенія, какъ членовъ международнаго союза, мы обязаны считаться не только съ одними субъективными воззрѣніями, а съ тѣмъ, что уже существуетъ на практикѣ, и къ чему мы должны занять опредѣленное положеніе, на которое мы не можемъ отвѣтить общимъ огульнымъ отрицаніемъ, потому что отъ насъ потребуютъ, чтобы мы разобрали, сказали—гдѣ, когда, въ какой степени

та или другая мѣра соціальной защиты угрожала интересамъ свободы личности, и можно ли такой упрекъ бросать мѣрамъ соціальной защиты, примѣняемымъ, скажемъ, въ Англіи, или нельзя. При такихъ условіяхъ, наша дѣятельность можетъ явиться, съ точки зрѣнія требованій интересовъ уголовнаго права международнаго, планомѣрной. Поэтому комитетъ убѣдительно настаиваетъ на принятіи положительныхъ тезисовъ, хотя по существу присоединяется къ этому отрицательному тезису, но считаетъ, что одно принятіе отрицательнаго тезиса, безъ того, чтобы высказаться по существу и въ смыслѣ положительномъ, не достигло бы цѣли и было-бы крайне нежелательнымъ.

С. К. Гогель. Та резолюція отрицательная, которую мы предложили, получилась, благодаря согласованію различныхъ резолюцій, и мы думали, что облегчимъ задачу собранія, предлагая такое общее понятіе, на которое всѣ согласятся. Та формула, которую мы предлагаемъ, ничуть или по крайней мѣрѣ не такъ рѣзко расходится съ мыслью комитета, но мы ее предлагаемъ прямѣе и откровеннѣе, чѣмъ это сдѣлалъ комитетъ, который просто перескочилъ черезъ трудности и предложилъ означенную мѣру. Мы прямо и откровенно говоримъ, что введеніе даннаго понятія въ законодательство и въ науку представляется несвоевременнымъ въ виду его широты и неясности. Но этимъ нашимъ предложеніемъ мы нисколько не предрѣшаемъ дальнѣйшей его разработки. И если въ этомъ случаѣ желательно дополнить нашу резолюцію въ томъ смыслѣ, что мы не отказываемся отъ разработки вопроса въ отношеніи къ отдѣльнымъ мѣрамъ, которыя уже примѣняются, къ оцѣнкѣ ихъ и къ установленію, по какимъ основаніямъ и къ какимъ категоріямъ эти мѣры, уже дѣйствующія, должны быть примѣняемы, то въ этомъ случаѣ я думаю, что подписавшіе эту резолюцію ничего противъ имѣть не будутъ. Я долженъ сказать, что то, что предлагаетъ комитетъ, не представляется между собой согласованнымъ. 4 п. совершенно не согласуется съ предыдущимъ пунктомъ, и предыдущіе пункты—съ первымъ. Первый пунктъ, который предлагаетъ комитетъ, представляетъ собой повтореніе общепризнанной истины, что надо исходить изъ оцѣнки вины. Но вѣдь это есть общепризнанная истина, съ чѣмъ мы пришли изъ университета, и повторять ее мы считали нежелательнымъ. Затѣмъ, то, что мы выставили, это есть откровенный и прямой отвѣтъ на вопросъ, которымъ мы и занимались. Мы повторяемъ, что ничего не имѣемъ противъ прибавки, кромѣ того мы признаемъ желательнымъ дальнѣйшую разработку и освѣщеніе тѣхъ мѣръ, которыя примѣняются нынѣ, мѣръ опекунскихъ и установленія основаній, по которымъ онѣ примѣняются, и категорій тѣхъ лицъ, къ которымъ онѣ должны примѣняться.

В. Д. Набоковъ. Я думаю, что С. К. Гогель говорилъ только отъ своего имени, потому что при обсужденіи совмѣстномъ этого вопроса сейчасъ мнѣ было заявлено со стороны лицъ, внесшихъ эту формулу, что они никакихъ добавленій къ ней не желаютъ дѣлать. Затѣмъ, что касается перваго тезиса, то совершенно вѣрно, что въ немъ изложены свѣдѣнія, которыя мы вынесли изъ университета, но не наша вина, если въ такой формѣ былъ формулированъ вопросъ. Должно ли въ основу уголовной репрессіи быть положено свойство преступнаго дѣянія или опасное состояніе, опасное свойство личности?

Если мы имѣемъ въ отвѣтѣ общепризнанное положеніе, то тѣмъ лучше.

М. Н. Гернетъ. Я только хочу сказать, что мы, подписавшіе резолюцію, всецѣло присоединяемся къ тому, что сказалъ С. К. Гогель.

А. С. Зарудный. Это не есть дополненіе, а есть разъясненіе въ отвѣтъ на то, что мы какъ бы отказываемся отъ дальнѣйшей работы.

В. Д. Набоковъ. Я бы хотѣлъ выяснить вопросъ, ограничиваются ли лица, внесшія это предложеніе, тѣмъ, что внесли, или думаютъ дополнить его, или, въ концѣ концовъ, думаютъ присоединиться къ предложенію комитета.

С. К. Гогель. Я могу сдѣлать это дополненіе.

В. Д. Набоковъ. Я извиняюсь передъ собраніемъ. Мы именно для того и удалились, чтобы придти къ какому-нибудь соглашенію. Мнѣ казалось, что соглашенія нельзя достигнуть. Между тѣмъ, я вижу, что въ настоящее время выступающій на эту каѳедру заявляетъ, что онъ желаетъ придти къ соглашенію. Можетъ быть, мы придемъ къ соглашенію. Я извиняюсь за это промедленіе, которое не зависѣло отъ комитета.

С. К. Гогель. Мы съ товарищами полагали, что такого добавленія не нужно дѣлать, такъ какъ оно само собой вытекаетъ.

В. Д. Набоковъ. Я долженъ сказать, что мы лично не можемъ явиться въ союзъ съ такимъ тезисомъ, который «самъ собой вытекаетъ». Мы можемъ явиться съ тѣмъ, что принято собраніемъ, и если собраніе отвергло тезисъ и ничего не дало, то мы изъ своей головы и своихъ убѣжденій не можемъ черпать никакихъ другихъ указаній.

Предсѣдатель. Господа, въ настоящее время уже четверть шестого. Позвольте вамъ напомнить, что мы имѣли по этому вопросу свыше 20 ораторовъ, слѣдовательно, вопросъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія былъ освѣщенъ. По двумъ направленіямъ шло соглашеніе. Получились двѣ резолюціи. Я вполнѣ согласенъ, что въ извѣстномъ исходномъ пунктѣ онѣ имѣютъ нѣчто общее, но не скажу, что онѣ тожественны. Однимъ лицамъ желательно рѣзко

подчеркнуть невозможность и непримѣнимость понятія опаснаго состоянія, а другіе говорятъ: при условіи конкретизаціи можно. Значитъ, тутъ не совсѣмъ одно и то же. Далѣе, одни говорятъ: мы хотимъ конструировать нежелательность, недопустимость по такимъ-то причинамъ, другіе говорятъ: нѣтъ, мы этимъ не должны ограничиваться, мы должны указать конкретныя причины такія и такія-то. Ясно, что передъ нами два теченія, которыя шли другъ другу на встрѣчу, но на очень прочномъ и извѣстномъ демаркаціонномъ пунктѣ остановились. И мы не имѣемъ другого выхода, какъ баллотировать ту и другую резолюціи, которыя имѣются.

В. Д. Набоковъ. Я хочу къ сказанному прибавить два слова. Я повторяю, что можно быть вполнѣ согласнымъ съ тезисомъ, предлагаемымъ отъ имени нѣкоторыхъ членовъ, но при голосованіи, въ виду того, что первымъ будетъ голосоваться не нашъ тезисъ, мы будемъ высказываться противъ него, потому что считаемъ, что принятіе только одного ихъ тезиса является нежелательнымъ.

Предсѣдатель. На прежнихъ съѣздахъ нашихъ была традиція, согласно которой первой голосовалась резолюція, предложенная комитетомъ. Но если вамъ угодно, можно установить другой порядокъ.

Голоса. Комитета, комитета.

А. С. Зарудный. Это не поправка, это другая резолюція.

Предсѣдатель. Я полагаю, что въ данномъ случаѣ можно объ этомъ не спорить. Будетъ ли принята или не принята комитетская резолюція, вторая резолюція будетъ баллотироваться непремѣнно.

А. С. Зарудный. Я считаю, что во всякомъ собраніи предложеніе резолюціи зависитъ отъ власти предсѣдателя. Такъ что въ данномъ случаѣ порядокъ голосованія всецѣло зависитъ отъ нашего предсѣдателя. Я считаю, что должна баллотироваться резолюція комитета, потому что это не поправка, — поправка, конечно, баллотируется раньше, — а это другая резолюція. Комитетъ предложилъ доклады, и естественно, что его резолюція должна баллотироваться раньше. Затѣмъ, я считаю, что если собраніе приметъ эту резолюцію, то баллотировать вторую мы уже не должны, потому что это есть не отобраніе мнѣнія у отдѣльныхъ лицъ, а есть резолюція коллективнаго цѣлаго, извѣстной единицы научной, извѣстной личности, а личность не можетъ раздваиваться. Она можетъ въ иныхъ случаяхъ мѣняться. Къ слѣдующему съѣзду мы можемъ измѣнить наше мнѣніе, но сегодня у насъ можетъ быть только одно мнѣніе.

Предсѣдатель. Я сдѣлалъ такое предложеніе исключительно потому, что до открытія засѣданія я слышалъ, что желательно, если резолюція не пройдетъ, выяснить,

будетъ ли поддержано частное предложеніе, ибо въ данномъ случаѣ оно является резолюціей меньшинства. И такъ какъ въ практикѣ прежнихъ собраній имѣется такая традиція, то я и считалъ, что и вторая резолюція, резолюція меньшинства, должна быть подвергнута баллотировкѣ. Я думаю, лучшій выходъ будетъ такой: мы будемъ баллотировать резолюцію комитетскую; если она будетъ отвергнута, мы перейдемъ ко второй резолюціи. Если резолюція комитета будетъ принята, я поставлю на баллотировку вторую резолюцію только въ томъ случаѣ, если лица, ее подписавшія, этого потребуютъ. Мнѣ кажется, что такимъ способомъ споръ будетъ устраненъ.

В. Д. Набоковъ. Если первая резолюція комитетская будетъ принята, а потомъ будутъ голосовать еще резолюцію, предложенную меньшинствомъ, то я не знаю, какъ я долженъ голосовать; разъ принята резолюція комитета, я присоединяюсь и ко второй, но если комитетская не принята, тогда я не знаю, какъ голосовать.

Л. И. Поволоцкій. Я считаю, что въ собраніи могутъ быть различныя теченія. И потому нельзя тѣмъ, что большинствомъ принята такая-то резолюція, тѣмъ самымъ закрывать ротъ меньшинству и не давать права этому меньшинству формулировать свою точку зрѣнія. Поэтому совершенно понятно, что тѣ лица, которыя будутъ голосовать за резолюцію комитетскую, не будутъ голосовать за вторую резолюцію. Совершенно ясно: двѣ резолюціи голосуются, будетъ принята одна резолюція—большинства. Голосуется и резолюція меньшинства, и это я считаю справедливымъ и обезпечивающимъ права меньшинства.

И. Л. Бабатъ: Я позволю себѣ просить слова именно по этому вопросу. Я считаю, что это самый кардинальный вопросъ, который сегодня разрѣшается собраніемъ. Насколько я понимаю, когда идетъ вопросъ о голосованіи той или другой резолюціи, нужно, конечно, прежде всего касаться вопроса такъ называемаго логическаго порядка. Быть можетъ, существуетъ извѣстная добрая традиція, созданная прежними собраніями, но больше правъ и, я бы сказалъ, преимуществъ имѣетъ законъ логики. Въ настоящее время были внесены двѣ резолюціи. Одна резолюція за подписью М. М. Исаева, С. К. Гогеля и др., а другая резолюція, предложенная комитетомъ. И если съ точки зрѣнія логики подойти къ обсужденію вопроса того, что находится въ каждой изъ этихъ резолюцій, то вы, конечно, согласитесь со мной, что резолюція комитетская по своему составу, по своему содержанію и той мысли, которая въ нее вложена, уже заключаетъ въ себѣ то, о чемъ говоримъ мы. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія логики является настоятельно необходимымъ прежде всего выяснить основной вопросъ, надъ которымъ мы трудились 4 дня, т. е. желательно ли

внесеніе въ томъ или иномъ видѣ опредѣленнаго понятія опаснаго состоянія. И лишь послѣ того, какъ это будетъ принято, можно говорить о тѣхъ или иныхъ частностяхъ или дсбавленіяхъ. Возвращаясь къ этому вопросу, я считаю, что резолюція, подписанная Исаевымъ и др., и заключаетъ въ себѣ разрѣшеніе самаго кардинальнаго вопроса. Если вы предложите эту резолюцію на обсужденіе собранія, и собраніе скажетъ, что оно считаетъ желательнымъ, то естественно и понятно приступить къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ положеній. Но если собраніе выскажется, что оно считаетъ нежелательнымъ, тогда отпадаетъ, конечно, остальная часть. Вотъ почему я ходатайствую о томъ, чтобы въ началѣ проголосована была та резолюція, которая внесена нами.

Предсѣдатель. Я лишенъ буду возможности дальше предоставлять слово даже по порядку голосованія, потому что такъ мы никогда не кончимъ. Разъ высказаны разныя мнѣнія, каждое изъ нихъ мотивировано, какъ же можно заставить насъ признать, что то должно быть, что этого не должно быть.

Голоса. Правильно, правильно.

Я ставлю на голосованіе резолюцію комитетскую. Угодно ее огласить еще разъ?

Голоса. Нѣтъ, нѣтъ. Другіе: просимъ просимъ.

Предсѣдатель. Разъ раздаются голоса за прочтеніе, разъ кто-нибудь проситъ еще разъ, значитъ надо огласить (читаетъ).

Предсѣдатель. Приступаю къ голосованію.

Итакъ, сейчасъ баллотируется резолюція комитета. Прошу всѣхъ, кто съ этой резолюціей согласенъ, встать.

(Производится подсчетъ голосовъ). По подсчету оказалось 44 голоса.

Прошу обратно: прошу всѣхъ несогласныхъ встать. (Производится подсчетъ голосовъ). По подсчету за принятіе резолюціи 44 голоса; противъ—39 голосовъ, при нѣсколькихъ воздержавшихся.

Угодно ли лицамъ, внесшимъ вторую резолюцію, чтобы она была поставлена на голосованіе.

(Голоса. Просимъ, просимъ).

Прошу всѣхъ, кто согласенъ съ этой резолюціей, встать. (Производится подсчетъ голосовъ).

Число воздержавшихся внесло измѣненіе, и теперь за вторую резолюцію вмѣсто 39 человѣкъ 40 человѣкъ.

Такимъ образомъ, господа, большинствомъ съѣзда принята резолюція, предложенная комитетомъ.

Одинъ изъ членовъ группы. Можетъ быть всетаки общее собраніе найдетъ возможнымъ, въ виду крайне незначительнаго большинства, которымъ прошла комитетская резолюція, чтобъ комитетъ доложилъ международному союзу и объ нашей резолюціи.

В. Д. Набоковъ. Я не только доложу о ней, но еще доложу, что большинство высказалось противъ, потому что большинство 4 голосовъ далъ комитетъ, такъ какъ проголосовалъ весь комитетъ.

Но я хочу сказать, что не это важно. Мы не законъ принимаемъ, и если мы указали, что по данному вопросу есть два различныхъ направленія, одинаково сильныхъ, то это само по себѣ чрезвычайно важный и цѣнный фактъ (голоса: протоколъ вѣдь отпечатаютъ).

Н. С. Таганцевъ. Позвольте, господа, я самъ подавалъ голосъ и твердо стою за резолюцію, которую мы приняли въ большинствѣ, хотя и небольшомъ. Я думаю, что принятіемъ ея русская группа криминалистовъ скатежъ весьма большое слово по данному вопросу. И мы, принявшіе резолюцію комитета, съ твердостью подчеркиваемъ, что сущность уголовнаго процесса и сущность уголовной кары остается одна—это преслѣдованіе преступника, совершившаго преступное дѣяніе, что существо наказанія остается такимъ, какъ оно было поставлено уже классической школой. И такимъ образомъ, то меньшинство, которое явилось и которое еще больше подчеркиваетъ отрицательное отношеніе къ тому направленію, которое сложилось за послѣднее время, оно нисколько не отдаляется отъ большинства, и я думаю, что въ этомъ отношеніи значеніе и результаты нашего съѣзда чрезвычайно большіе. Русская группа высказалась, что система внесенія преслѣдованія опасныхъ людей можетъ быть разрабатываема въ теоретическомъ смыслѣ но внесеніе ея, какъ закона, недопустимо. Это одинаково принимается, какъ большинствомъ, такъ и меньшинствомъ (аплодисменты).

Чубинскій. Господа, основной вопросъ, по которому мы должны были вынести резолюцію, нами законченъ. По вопросу о печати, другому вопросу, который подлежалъ нашему разсмотрѣнію, было признано вынесеніе резолюціи по тѣмъ матеріаламъ, которые имѣлись у съѣзда, непріемлемымъ, и никакая резолюція не выносилась. По сообщеніямъ у насъ, по общему правилу, резолюціи не выносятся. Такимъ образомъ, вся эта часть нашей работы является законченной. Но раньше, чѣмъ я предоставлю слово г. Предсѣдателю нашей группы для его заключительной рѣчи, поставленной на повѣстку, я долженъ сказать, что въ общее собраніе поступило заявленіе, относящееся къ будущему, нижеслѣдующаго содержанія: «Общее собраніе выражаетъ пожеланіе, чтобы въ программу слѣдующаго общаго собранія русской группы международнаго союза криминалистовъ былъ бы включенъ вопросъ о преступности плодоизгнанія». Подписано именемъ г. Фукса, члена нашей группы. Такимъ образомъ, къ вопросамъ, порученнымъ комитету для разработки къ будущему съѣзду, рекомендуется или, по крайней мѣрѣ, предлагается еще и такой

вопросъ. Не найдетъ ли собраніе возможнымъ, чтобы вопросъ этотъ былъ внесенъ въ комитетъ, т. е. чтобы комитетъ это заявленіе принялъ къ свѣдѣнію? Едва ли удобно съѣзду въ цѣломъ составѣ, не зная, будутъ ли докладчики и будутъ ли доклады по этому вопросу, позволитъ ли, такъ сказать, общій планъ съѣзда, заранѣе связывать комитетъ директивой обязательно поставить этотъ вопросъ. До сихъ поръ такія директивы давались по вопросамъ, лишь на съѣздѣ разсмотрѣннымъ, когда признавалось желательнымъ ихъ дальнѣйшее разсмотрѣніе. Вы согласны съ этимъ? (Голоса: Согласны).

А. С. Зарудный. Я не по поводу послѣдней, а по поводу всѣхъ послѣднихъ рѣчей, хочу сдѣлать сообщеніе на ваше усмотрѣніе. Дѣло въ томъ, что непринятіе резолюціи по вопросу объ отвѣтственномъ редакторѣ вызвало извѣстное смущеніе и волненіе въ литературной средѣ, въ средѣ редакцій газетъ весьма уважаемыхъ, которыя видятъ въ этомъ какъ бы пренебреженіе со стороны русской группы къ интересамъ литературы. Не могли ли бы вы, М. П. Чубинскій и В. Д. Набоковъ, что-нибудь въ этомъ отношеніи намъ сказать, чтобы не было этого безпокойства, и чтобы пресса не была оставлена въ невѣдѣніи?

М. П. Чубинскій. Я отвѣчу на послѣдній вопросъ. Я долженъ сказать, что до комитета не доходило соотвѣтствующаго рода свѣдѣній, и мы можемъ поблагодарить А. С. Зарунаго за эту новую для насъ информацію. Но въ то же время я полагаю, что мы засѣдали не въ четырехъ стѣнахъ и не были отрѣзаны отъ міра, а засѣдали при наличности съ одной стороны—приглашенныхъ гостей нашихъ, а съ другой стороны—при наличности достаточно многочисленныхъ представителей печати. При такихъ условіяхъ, печать отъ начала до конца могла слѣдить за всѣмъ ходомъ нашихъ преній, и если, какъ отмѣчалось однимъ ораторомъ съ этой каѳедры, кому-нибудь, скажемъ, досталось по этому вопросу, то немножко досталось докладчикамъ, но никакъ уже не печати, потому что единодушно, всѣ, кто выступалъ и въ качествѣ оппонентовъ и въ качествѣ докладчиковъ, отстаивали ея интересы, какъ они ихъ понимали. Докладчики думали, что положенія, ими выставленныя, послужатъ на благо родной печати, оппоненты думали, что нужны другіе пути, въ путяхъ они расходились, но не въ желаніи упорядочить правовое положеніе русской печати и облегчить ея положеніе. Мнѣ кажется, что всѣ присутствующіе на съѣздѣ въ этомъ были единодушны. И я думаю, что констатированіе мною этого факта будетъ поддержано всѣми присутствующими (шумные аплодисменты).

В. Д. Набоковъ. Мнѣ кажется, что мы можемъ прежде всего поздравить другъ друга съ тѣмъ, что мы благополучно досидѣли до конца. По нашимъ временамъ и въ нашей прак-

тикѣ это уже извѣстное пріобрѣтеніе, и будемъ надѣяться, что оно станетъ традиціей. Я думаю, что отличительная особенность нашего съѣзда отъ предыдущихъ заключается въ томъ, что предложенія докладчиковъ, сдѣланныя здѣсь, не встрѣтили единодушной оцѣнки со стороны съѣзда, тогда какъ на предыдущихъ съѣздахъ предложенія, сдѣланныя докладчиками и затѣмъ принятыя комитетомъ, принимались почти единогласно. Въ настоящее же время мы должны были по одному докладу совершенно отказаться отъ резолюціи, по другому же у насъ произошло раздѣленіе собранія почти на двѣ равныя части. Если бы мы были отвѣтственными министрами, то это поставило бы насъ въ очень непріятное положеніе, но тогда вашимъ единодушнымъ избраніемъ, которое послѣдовало вчера, вы не подчеркнули бы, что и отвѣтственное министерство можетъ, несмотря на то, что остается въ меньшинствѣ, пользоваться довѣріемъ собранія. Но, къ счастью, мы не отвѣтственные министры, а лица, которыя поставлены во главѣ русской группы криминалистовъ съ цѣлью двигать ее на пути научнаго изученія и по возможности проводить извѣстные принципы въ жизненную практику. Съ этой точки зрѣнія я думаю, что то раздѣленіе, которое произошло сегодня, рѣшительно ничего неблагопріятнаго въ себѣ не заключаетъ. Я указывалъ уже въ моей рѣчи по поводу этого вопроса, что здѣсь сталкиваются зачастую различныя уголовно-юридическія «кредо». Ясное дѣло, что тутъ не можетъ быть вопроса о томъ, чтобы переубѣдить другъ друга, даже при наличности 20 ораторовъ, но въ теченіе всего лишь одного дня, а вопросъ въ томъ, чтобы точно и опредѣленно установить пункты расхожденія и пункты соглашенія. Я думаю, что по первому вопросу мы достигли одного весьма цѣннаго. Мы, русская группа, подчеркнули необходимость внесенія и сохраненія въ уголовномъ правѣ началъ этическихъ—свободы личности, гарантій этой свободы и затѣмъ защиты общества. Поскольку эта защита необходима, она должна быть осуществлена, но никогда не слѣдуетъ терять изъ виду этихъ основныхъ принциповъ. И если я въ Парижѣ, а въ будущемъ году, можетъ быть, въ Копенгагенѣ явлюсь выразителемъ идей и стремленій русской группы именно въ этомъ смыслѣ, то, по моему, это только хорошо и этого слѣдуетъ только желать. Съ другой стороны, мы должны принести благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя сдѣлали намъ такія интересныя сообщенія, но, къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени, мы не могли остановиться на ихъ обсужденіи. Въ частности, очень важный и интересный докладъ о лиходательствѣ остался неразсмотрѣннымъ, и мы можемъ только объ этомъ пожалѣть, но съ тѣмъ большей благодарностью отнестись къ тѣмъ лицамъ, которыя принесли свой трудъ, зная, что онъ можетъ быть оцѣненъ только вашими аплодисментами. Господа, я чув-

ствую, что всталъ на обычный путь заключительныхъ аккордовъ съѣздовъ, на путь благодарственный, на путь выраженія признательности. Прежде всего, мы должны вспомнить о томъ лицѣ, котораго, къ сожалѣнію, нѣтъ среди насъ, объ ректорѣ петербургскаго университета, который предоставилъ намъ это прекрасное помѣщеніе, и который далъ намъ возможность почувствовать вновь реально нашу связь съ роднымъ университетомъ и который самъ принималъ участіе въ нашемъ собраніи, открывъ первое засѣданіе. Позвольте прежде всего отъ имени съѣзда благодарить Э. Д. Гримма. Затѣмъ позвольте еще разъ принести нашу благодарность тому лицу, которое, ставъ во главѣ нашего съѣзда, въ качествѣ почетнаго его предсѣдателя, придало ему съ одной стороны авторитетность, а съ другой стороны опять-таки напомнило намъ о тѣхъ вѣчныхъ принципахъ науки уголовнаго права, которые всѣмъ намъ одинаково цѣнны. Я говорю о Н. С. Таганцевѣ.

Н. С. Таганцевъ. Позвольте мнѣ выразить вамъ мою благодарность за тѣ знаки вниманія, которые вы мнѣ оказали. Я, вѣроятно, доживаю свои послѣдніе годы, но позвольте пожелать вамъ, чтобы вы еще много разъ собирались и несли свой трудъ на пользу не только науки, но и на пользу человѣка, чтобы вы, работая въ области уголовнаго права, не забывали, что не только страдаетъ тотъ, кто потерпѣлъ отъ преступленія, но и тотъ, который совершилъ преступленіе, что все-таки надо видѣть въ немъ человѣка, и эта мысль постоянно должна преслѣдовать всякаго криминалиста, какъ теоретика, такъ и практика въ его работахъ, и это да будетъ вашимъ девизомъ въ будущемъ. (Шумные аплодисменты. Всѣ встаютъ).

В. Д. Набоковъ. Позвольте, господа, выразить затѣмъ признательность моимъ коллегамъ по президіуму, особенно тому лицу, которому сейчасъ такъ досталось, потому что до сихъ поръ во вчерашнемъ и сегодняшнемъ засѣданіяхъ роль предсѣдателя была скорѣе почетной и очень простой, тогда какъ сейчасъ она была весьма затруднительной. Позвольте выразить благодарность членамъ нашего президіума. Господа, остается еще вопросъ о будущемъ собраніи. Здѣсь было выражено предположеніе, что наше будущее собраніе состоится черезъ годъ. Господа, если бы рѣчь шла только о практическомъ осуществленіи, я не сомнѣвался бы, что мы встрѣтимъ и черезъ годъ такое же живое участіе со стороны русской группы и ту же весьма цѣнную и существенную поддержку со стороны нашихъ молодыхъ помощниковъ-распорядителей нашего сегодняшняго собранія, среди которыхъ впервые оказались и лица женскаго пола, такіе же юристы, какъ и мы, которыхъ я не смѣю назвать ни прекраснымъ, ни слабымъ поломъ, а могу назвать только лишь скромнымъ поломъ, такъ какъ онѣ

присутствовали на нашихъ собраніяхъ, къ сожалѣнію, не принимая участія въ дебатахъ. Можемъ надѣяться, что въ будущемъ собраніи онѣ не ограничатся ролью слушательницъ и помощницъ, но и примутъ участіе въ нашихъ преніяхъ. Можетъ ли быть будущее наше собраніе ровно черезъ годъ, на Пасхѣ, или въ концѣ будущаго года, это вопросъ, которому комитетъ посвятитъ все свое вниманіе. Во всякомъ случаѣ, комитетъ желалъ бы установить традицію, чтобы всякое наше собраніе было вполнѣ подготовлено. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи, какъ намъ указывалось, всѣ тѣ мѣры, которыя нами принимались, оказались дѣйствительными, и это, такъ сказать, даетъ намъ извѣстный толчекъ, чтобы мы въ этомъ отношеніи не останавливались передъ тѣмъ, чтобы по возможности опредѣленно и точно формулировать тѣ вопросы, которые будутъ поставлены въ программѣ. Позвольте этимъ пожеланіемъ закончить наше собраніе. Объявляю его закрытымъ.

